

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№

№ 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · · ВЕДЕНИЕ

журналу

40

лет

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2005
МАЙ
ИЮНЬ

Содержание

СТАТЬИ

<i>Распопович Р.Р., Бычков Ю.Е.</i> (Подгорица). Российское консульство в Которе. 1804–1806 годы	3
<i>Лабаури Д.О.</i> (Екатеринбург). Идеология македонизма в 1886–1903 годах	22

СООБЩЕНИЯ

<i>Фрейдзон В.И.</i> (Москва). Русские консульские донесения из Дубровника о положении в Далмации в 60-х – начале 70-х годов XIX века	38
<i>Исламов Т.М.</i> (Москва). Граф Иштван Тиса – “сильный человек” Венгрии	47
К XIV Международному съезду славистов	54

* * *

Материалы конференции “Политика и политики на Балканах. Национальный и международный контекст XIX–XX веков”	59
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Гольберг М.Я.</i> Л. Васильева. Штокавські літературні мови: Проблеми становлення, розвитку і сучасний стан	112
--	-----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Инны Ивановны Лециловской	115
К юбилею Виктора Ивановича Косика	116
К юбилею Галины Яковлевны Ильиной	117

НЕКРОЛОГИ

Памяти Владимира Израилевича Фрейдзона (1922–2004).....	119
Памяти Тофика Муслимовича Исламова (1927–2004)	121
Памяти Ирины Викентьевны Шабловской	124
Новые книги Института славяноведения РАН.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Якушкина В.И.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2005 г. *Р. Р. РАСПОПОВИЧ, Ю. Е. БЫЧКОВ*

РОССИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО В КОТОРЕ. 1804–1806 ГОДЫ

Активизация на рубеже XVIII–XIX вв. внешней политики Российской империи на Балканах, частным проявлением которой можно рассматривать и открытие российского консульства в Которе, происходила в контексте крупных политических подвижек на европейском континенте того времени. После Великой Французской революции и особенно после того, как Наполеон Бонапарт, провозгласивший себя императором Франции, заявил о стремлении воссоздать империю Карла Великого, характерное для XVIII в. равновесие сил европейских государств было нарушено. Ради его восстановления европейские правительства активно занялись формированием новых коалиций.

Непосредственное участие в этом принимала Россия. Император Александр I находился перед искушением следовать советам своего ближайшего окружения, отстаивавшего курс “национальной достаточности” России, фактически ведущий к ее самоизоляции. Однако в конечном итоге победила точка зрения, получившая название политики “свободных рук”. Россия восстановила отношения с Великобританией и Австрией и в то же время подписала договор с Францией (октябрь 1801 г.), по которому, в частности, стороны брали на себя взаимные обязательства о согласовании действий в решении средиземноморского вопроса. Впрочем, вскоре Франция стала нарушать подписанные договоренности. Назначенный в январе 1804 г. управляющим министерством иностранных дел России А.Е. Чарторыйский продвигал идею славянского единства.

Экспансионистская политика Наполеона, борьба за передел сфер влияния ставили в повестку дня решение Восточного вопроса, связанного и с судьбой одряхлевшей Османской империи. Россия как великая держава, еще со времен императора Петра I и императрицы Екатерины II укрепившая свои позиции выходом к северным берегам Черного моря и правом прохода судов через проливы Босфор и Дарданеллы, обладала по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. статусом защитницы православных христиан Османской империи. Теперь же приоритетными целями своей имперской политики она считала дальнейшее расширение влияния на Балканах и в Средиземноморском бассейне, активное участие в решении судьбы Османской империи. Реально рассматривались варианты формирования здесь новых славянских государств, дружественных России.

Иные задачи ставила перед собой австрийская монархия, выступавшая союзницей России в антинаполеоновских коалициях. Решение Восточного вопроса Вена видела через “захват западной части Балканского полуострова, когда будут созданы благоприятные для этого международные условия”. При другом варианте допускалось сохранение “Турецкого царства”, “пока Австрия не будет готова сама начать военные действия” [1. С. 5].

Из сказанного видно, что интерес России к открытию своего заграничного представительства в этом регионе, как и направление специальной миссии во главе с графом М. Ивеличем, обуславливался не столько необходимостью налаживания дипломатической и консульской работы в Которе, Бококоторском заливе и Черногории, сколько свидетельствовал о наличии более крупных, далеко идущих внешнеполитических задач.

С падением Венецианской республики (1797) и входом Австрии в Далмацию и Боку Которскую Черногория приобрела сильного европейского соседа. Однако такое соседство существенно затрудняло решение Черногорией собственных задач освободительной борьбы, формирования центральной власти и оформления независимого государственного статуса. Стесненная амбициозными планами Вены и политикой Османской империи, а также исходя из возможного похода на нее Наполеона, Черногория, формально считавшаяся ее частью, после безуспешных обращений за помощью к России прибегла к попыткам установить более близкие отношения с Францией¹. Олицетворял эту политическую линию духовный лидер Черногории Цетиньский митрополит Петр I Петрович-Негош.

Очевидно, что с учетом общей расстановки сил между великими державами в Европе такие действия черногорских властей шли в разрез с русскими интересами на Балканах. Новый внешнеполитический курс черногорского владыки был неприемлем для России из-за возможного военного союза Черногории и Франции и глобальных российских политических планов всесторонней защиты Османской империи в случае похода на нее Наполеона, чтобы не допустить контроля Франции над проливами Босфор и Дарданеллы. Российские стратеги предполагали, что скалистый рельеф Балкан будет способствовать здешнему храброму населению противодействовать проникновению французских войск на османскую территорию, по крайней мере, до прихода объединенных русских, английских и турецких сил. В случае невозможности остановить французское наступление силами местного населения одним из потенциальных решений являлось образование независимого, простирающегося от Боки Которской до Сербии, всеславянского государства под покровительством Порты и защитой России; его население, связанное с Россией общностью языка и православной верой, выступило бы ее главным форпостом в регионе [3. С. 54–56] (более подробно см.: [4. С. 11]). Другое такое государство могло быть образовано из греческих областей, объединенных в Ионическую республику. Оба государства получили бы независимое управление по типу республики Дубровник.

¹ Как отмечал исследователь Д. Вуксан, “обвинение владыки в связях с Францией не были обосновательными. Мы не знаем, когда владыка вступил в контакт с французским старшим офицером Феликсом де Лапрадом, но знаем, что он направил к нему в 1803 г. в Ла Хайе (Голландия) своего племянника (Николу?) с письмами, в которых приглашал его приехать в Черногорию и взять на себя командование черногорским войском против Австрии. В это же время владыка уполномочил Лапрада от его имени передать в распоряжение Наполеона все свои силы. Лапрад сразу отправился с Николой в Париж и обо всем доложил министру иностранных дел князю де Беневану, который пообещал известить об этом Наполеона” [2. С. 94].

Вместе с тем, в Санкт-Петербурге отдавали себе отчет в том, что политические и военные успехи Черногории в конце XVIII в. (в особенности, битвы 1796 г. на Мартиничах и Крусах), как и прогресс на пути государственного строительства² способствовали становлению Черногории “как реального фактора европейской политики” [5. С. 357] и делали ее способной играть роль важной стратегической опоры России на Балканах.

С учетом этих соображений Россия отправила в Черногорию своего специального представителя графа Марка Ивелича³, доверив ему важную дипломатическую миссию, суть которой состояла в подготовке отпора потенциальной французской экспансии в регионе и устранении от власти митрополита Петра I Петровича-Негоша. Содействовать деятельности М. Ивелича должен был архимандрит Стефан Вучетич⁴, снискавший доверие Санкт-Петербурга.

Перед отъездом М. Ивелича из России государственный канцлер А.Р. Воронцов передал ему 28 октября 1803 г. “Грамоту русского царя губернаторам и воеводам черногорским и брдским славяносербских областей”⁵ и соответствующие наставления по работе. Официально миссия направилась к Петру I Негошу и его секретарю аббату Ф. Долчи как к “главным инициаторам” нового внешнеполитического курса Черногории. Некоторые историки утверждают, что эта миссия не преследовала целей наказать Петра, а только воспрепятствовать усилению французского влияния в Черногории (см.: [10; 11]). Его обвиняли не столько в предательстве, сколько в заблуждении, в которое его ввел якобы личный секретарь, “французско-австрийский” агент, “злой недруг русского двора” аббат Ф. Долчи, стремившийся отдалить владыку от России. По своему характеру миссия имела значение европейского масштаба, поскольку, в случае ее успеха, укрепление российских позиций в Черногории должно было остановить распространение католицизма и пресечь дальнейшие захватнические планы Наполеона на Балканах.

На основе записей М. Ивелича о поручениях, выполненных им за период с ноября 1803 по май 1806 г. [б. 1803. Д. 4. П. 6. Л. 21–31 об.], можно судить, что его деятельность с самого начала была четко спланирована и носила характер открытого конфликта с владыкой. С прибытием в январе 1804 г. в Боку Которскую [б. 1803–1809. Д. 4. П. 4. Л. 11] (разместился он в своем родном городе Рيسان) М. Ивелич стремился, прежде всего, склонить на свою сторону как можно большее количество черногорцев и брдян, отдалить от митрополита черногор-

² Владыка Петр I Петрович-Негош внес решающий вклад в организацию центральной власти в Черногории. Ключевой датой в формировании органов управления считается 18 октября 1878 г., когда на скупщине в Станевичах было избрано “Правительство суда черногорского и брдского”, известного как “Кулук”, и принят первый черногорский “Законник”.

³ Генералу М.К. Ивеличу (1740–1825) трижды доверялись важные дипломатические миссии в Черногории, Боснии и Герцеговине. Миссии 1774 и 1788 гг. были связаны, главным образом, с набором югославян в русскую армию. В данной статье речь идет о миссии М. Ивелича, начавшейся в октябре 1803 г. [6].

⁴ Петр Вучетич (Вукотич) был родом из Грбля. Его, как архимандрита, черногорский владыка направил в 1798 г. со специальной миссией в Россию для получения денежной и другой помощи для Черногории (см.: [7. С. 200]). Имя Стефан он, вероятно, получил при посвящении в сан архимандрита (см.: [8; 9. С. 44–45]).

⁵ По другим архивным источникам, грамота вручена М. Ивеличу 24 октября 1803 г. [б. 1803 Д. 4. Л. 2].

ское войско. Устранение владыки предполагалось осуществить различными средствами, включая и его компрометацию⁶.

Согласно записям М. Ивелича, на обвинения в свой адрес владыка реагировал “холодно и очень сдержанно”. На требование царского посланника информировать о количестве “пороха и свинца”, хранящегося в монастыре Маина, владыка, не считая необходимым отвечать лично, через своего секретаря Доментиана “уведомил о том, что не обязан об этом давать отчет, кроме как своему правительству и народу черногорскому и брдскому”. Еще большую степень “самоволия” Петр проявил, когда лишил архимандрита Вучетича священного сана (6 марта 1804 г.). Информация об этом акте была “обнародована не только в Черногории, но и в австрийских землях, в открытой печати, без каких-либо препятствий со стороны австрийского губернатора барона Розеты” [6. 1803. Д. 4. № 6].

В упомянутых записях русского посланника приводятся данные о том, что 16 марта 1804 г. по рекомендации митрополита было решено прекратить все отношения черногорцев с М. Ивеличем и отклонить принятие царской грамоты, как тенденциозной и неприемлемой. Однако существует и другое мнение. Судя по опубликованной Д. Вуксаном переписке в связи с разгоревшимся спором между правительством черногорским и брдским, с одной стороны, и русским царем, коллегией министерства иностранных дел и самим М. Ивеличем, с другой, черногорская сторона в своих обращениях часто выражала удивление: почему Ивелич так долго задерживается в австрийском “цесарском” Которе и почему не передает грамоту? [7. С. 205]. Согласно этому же источнику, владыку не покидала мысль встретиться с Ивеличем; он пишет ему в начале мая 1804 г. и удивляется, почему тот не исполняет указания царя. Поскольку утверждения об отказе черногорцев принять царскую грамоту находятся только в дневнике М. Ивелича, можно предположить, что он таким образом просто хотел снять с себя ответственность.

Становилось все более очевидным, что первоначальная уверенность петербургского двора в том, что устранение владыки Петра станет легкой задачей, была результатом ошибочных оценок его истинной роли в Черногории, как и силы русского влияния в этой горной стране.

Еще более безрезультатными оказались усилия русского Святейшего Правительствующего Синода по дискредитации черногорского владыки в духовной сфере. Так, в письме Синода “преосвященному митрополиту черногорского и бердского народа Петру” от 11 октября 1803 г., наряду с упоминанием о взаимных отношениях и помощи Цетиньской митрополии, перечислены конкретные ошибки в проведении церковных обрядов, за что персонально ответственным объявлялся митрополит⁷.

Выражая уверения, что владыка отзовется на вызов в суд, Святейший Синод одновременно предупреждал его, что отказ означал бы “открытое признание намеренных действий против православия и подтверждает приверженность к

⁶ Для очернения владыки говорилось о его договоре с каким-то государством (Францией?) о продаже черногорского народа за 25 тыс. дукатов (см.: [12. С. 260]).

⁷ В частности, отмечалось, что во время обряда крещения детей не помазывают миром, церковь не обеспечена необходимой утварью для совершения службы, монастыри опустели и не имеют икон, народ не слушает наставлений о вере и уважении Бога, а митрополит не стремится это исправить и “целый год пропускает дела святой службы”.

латинской церкви”, в чем и обвиняется митрополит. От него все отойдут, как от “архиерея, своими мыслями присоединившегося к иноверцам, и при том своего величия став недостойн, как неверный сын церкви”. В итоге будет обращение к “православному народу черногорскому и брдскому избрать себе другого достойного верховного пастыря и послать его в Санкт-Петербург на хиротонию” [6. 1803–1809. Д. 4. № 2].

Ожидания, что благодаря миссии М. Ивелича и посланий царя и Синода удастся легко сместить Петра с цетиньского церковного престола и на его место поставить нового митрополита, скорее всего С. Вучетича, не оправдались. Вместо ослабления позиций черногорского владыки эта акция только укрепила его положение и способствовала еще большему сплочению с народом.

Считая владыку оклеветанным и несправедливо обвиненным, черногорцы и брдяне стали заступаться за него, предпринимая через черногорское правительство шаги по устранению недоразумения. Для разрешения возникшего конфликта последовала известная переписка черногорского правительства с русскими чиновниками. После прошедшей 1 мая 1804 г. в Цетинье скупщины черногорских вождей, поддержавших владыку, правительство направило новые обращения к русскому царю и коллегии министерства иностранных дел [7. С. 205].

Аналогичные шаги предпринимались и позднее: в начале июля русскому царю и графу Ивеличу были направлены новые письма⁸. В них подчеркивалась полная независимость и самостоятельность Черногории в отношениях с Россией как в духовной жизни, так и в политике. Говорилось, что после ликвидации Печской патриархии в 1766 г. “наш господин митрополит остался сам по себе в этой церкви, вне зависимости от какой-либо власти, как другие архиереи”; что от древних времен “веру христианскую мы не от русских, а от греков получили”, и поэтому “мы, народ черногорский и брдский, не являемся подданными Российской империи, а находимся только под духовным покровительством и не по другим причинам, только как просто по единой вере и единой народности”. На основании этого отклонялась всякая возможность предания митрополита суду, поскольку “до настоящего времени наши архиереи не несли ответа перед русским Синодом, поэтому и этого нашего архиерея не отпустим, чтобы кто-то судил его и праздновал победу. Если бы он что-то совершил и был виноват, за что неправедно оклеветан, мы бы могли сами судить его не как архиерея, а как почетнейшего между нами гражданина” [6. 1803. Д. 4. № 4].

Наряду с отказом подчиниться требованиям России и выражением открытой поддержки митрополиту черногорское правительство постоянно подчеркивало свою приверженность и верность русскому двору, готовность черногорцев и брдян до конца бороться с врагами России. Выражалась необходимость объясниться, проверить обоснованность обвинений митрополита, направить в Черногорию комиссию, послать в Россию для разрешения спора черногорских представителей, для чего выдать им российские паспорта. Раскритикованные М. Ивелич и С. Вучетич квалифицировались предателями и врагами Черногории.

Непоколебимая позиция черногорцев и брдян, их уверенность в правоте и честности митрополита повлияли на политику России по отношению к Черногории. Санкт-Петербург более не ставил целью устранение Петра I Негоша, а

⁸ Хотя эта переписка официально велась между черногорским правительством и государственными институтами России, несомненно, каждое письмо с черногорской стороны, с учетом его положения в Черногории, писал владыка.

распространение русского влияния впредь связывалось с основанием российского консульства в Которе. Видимо, одним из главных соавторов этой идеи был сам М. Ивелич, опасавшийся гнева петербургского кабинета за провал одобренной императором миссии и искавший выхода из ситуации.

Так безуспешно закончилась многомесячная деятельность М. Ивелича по смещению владыки, в которую были вложены значительные денежные средства⁹.

Первые данные об основании российского консульства в Которе приходится на начало мая 1804 г. В консульском патенте, подписанном 5 мая 1804 г. императором Александром I, говорилось буквально следующее: “Все́м, кому сие объявится, Наше поздравление. За благо рассудили Мы определить Нашего Консула в Катаро, владения Его величества Императора Римского¹⁰, дабы подданные Наши, приезжающие туда для отправления торговли и других промыслов своих, могли иметь нужное вспомо́жение и защиту; будучи же известны о добрых качествах и способности Нашего Надворного Советника Алексея Мазуревского, избрали Мы его в сие звание... [13. Д. 3. Л. 34а].

На основании царского решения канцлер А.Е. Чарторыйский в тот же день, 5 мая, подписал инструкцию А.О. Мазуревскому [13. Д. 3. Л. 28–33об.], предписывавшую ему “немедленно” отправиться к новому месту службы. В этом документе сообщалось о том, что российскому послу в Вене графу А.К. Разумовскому поручено проинформировать “Министерство Великого императора Римского” о состоявшемся назначении, а генеральный консул России в Дубровнике (Рагузе) К.К. Фонтон обязывался предоставлять А.О. Мазуревскому “нужные сведения” (ранее Черногория и Бока Которская “курировались” российским консульством в Дубровнике).

К месту назначения А.О. Мазуревский добирался через Вену и Триест. Примечательно, что в Вене он “узнал от чрезвычайного там посла нашего, что стечение обстоятельств требовало скорейшего присутствия моего в Боке ди Катаро”. По прибытии в Боку Которскую 22 июня 1804 г. он первоначально разместился в Рисане, где проживал М.К. Ивелич [13. Д. 3. Л. 10]. Поскольку к тому времени экзекватура из Вены еще не была получена, открытие консульства задерживалось. Однако это не стало препятствием для активной деятельности А.О. Мазуревского.

Следует отметить, что с самого начала в обязанности российского консульства в Которе вмещались две функции. Одна из них происходила из официального статуса этого учреждения как иностранного представительства России на территории другого государства – Австрии. Вторая же базировалась на особых интересах российской политики относительно Черногории.

Доминировали торгово-экономические вопросы. В частности, А. Мазуревскому поручалось, “чтобы каждому русскому кораблю, который пристанет в

⁹ Согласно “Отчету о приходах и расходах и о внеочередных тратах за службу графа Ивелича от 4 января 1804 г. до 28 марта 1806 г.” М. Ивелич в декабре 1804 г. от кредита в 10 тыс. рублей получил 2 470 венецианских червонцев, и эта сумма в течение того же года увеличилась еще на 3 тыс. червонцев и составила 5 470 венецианских червонцев. Все деньги, согласно приведенному отчету о расходах, были потрачены.

¹⁰ Город Котор, располагающийся на берегу Бокоторского залива, входил в состав Венецианской республики с 1420 г. После разгрома Венецианской республики Наполеоном в 1797 г. ее владения в Далмации и Боке Которской, в том числе Котор, перешли к австрийцам. Вена тогда являлась столицей государства, именовавшегося Священной Римской Империей германской нации.

Которе, независимо торговый или военный, и каждому русскому, приезжает он по служебным или частным делам”, оказывались все возможные виды помощи. Помимо этого, министерство иностранных дел требовало подробных отчетов об особенностях “местного края”, о состоянии торговли, экспорте и импорте товаров, данных “о пользе, которую получают разные европейские народы от торговли товарами, которые там производятся”. Необходимо было обратить внимание на льготы, которые “можно получить в этой стране для России”. Такие сведения, как и рекомендации консула по вопросам торговли, следовало представлять государственной торговой коллегии.

А.О. Мазуревский должен был информировать Министерство иностранных дел о значимых событиях в консульском округе, работе местных органов. В обязанности дипломата входило опровержение “предосудительных слухов и впечатлений” о Российской империи, укрепление “справедливого понятия” о ее “величестве и могуществе”, о “выгодах”, которые получают в ней иностранцы, “особенно купцы”, о “преимуществах и вольностях, присвоенных черноморским портам”, и “более всего о высочайшем и могущественном покровительстве, которое дарует Его императорское Величество всем исповедующим греко-русскую веру, где бы судьба им обитать ни определила”.

Главное положение инструкции гласило: “Смежность Бока ди Катаро с Черногорией и Герцеговиной есть настоящий предмет назначения Вашего” [13. Д. 3. Л. 28–33об.]. Подчеркивалось, что с помощью консульства российский МИД должен информироваться обо “всем том, что в помянутых провинциях примечания достойного происходить будет”.

В инструкции отдельно не прописывались обязанности консула в Черногории, поскольку “обстоятельнейшие предписания касательно сего края” А. Мазуревский должен был получить по прибытии к месту службы от М. Ивелича, который находился там, как подчеркивалось, “по особенной комиссии”. О субординации дипломатов говорило назначение А. Мазуревского в качестве секретаря М. Ивелича с обязанностью “выполнять в точности все то, что от него на Вас возлагаемо будет”. Если бы М. Ивелич посчитал необходимым “для пользы службы переменить место пребывания своего”, А. Мазуревский обязывался “за ним следовать”. Была бы в этом случае прекращена консульская деятельность А. Мазуревского в Которе, неизвестно.

В документе предусматривалось, что когда М. Ивелич “окончит порученное ему дело” и покинет регион, коллегия иностранных дел снабдит А. Мазуревского дополнительными инструкциями. Пока же он должен был “наблюдать, чтобы россияне не были подвержены каким-либо обидам со стороны частных людей или и самого правительства в Катаро”. В случае “затруднений в отправлении должности” А. Мазуревский адресовался за помощью и наставлениями к российскому послу в Вене.

М. Ивелич сам известил черногорского митрополита об учреждении российского консульства в Которе и прибытии его руководителя [2. С. 128]. Петр I Петрович-Негош не только приветствовал открытие российского консульства, но написал специальное “объявление” от 15 июля 1804 г. об этом “для прочтения его гласно на торговой площади, где собирается множество черногорцев”, в котором владыка указывал, что назначенный царем консул А. Мазуревский будет “в каждом необходимом случае оберегать и защищать православные христианские народы”, а особенно “черногорский и брдский”, которые издавна с “усердием и верностью привязаны к высочайшему всероссийскому престолу” [13. Д. 3. Л. 289об.–290об.].

Днем позже владыка направил письмо уже А. Мазуревскому, в котором сообщил, что его назначение он воспринял с “несказанной радостью”. Из текста письма видно, что владыка был к тому времени уже полностью информирован об особой роли будущего консульства и его ответственности за отношения Черногории с соседней Австрией. С учетом деликатности вопроса он пишет А. Мазуревскому о целесообразности ознакомления с ним только “тех, кому это требуется знать”, называя, в частности, “некоторых чиновников и остальных военных”. Остальных о задачах российского консульства владыка планировал оповестить, “когда состоится скупщина у резиденции в Цетинье” [13. Д. 3. Л. 15]. При этом он с полным пониманием говорил, выражаясь современной лексикой, о добровольном делегировании российскому консульству части специфического черногорского суверенитета.

Указания, которые А. Мазуревский получал от М. Ивелича, не носили общего характера, а меняли свою конкретику в зависимости от интересов миссии графа. Как следует из дневниковой записи А. Мазуревского, из бесед с патроном он резюмировал: “Предмет назначения моего имел главную целью послушное благоустройство Черногории” [13. Д. 3. Л. 272]. Практическая реализация большей части вверенных М. Ивеличу дел была переложена на А. Мазуревского сразу после его прибытия в Котор. Поскольку главным, тревожащим М. Ивелича в тот период моментом была тупиковая ситуация в реализации планов устранения черногорского митрополита и невручение черногорцам царского послания, датированного еще октябрём 1803 г., естественным было стремление графа максимально подключить вновь прибывшего российского дипломата к решению этой проблемы.

После общения с местным населением А. Мазуревский довольно всесторонне представлял сложившуюся ситуацию. В частности, он сообщает о листовках, которые по прибытии графа М. Ивелича в Боку заполонили Черногорию. В них говорилось о планах М. Ивелича стать генерал-губернатором Черногории, а “владыку Петра сковать и отправить с конвоем в Санкт-Петербург к ответу” [13. Д. 3. Л. 273]. Прокламации “взволновали черногорцев и дали способ аббату Долчи отвращать и ополчать владыку Петра от преданности к России, в чем де он, Долчи, и успешность получил, ибо митрополит Петр постриг и наложил проклятие на архимандрита Вучетича, и ополчил народ черногорский и бердский против графа Ивелича до такой крайности, что народ сей не токмо с рук его высочайшей грамоты принять не хочет, но и угрожает ему смертью, если он отважится показаться на сейме черногорском” [13. Д. 3. Л. 273об.–274].

Объективно смотря на вещи, А. Мазуревский отмечал, что “скорый изворот”, к которому прибегал М. Ивелич по отношению к митрополиту, “нарушил общую в Черногории тишину и навсегда постоянную преданность к всероссийскому престолу”. Это тревожило А. Мазуревского и потому, как отмечено в его записях, он “отважился доложить его сиятельству” о возможных “неприятных последствиях”. В ответ М. Ивелич “уверял” консула, что он “знает, что делает, что покажет... депутатов, которые за скудную цену привезут к нему аббата Дольчи и самого даже митрополита” [13. Д. 3. Л. 274]. На состоявшейся вскоре в Которе встрече с несколькими черногорскими чиновниками, которых М. Ивелич представил А. Мазуревскому как “народных депутатов”, те заявили, что не все черногорцы и бердяне “совершенно преданы владыке Петру”, что “разглашения” М. Ивелича “ожесточили народ”, что “подкупленные австрийцами гла-

вари всемерно стараются разделить черногорцев на две противоударные части” и что они сами “некоторым образом в том участвуют...” [13. Д. 3. Л. 274об.].

А. Мазуревский посчитал возможным лично вмешаться в урегулирование конфликта, запросил на это полномочий от М. Ивелича и получил в июле 1804 г. его письменное указание: “Обстоятельства требуют, чтобы Вы вступили в формальное сношение с черногорским митрополитом, начав извещением, что Его императорскому Величеству благоугодно было учредить в Катаро консулат. И какой отзыв получите на оное, равно как и всю переписку... оригинально доставлять мне для прочтения”. При этом М. Ивелич выразил надежду, что А. Мазуревский своим “красноречием и знанием” сможет получить расположение митрополита, и “содействовать тем будете мне” в исполнении царского приказа [13. Д. 3. Л. 287–287об.].

В письме от 4 августа М. Ивелич сообщает А. Мазуревскому, что ввиду болезни он не в состоянии прибыть 7 августа на назначенное в Цетинье собрание черногорских предводителей, и потому поручает ему, как “чиновнику, пользующемуся уже императорской доверенностью”, передать царскую грамоту “для распечатания и прочтения всему черногорскому и бердскому народу”. М. Ивелич поручает передать грамоту “с особым уважением и почестями”, а народ и правительство убедить в милосердии монарха нашего и “всегдашнем его уважении к единокровным и единоверным и храбрым черногорцам и брдянам”, и чтобы торжество вручения было организовано так, что митрополит останется “уверенным в возвращении ему прежней благосклонности монарха нашего”; “одним словом, сообразуйтесь с известными Вам обстоятельствами, требующими скорейшего окончания тамошних неурядиц”, а от митрополита и правительства “испросите” согласие на то, чтобы впредь переписку и общение с австрийским губернатором Розети они вели только через “единоплеменного и единоверного” российского консула. Успех выполнения поручения, с которым М. Ивелич сам, по сути дела, не справился, он связывал с “опытностью и способностями” А. Мазуревского [13. Д. 3. Л. 292–293].

В итоге А. Мазуревский отправился на свою первую встречу с митрополитом Петром, которая состоялась 6 августа в монастыре Станевичи. После часовой беседы взаимопонимание было полностью налажено. Митрополит представил консула собравшимся черногорцам, ручался, как отмечает А. Мазуревский, за его “честность и советовал всем почитать и слушаться его, говоря, что он истинный россиянин и природный дворянин, что... они не будут более иметь дела с графом Ивеличем и ни с кем иным” [13. Д. 3. Л. 277об.]. Петр представил учреждение консульства как акт “высочайшего к народу благоволения” со стороны императора Александра I “для покровительства их и защиты против притеснений австрийцев”. В итоге собрание решило, что на назначенном на следующий день в Цетинье народном сборе царскую грамоту следует принять. А. Мазуревский же записал в рапорте: “На сём-то сейме заметил я, что власть губернатора и главарей в Черногории ничего не значит, что один только митрополит располагает всем и всеми, что нет дела, в котором он не успел, если чего захочет” [13. Д. 3. Л. 278].

7 августа 1804 г. в Цетинье в присутствии более 1600 человек¹¹ с пением молитв, звоном колоколов, залпами из 51 орудия, А. Мазуревский передал грамоту

¹¹ В различных архивных документах приводятся разные данные о количестве присутствовавших. В частности, в черногорских документах говорится о 2500 гостях.

“черногорскому и брдскому губернатору” В. Радоничу, который, распечатав ее, прочитал перед собравшимся народом. А. Мазуревский позже зачитал рескрипт царя, адресованный графу М. Ивеличу с признанием его работы успешной. Таким образом, народ Черногории был, наконец, ознакомлен с содержанием послания русского царя “губернаторам и воеводам черногорским и брдским славяносербских областей”, написанной почти годом раньше¹².

Вручение грамоты, как и оглашение царского рескрипта, не имели бы особого значения ввиду их запоздалости и несоответствия меняющимся обстоятельствам. Однако манифестация 7 августа ставила точку на бесплодных попытках смещения черногорского лидера Петра I Петровича-Негоша и таким образом расчищала политические препятствия для предстоящей деятельности российского консульства в Которе.

Уже в принятом тогда на народном сходе решении указывалось, что впредь “никто из черногорцев не будет иметь отношений с австрийским начальством, только как через русского консула под угрозой лишения чести и имущества каждого” [13. Д. 3. Л. 2].

Подготовленное митрополитом и правительством на основе решения народного схода “объявление” от 14 августа 1804 г. адресовалось “всему народу” и было направлено в “каждую нахию, во все княжества и села, также на все рынки и в каждый город”, чтобы “каждый слушал и понимал, что в этом письме говорится и предписывается” [6. Д. 4. Л. 156; 17. С. 195]. В “объявлении”, в первую очередь, указывалось, что российского консула, как представителя “царя-защитника и покровителя”, должны уважать и достойную честь оказывать “как господа чинов начальники, так и каждый другой черногорец и брдянин”, а также делать все, что он “кому-либо прикажет, зная при этом точно, что его приказы не могут быть ни какими иными, кроме как направленными на достижение общенародного мира, спокойствия и прекращение всякого зла и смуты”. К компетенции российского консула были отнесены поездки черногорцев в Котор и другие окрестные места [6. Д. 4. Л. 156].

Отдельный пункт касался решения частных, имущественных и других споров между черногорцами и австрийскими подданными. Было указано, что каждый черногорец, “который требует решения дорогого ему дела от шудитов (судей. – *Авт.*) цесарьских, пусть не прибегает к самовольной мести, а через суд, как прописано в нашем Законнике, т.е. сперва причины свои ясно и праведно представит черногорскому правительству, обязанностью которого будет направление письма господину консулу, а господин консул потребует от цесарьско-королевского правительства призвать своих судей и провести суд к удовольствию черногорцев”.

Посреднические услуги русского консула между австрийскими и черногорскими органами правосудия предполагались и в случае споров, выдвигаемых австрийскими властями.

Далее говорилось о необходимости “достойного поведения” черногорцев и брдян, отправляющихся на базары, особенно в Котор; предусматривалась их за-

¹² С учетом острого содержания царской грамоты многие югославские исследователи, начиная от В. Джоржевича, Д. Вуксана и до Б. Павичевича, выражают сомнение, что она вообще была прочитана, и что черногорцы были ей так рады. Как возможный вариант приводится мнение о том, что при чтении опускались “тяжелые места” или о том, что М. Ивелич подделал фальшивую грамоту (см.: [2. С. 129; 15. С. 141; 16. С. 248]).

щита со стороны российского консула в случае, если на них нападал “какой-нибудь цесарьский чойка (приказчик. – *Авт.*)”. В таких ситуациях они должны были обратиться к консулу, который “уполномочен нас защищать и искать справедливости за каждого обиженного черногорца или брдянина”, чтобы тот не мстил самовольно и таким образом не оказался перед судом [6. Д. 4. Л. 156]. Для черногорцев, провоцирующих смуту на рынках, предусматривалась судебная ответственность.

Таким образом, указанное “объявление” стало своеобразным правовым документом, содержащим перечень вопросов, решение которых черногорская сторона передавала в компетенцию российского консула. В итоге оказалась реализованной концепция М. Ивелича и высших российских политических кругов об особой роли и влиянии российского консульского органа на жизнь Черногории, хотя черногорские власти из политических соображений представили ее как свою.

Ввиду таких расширенных обязанностей консульства, как пишет М. Ивелич А. Чарторыйскому, необходимо “чтобы в нем были два канцелярских помощника – один по словенскому языку, другой по итальянскому языку, поскольку здешние австрийские власти ведут все дела на итальянском языке” [13. Д. 3. Л. 51].

В итоге, со всей определенностью можно отметить, что, несмотря на высокий официальный статус, которым само по себе наделялось российское консульство в Которе как консульское учреждение Российской империи на территории Австрии, причины его основания и объем вверенных дел в большей степени определялись российско-черногорскими отношениями. Очевидно и то, что учреждение такого консульства стало реакцией петербургского двора на неоднократно адресовавшиеся ему со стороны черногорского руководства просьбы о “покровительстве” России над Черногорией.

Как уже отмечалось, к выполнению своих новых многочисленных обязанностей А. Мазуревский приступил еще до получения согласия венского кабинета на его консульскую деятельность в Которе, о чем свидетельствует его доклад министерству иностранных дел от 8 июля 1804 г.: “Хотя по неписылке из Вены... экзекватуры консулат еще не открыт, однако в отправление мной высочайше возложенной на меня должности с самого приезда вступил...” [13. Д. 3. Л. 10].

Австрия сравнительно долго не давала согласия на деятельность российского консула в Которе. Лишь по истечении двух месяцев после решения царя о назначении А. Мазуревского российская сторона была оповещена нотой вице-канцлера “австрийского двора и государства” графа Кобенцля от 5 июля 1804 г., направленной посланнику России в Вене графу А. Разумовскому, о предоставлении необходимого согласия австрийских властей на начало деятельности консульства. В ноте говорилось: “Его превосходительство Царь и Король одобряет *Requim exequatur* господина Алексея Мазуревского, назначенного консулом России в австрийской Албании”. Одновременно А. Разумовский оповещался, “что в следующую субботу необходимые распоряжения будут сделаны правительству указанной области для того, чтобы консул был признан и мог представиться в своем новом качестве, и ему оказывалось уважение, достойное служащего дружественной и союзнической державы” [13. Д. 3. Л. 18–18об.].

Скорей всего эти указания, сопровождавшие экзекватуру, запоздали, поскольку и после получения согласия от Вены А. Мазуревский еще некоторое время не мог официально начать работать. С учетом остроты противостояния между М. Ивеличем и владыкой Петром А. Мазуревский полагал необходимым как можно скорее открыть консульство и его конструктивной работой содейст-

вывать нормализации обстановки. Однако австрийский комендант Котора барон Розети отказал в этом А. Мазуревскому, ссылаясь на отсутствие указаний от своего ближайшего начальника – австрийского генерал-губернатора Далмации и Албании барона Бради [13. Д. 3. Л. 275].

О том, когда необходимые указания из Вены были, наконец, доставлены австрийским властям в Которе, достоверной информации нет. Согласно данным, которые приводятся Н.И. Хитровой, “в октябре 1804 г. австрийское правительство официально сообщило о признании русского консульства в Которе” [10. С. 325]. Вероятно, это случилось не намного раньше 2 октября 1804 г. – даты, когда консульство было официально открыто. Докладывая об этом в Санкт-Петербург, А. Мазуревский писал: “Вверенный мне консулат 2-го сего месяца в присутствии его сиятельства господина генерала-лейтенанта и кавалера графа Ивелича и черногорских и бердских депутатов с обыкновенными обрядами открыт” [13. Д. 3. Л. 14]. Сам М. Ивелич докладывал об этом событии несколько подробнее, указывая, что открытие консульства происходило “при собрании как здешних австрийских чиновачальников и граждан, так и прибывших из Черногории губернатора и первейших главарей в числе 25 человек; каковое учреждение не только христиане, но и иноверцы почитают ознаменованием благоденствия, ниспосланного славянам из особливого благоволия Его величества” [13. Д. 3. Л. 51–51об.].

Об уникальности российского консульства в Которе в части направленности значительной части его деятельности на Черногорию говорит и то, что к письму российского консула черногорскому владыке, сообщавшему об открытии консульства, была приложена копия подписанного царем консульского патента А. Мазуревского [13. Д. 3. Л. 307]. С учетом того, что речь идет о служебном документе, который государство выдает своему консулу, “чтобы им мог удостоверить свою личность в государстве своей деятельности”, это действие с формально-правовой точки зрения может комментироваться как символический способ его аккредитации в Черногории.

Значимость этого жеста особо возрастает с учетом того, что функцией нового консульства, наряду с обычной в мировой практике защитой интересов своих граждан на территории другого государства, была, как уже отмечено, защита интересов Черногории, формально остававшейся частью Османской империи, перед соседней Австрийской империей, господствовавшей в Боке Которской. О таких задачах деятельности российского консульства в Которе были достигнуты договоренности с черногорской стороной. При этом следует отметить, что если бы Черногория в то время имела статус независимого государства, такой вид защиты ее интересов с точки зрения международного права не представлял бы ничего необычного. В практике международного сообщества были известны случаи, когда дипломатические и консульские учреждения одного государства защищали интересы другого на территории некоего третьего государства, в котором оно не имело своих дипломатических или консульских представительств. В нашем же случае указанная деятельность российского консульства может толковаться как вид признания особого государственного статуса Черногории. На российское консульство в Которе было перенесено выполнение некоторых обязанностей, которые, вообще говоря, попадают в круг прерогатив суверенного государства. Среди них: проведение внешней политики, установление взаимоотношений с соседними государствами, регулирование прав граждан в

случае путешествия за границу. Все эти обязанности черногорское правительство и владыка фактически доверили российскому консулу, о чем официально оповестили царя письмом от 16 августа 1804 г.¹³ Поступив таким образом, Черногория отреклась от части своих суверенных прав, которые она начала обретать в процессе национально-освободительной борьбы. Такой вид добровольной зависимости мог бы называться частичным протекторатом России над Черногорией в области международного представительства.

Поскольку Черногория ко времени основания российского консульства в Которе формально продолжала находиться в составе Османской империи, установление без согласия с ней консульской защиты над ее подданными со стороны России наглядно свидетельствовало о том, что власть Порты на этой территории была настолько слаба, что не могла контролировать происходящее в Черногории, которая в свою очередь уже полностью вышла из-под ее контроля. Итак, подтверждалась истина о высокой степени политической самостоятельности, которую Черногория к тому времени успела себе обеспечить.

Придя к окончательному выводу о бесперспективности затеи смещения владыки Петра I Петровича-Негоша, М. Ивелич все же решил довести до логического конца решение такой задачи в отношении его секретаря аббата Ф. Долчи. Отстранение “главного виновника” профранцузского крена черногорского руководства послужило бы подтверждением правильности политической линии, которая осуществлялась М. Ивеличем с самого начала его миссии в Черногории, и, кроме того, оказалось бы формой политического давления на черногорского митрополита, на которого в этом случае можно было возложить и значительную часть вины за кризис в российско-черногорских отношениях.

Решение задачи наказания аббата М. Ивелич возложил также на А. Мазуревского, в письме которому от 29 августа 1804 г. он писал, что продолжающееся нахождение Ф. Долчи в Черногории “при нынешних обстоятельствах” является вредным для “преданности владыки августейшему монарху”, в которой сам М. Ивелич больше не сомневается. Актуальность устранения Ф. Долчи граф аргументировал уверенностью, что тот готов и дальше плести интриги, компрометируя владыку и подстрекая народ.

Вводя А. Мазуревского в курс дела, М. Ивелич прилагает к письму часть инструкции министерства иностранных дел по этому вопросу. Не будучи уверенным в благосклонности митрополита к этой затее, он в конце письма рекомендует А. Мазуревскому “убедить его преосвященство, что изгнание Долчи из Черногории было бы весьма приятно его императорскому величеству и послужило бы еще большим доказательством покорности и преданности митрополита милосердному монарху” [13. Д. 3. Л. 296].

Узнав о новом требовании М. Ивелича, владыка 6 сентября 1804 г. направляет ему письмо, в котором утверждает, что обвинения Ф. Долчи безосновательны, что аббат не был причиной его разногласий с царем, “потому что их не было” [13. Д. 3. Л. 297]. Виновником возникших недоразумений митрополит называет новых соседей Черногории – австрийцев, имевших злонамеренную цель

¹³ В письме владыки Петра, адресованном царю Александру I, помимо прочего сказано: “Я и народ черногорский и брдянский возложили на этого консула все наши дела с австрийским правительством и мы отрекаемся иметь с тем правительством какие-либо публичные или тайные сношения или переписку вне того, что будет сделано поперек сказанного консулом” [17. С. 198].

отвратить черногорцев “от двора Его царского величества”¹⁴. Ф. Долчи, по утверждению митрополита, “не вмешивался в черногорские дела”, к тому же его как человека другой веры “никто бы из православных не послушался и ему не следовало” [13. Д. 3. Л. 272об].

В письме А. Мазуревскому, датированном также 6 сентября, митрополит однозначно говорит о невозможности устранения аббата из Черногории, по крайней мере, без решения компетентной комиссии; в противном случае это стало бы укором черногорцам и было бы на руку “клеветникам и врагам нашим”. Ф. Долчи, считает владыка, не может покинуть Черногорию, пока не докажет свою невинность. Иначе он “здесь не будет терпеться ни одного дня”. Причиной наветов на Ф. Долчи владыка называет неудачу австрийцев в захвате Черногории. А поскольку, подчеркивает митрополит, им не удалось добровольно сдавшееся австрийскому двору приморское население поставить в “полное рабство”, то они решили показать будто Долчи “здесь, в народе нашем, дела в пользу французов вершил” и таким образом “лишить его и черногорский народ всех милостей и покровительства высокого русского двора и тем самым добиться своей цели” [13. Д. 3. Л. 272об.]. Иными словами, речь шла о том, что австрийцы после аншлюса Далмации и Боки Которской, не добившись такого же результата от Черногории, были всерьез озабочены ее продолжающейся ориентацией на Россию. Что и обуславливало их заинтересованность в появлении любой помехи такому курсу, в том числе со стороны их противников французов.

Отказ черногорского митрополита от устранения аббата угрожал только что нормализовавшимся отношениям с русским двором. Однако первоначальное энергичное сопротивление владыки преследованию Ф. Долчи вскоре прекратилось. Уже к началу ноября 1804 г. он принял русскую позицию о виновности своего секретаря. Какие аргументы повлияли на это, определенно судить трудно. Во всяком случае, на основе его дальнейшей переписки с М. Ивеличем и А. Мазуревским можно видеть, что владыка полностью принял их точку зрения об измене аббата и стал настаивать на суде над ним.

Направленное А. Мазуревским черногорскому правительству представление о подрывной деятельности Ф. Долчи оказалось в центре беседы, состоявшейся 13 ноября 1804 г. в монастыре Станевичи между консулом и владыкой, и позднее играло роль одного из главных документов для приговора обвиняемому. В ходе беседы владыка окончательно уверился в вине аббата, чему помогла изъятая у того переписка с французами, содержавшая призывы лишить Черногорию “свободы и православия” [18. С. 56]. Таким образом Ф. Долчи был изобличен “не только в переписке с первым консулом французским Бонапартом, но и со многими державами, без знания и договора с митрополитом и кавалером нашим” [18. С. 53].

Далее владыка направил письмо А. Мазуревскому, в котором наряду с констатацией предательской деятельности Ф. Долчи, предлагал осудить его “в соответствии со строгостью закона”. Консул приглашался лично присутствовать на судебном заседании в Станевичах [13. Д. 3. Л. 300]. Множество деталей о дальнейшем ходе этого процесса можно найти в приговоре аббату от 27 ноября 1804 г., опубликованном Д. Вуксаном в 1937 г. [18. С. 54]. Этот документ, изоби-

¹⁴ Подтверждением доводов владыки может служить запись А. Мазуревского, отмечавшего, что по прибытии в Котор он был извещен людьми, которые “основательно знали обстоятельства”, что еще до приезда М. Ивелича австрийцы, прибравшие к рукам Боку, “всемерно старались склонить на их сторону владыку Петра и черногорских главарей”, для чего барон Розети раздавал “пшеницу черногорцам якобы заимообразно” [13. Д. 3. Л. 272об.].

люющий описанием сути события и хода следствия, свидетельствует о важной роли российского консула в раскрытии преступления.

М. Ивелич был полностью удовлетворен таким развитием событий, хвалил за это митрополита и А. Мазуревского. Несмотря на то, что, по оценке последнего, аббат заслуживал смертной казни, сам консул с учетом того, что российский император, под покровительством которого находятся черногорцы, смертную казнь запретил, предлагал осудить Ф. Долчи на пожизненную каторгу. В свою очередь митрополит, со ссылкой на “письмо господина консула Мазуревского” предложил суду, чтобы “сентенция на смерть предателя Долчи не была исполнена до распоряжения и приказа милосердного государя высокославного императора Александра”. В итоге черногорское правительство, исполнявшее в данном случае функции суда, “единодушно и единогласно” приговорило “вышесказанного изменника Долчи” к публичному повешенью. Между тем, с учетом предложений консула и митрополита смертная казнь была заменена на “вечное содержание в темнице” [18. С. 59]. Ввиду отсутствия А. Мазуревского на суде черногорское правительство 29 ноября письменно проинформировало его о принятых решениях, приложив копию приговора, тайную переписку аббата и найденную у него фальшивую печать.

Назначенное судом наказание Долчи отбывал в Станевичах. Однако, как следует из письма от 26 апреля 1805 г. митрополита Петра консулу А. Мазуревскому, осужденный “по воле Божьей умер”. В письме митрополит просит консула, чтобы о смерти аббата сообщили “господину епископу римского вероисповедания”, чтобы тот, если сочтет это необходимым, направил священника для проведения похорон по католическому обряду.

Как отмечалось выше, открытие консульства в Которе оказалось весьма подходящим средством для дальнейшей институционализации российского влияния в Черногории. Намного эффективнее, чем миссия М. Ивелича, оказалась работа консульства, позволившая поставить под русский контроль почти всю внутри и внешнеполитическую жизнь Черногории. Суд над Ф. Долчи – явное тому подтверждение.

Принимая во внимание изложенное, возникает вопрос: как на такой вид взаимоотношений Черногории и России смотрели другие государства, в первую очередь, Австрия и Османская империя.

Естественно, Веной это было воспринято негативно, особенно вследствие действий как черногорцев, так и А. Мазуревского, демонстрировавших, что намерения российской политики в Черногории намного глубже, чем просто защита ее интересов в консульской сфере.

Немаловажным для австрийцев представлялось то обстоятельство, что для развития российско-черногорских отношений Россия открывала свое консульство не в затерявшейся в горах черногорской столице Цетинье, а вне черногорской территории, в веками обжитом, процветавшем Которе, являвшимся к тому времени австрийским владением.

Отсюда и негативная реакция австрийского наместника в Которе барона Розети, которому уже при первой встрече 14 августа 1804 г. А. Мазуревский передал послание, где подчеркивалось, что Черногория находится под русским протекторатом уже 94 года¹⁵. Заявления главы черногорской делегации, прибыв-

¹⁵ Очевидно имелась ввиду датированная 1711 г. грамота императора Петра Великого черногорскому владыке Данило, в которой он призывал черногорцев выступить совместно против турок, обещая при этом “милость и награждение” (см.: [19. Док. 13]).

шей на церемонию торжественного открытия консульства¹⁶, о том, что с сегодняшнего дня черногорцы становятся российскими подданными, и что все дела с австрийскими властями впредь будут совершаться через консула А. Мазуревского, также имело соответствующий политический эффект [2. С. 133–134]. На основе этих публичных заявлений и поведения представителей обеих сторон Розети уверился в том, что Россия намерена сделать из Черногории свою провинцию, в которой М. Ивелич был бы губернатором [13. Д. 3. Л. 273]. Обвинения в сговоре владыки с французами были, в представлении барона, лишь завесой, рассчитанной на отвлечение внимания австрийских властей от подлинных замыслов России.

В итоге австрийцы пришли к выводу, что “переход Черногории под российское подданство создаст... провинцию, которая нанесла бы огромный ущерб и Турции, и Австрии, Австрии особенно, поскольку такая провинция проглотила и Боку, и Дубровникскую республику. Этим бы удовлетворялись претензии на земли, которыми обладал еще Иван Црноевич, и тогда бы они более не были провинцией маленькой Черногории, а уже России. А если бы Россия забрала Черногорию, тогда бы пропали все надежды Австрии захватить Сербию и Боснию, поскольку в этих провинциях много русских приверженцев и, естественно, Россия, утвердившись в Черногории, требовала себе и Сербию, и Боснию” [2. С. 133–134].

Эти положения оказались стержнем выступления австрийского посланника в Санкт-Петербурге, напомнившего о тайном австрийско-русском соглашении, по которому в случае раздела Османской империи Черногория присоединялась бы к Австрии. Министр иностранных дел России А. Чарторыйский пытался тогда в ответ убедить австрийского дипломата в том, что “Черногория независима” и потому не может стать русской провинцией; царь же не желает ничего другого, кроме оказания защиты Черногории.

При личной встрече с М. Ивеличем барон Розети озвучил твердую решимость венского двора не признавать покровительство российского императора над черногорцами, а рассматривать их как подданных Порты и воспринимать только в таком качестве [6. Д. 4. № 4].

Возникшей напряженности в российско-австрийских отношениях способствовала активная деятельность А. Мазуревского и его, судя по всему, непродуманный шаг, когда он, по оценке А. Чарторыйского, “позволил себе опубликовать неприличные бумаги на территории другого государства, а такой его поступок вынудил местное начальство прервать с ним всякие отношения” [6. Д. 4. № 4]. Речь шла об “объявлении” А. Мазуревского о том, что русский царь предлагает сделать Черногорию центром славяносербского государства под покровительством и верховной властью России [6. Д. 4. № 6]. После этого последовало формальное представление венского двора министерству иностранных дел России. Как следствие, А. Чарторыйский приказал М. Ивеличу сделать строгий выговор А. Мазуревскому с напоминанием впредь быть более осмотрительным, в противном случае он будет отозван. Промах А. Мазуревского министр объяснял его неопытностью и рвением в работе.

¹⁶ Прибывшим в Котор на церемонию открытия российского консульства черногорцам барон Розети отказал войти в город с оружием. Тогда А. Мазуревский сделал представление прямому начальнику Розети генерал-губернатору Далмации и Албании Бради, подчеркнув при этом, что черногорцы “скорее возвратятся восвоясь, нежели позволят себя обезоружить”. В итоге Бради направил к городским воротам своего ординарца с приказом впустить черногорцев с оружием [13. Д. 3. Л. 280об.].

В возникшем споре относительно подхода России к Черногории австрийская сторона стала использовать аргументацию, основанную на положениях Систовского мирного договора 1791 г. между Австрией и Османской империей, по которому Черногория считалась частью последней. В ответ российская сторона подчеркивала, что Черногория находится под покровительством России, и Порты знает об этом, как и о миссии М. Ивелича. А. Чарторыйский также заявил, что Систовский мир заключен без участия России, и поэтому российское правительство отвергает пункт о Черногории, поскольку считает ее фактически независимым государством [10. С. 329]. Развивая эту аргументацию, А. Чарторыйский в письме российскому посланнику в Вене графу А. Разумовскому пишет: "Поскольку Порты очень хорошо знает политическую жизнь Черногории и не... ошибается, что эта территория нисколько не зависит от Турции, то она не может иметь ничего против существующих отношений между Россией и Черногорией" [2. С. 135].

Позиция Османского государства в российско-австрийском диалоге относительно Черногории определялась тогда его слабостью и незавидным международным положением. Поскольку обострение отношений с Россией могло создать для Порты еще большие проблемы, ее официальной реакции практически не последовало.

В итоге деятельность неугодного как Вене, так и Порте российского консульства в Которе продолжалась в течение последующего времени благодаря их нежеланию идти на дальнейшее обострение отношений с петербургским кабинетом. Окончательную судьбу консульства определили, можно сказать, меняющиеся международные обстоятельства. Согласно мирному договору, подписанному 26 сентября 1805 г. в Пожоне (ныне Братислава), и в результате победы армии Наполеона над австрийско-российскими войсками под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. Бока Которская, как и Далмация, была присоединена к Франции. Срок их передачи Наполеону был намечен на 2 января 1806 г.

В 1805 г. в Черногорию по поручению царя прибыл его посланник С. Санковский¹⁷, имевший задачу окончательно преодолеть конфликтную ситуацию с черногорским руководством, углубить российское влияние в регионе, содействовать союзу черногорцев и брдян с Россией. Он привез с собой материальную помощь. Уже в апреле 1805 г. С. Санковский писал из Станевичей А. Мазуревскому: "...Не будет бесполезно для службы великого нашего императора, когда Вы по всем делам, относящимся до доброго соседства между черногорскими и австрийскими жителями, будете меня извещать; да равно и по другим делам, кои могут послужить некоторым образом в пользу здешнего края" [13. Д. 3. Л. 330об.]. В последующие месяцы отношения российских представителей и черногорских

¹⁷ С.А. Санковский в начале 1805 г. после провала миссии М.К. Ивелича был направлен в Черногорию в качестве "специального представителя". Ему поручалось сформировать из местных жителей военный корпус на случай вторжения французов. Покинул Черногорию в 1807 г. после сдачи Котора французам.

В одном из своих донесений А. Чарторыйскому С. Санковский писал: "Ваше сиятельство соизволили мне приказать доложить, пользуется ли генерал, граф Ивелич великою доверенностью и уважением в народе славяносербском. На сие я не могу иное что отвечать, что граф Ивелич отнюдь не пользуется доверенностью черногорского митрополита, следовательно, невозможно ему иметь должное влияние по делам черногорским; а может быть то немало ему вредит в мыслях здешних народов, что он им соотчич, потому они не имеют к нему того послушания, кое они имели к природному россиянину равного им чина" [6. 1–5. 1805–1821. Д. 1. П. 2. Л. 306–323].

властей отличались особой дружественностью, взаимопониманием и взаимодействием. Архивные источники указывают, что митрополит регулярно информировал российское консульство по многим актуальным проблемам и, в частности, о “покушении венского двора возмущать Боснию и Герцеговину” с помощью прибывшего в Дубровник “каноника” Владковича, который “почти подобен злодею Долчи” (письмо от 11 февраля 1805 г. [13. Д. 3. Л. 312]); о планах австрийского генерал-губернатора Бради собрать восьмидесятысячное войско для “вступления в Боку” (письмо от 28 февраля 1805 г. [13. Д. 3. Л. 314]); о нападении “никшичских турок” с помощью “герцеговинских христиан” на турецкое село Жупа (письмо от 25 марта 1805 г. [13. Д. 3. Л. 321об.]); о притеснениях австрийскими властями жителей Грбалья и их бегстве в Черногорию (письмо от 28 августа 1805 г. [13. Д. 3. Л. 310]); о собрании в монастыре Ластва, на котором было принято решение “драться с французами, где бы они не явились” (письмо от 21 января 1806 г. [13. Д. 3. Л. 337]) и др.

Вместе с тем, в начале января 1806 г. С. Санковский сообщил, что российское правительство приняло решение отозвать своего консула из Котора. С учетом предстоящей передачи Боки Которской Франции такое решение русского правительства было ожидаемым [20. С. 5].

Дальнейший ход событий на определенное время отложил приход французов в Боку Которскую. В феврале 1806 г. черногорцы и бокельцы, взаимодействуя с моряками адмирала Д.Н. Сенявина, освободили всю Боку от австрийской власти. Необходимость защиты черногорцев от Австрии перестала существовать. Российское консульство быстро прекратило свою деятельность. Консул А. Мазуревский покинул Котор, судя по выданным ему С. Санковским путевым документам, в марте 1807 г. Так закончился этот необычный этап черногорско-российских отношений, в котором с точки зрения дипломатической истории, как России, так и Черногории консульство в Которе явилось редким феноменом.

В заключение можно резюмировать, что основание русского консульства в Которе со специфическим кругом обязанностей превзошло свое конкретное дипломатическо-консульское назначение. Консульство выполняло функции предоставления и защиты интересов народа, который официально принадлежал Османской империи и еще не имел своей государственности, но успел создать известную степень самостоятельности и особый статус в ее рамках. Это имело большое значение для населения Черногории, подтверждало особенности страны и внушало оптимизм относительно исторических перспектив, которые касались не только укрепления и расширения государственной организации и ведения освободительной борьбы, но объединения с соседними, пока не освобожденными славянскими народами. Уже фактом своего нахождения в Которе консульство внесло вклад в обогащение связей черногорцев с братским населением Боки Которской, что имело особое значение для последующих событий, касавшихся провозглашения и кратковременного существования объединенного государства Черногории и Боки Которской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Čubrilovič V. Međunarodni položaj jugoslovenskih zemalja koncem XVIII i XIX vijeka // Jugoslovenske zemlje i Rusija u vreme prvog srpskog ustanka 1804–1813. Beograd, 1983.
2. Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његово доба. Цетиње, 1951.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1963. Сер. I. Т. 3.

4. *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала 19 в. // Балканский исторический и политический сборник. Кишинев, 1974.
5. *Никчевић Т.* Улога Црне Горе и митрополита Петра I у припремама и подизању првог српског устанка 1803–1804 // Југословенске земље и Русија у време првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. I–7. Оп. 6.
7. *Вуксан Д.* Црна Гора у 1804. години. Записи. 1939. Књ. XXII.
8. Посланица Петра I Бокељима од 17. новембра 1803.
9. *Вуксан Д.* Посланице митрополита црногорског Петра I. Цетиње, 1935.
10. *Хитрова Н.И.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804–1813. Београд, 1983.
11. *Анишаков Ю.П.* Становление черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
12. *Вуксан Д.* Записи // Гласник Цетињског историјског друштва. Књ. XXII, св. 4 – октобар 1936.
13. Архив внешней политики Российской империи. Ф. СПб. ГА. IV–5. Оп. 123. 1804 г.
14. Архивско одјељење Народног музеја Црне Горе. Ф. Петар I. 1628 VIII. 1804.
15. *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија.
16. *Павићевић Б.* Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997.
17. *Миловић Ј.* Петар I Петровић Његош – писма и друга документа, грађа. 1780–1820. Титоград, 1987. Књ. I.
18. *Вуксан Д.* Пресуда абату Долћи. Записи. 1937. Књ. XVII.
19. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984.
20. *Павићевић Б.* Црна Гора и Бока Которска од Пожунског до Тилзитског мира 1805–1807 // Историјски записи. Београд, 1985. 3–4.

© 2005 г. Д. О. ЛАБАУРИ

ИДЕОЛОГИЯ МАКЕДОНИЗМА В 1886–1903 ГОДАХ

Затяжной экзамен молодого македонского государства на независимость по-прежнему будит интерес исследователей к истории македонского вопроса и, в частности, к крайне политизированной проблеме зарождения и развития македонской национальной идеи. При этом роль Сербии в формировании этой идеи остается не достаточно изученной в историографии¹ [6–9]. В связи с этим представляется важным с привлечением до сих пор мало изученного документального материала проследить зарождение и первые шаги “славяно-македонского” или македонистского движения, призывавшего в начале XX в. к национально-культурному возрождению македонских славян как отдельной нации.

Рост внимания Белграда к Македонии объяснялся новыми геополитическими условиями, в которых оказалась Сербия после Берлинского конгресса 1878 г., когда оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией привела к смещению векторов внешней политики Сербии, не отказавшейся от стремления к гегемонии на Балканах.

Проникновение Сербии в Македонию началось еще с конца 60-х годов XIX в. в форме сербской национально-культурной пропаганды, нацеленной на вовлечение македонцев в орбиту влияния Белграда. Так, в 1868 г. сербские власти создали специальный комитет для распространения сербского просвещения в Македонии и Косово. При этом официальные круги Сербии в обоснование своих территориальных претензий активно распространяли представление о значительном сербском этническом присутствии в Македонии. Так, виднейший сербский политик второй половины XIX в. Й. Ристич, относящий Македонию к Старой Сербии, указывал, что “сербы рассеяны по всем краям Старой Сербии: на юге до Охридского озера, до Крушева и Прилепа; а на востоке до

Лабаури Дмитрий Олегович – студент Уральского государственного университета (Екатеринбург).

¹ Большой вклад в изучение сербо-македонских связей конца XIX – начала XX в. и идеологии македонизма во внешней политике Сербии внес в 1960-х годах македонский историк К. Цамбазовски. Однако его усилия свелись к тому, чтобы представить Сербию защитницей от великоболгарского шовинизма якобы уже существующей македонской нации, а сербо-македонское сотрудничество – результатом широкого македонского народного движения против насильственной болгаризации. См.: [1–3]. Теме македонизма было уделено внимание и в болгарской историографии. См., например: [4; 5].

Вране, Скопье, Куманова, Кратова и далее”. По словам Ристича сербское национальное самосознание у них настолько ослабло, что они “едва ли знали, к какой народности они принадлежат, и довольствовались общим с болгарями названием христиане”. Поэтому необходимо было пробудить у этих “христиан Старой Сербии” сербское самосознание через просвещение [10. С. 278–279].

После 1878 г. борьба за Македонию резко обострилась, так как Берлинским трактатом было создано Болгарское княжество, естественный центр притяжения для македонских болгар, а Сан-Стефанский договор создал очень опасный для сербской и греческой национальных программ прецедент присоединения Македонии к Болгарии.

Объединение Болгарии с Восточной Румелией в 1885 г. вызвало новый виток напряжения вокруг Македонии и привело к сербо-болгарской войне, закончившейся поражением Сербии. Белград и Афины, опасаясь роста влияния усилившейся Болгарии в Македонии, которая, будучи этнически болгарской, достигнув автономии, могла повторить судьбу Восточной Румелии, вынуждены были активизировать свою политику в этом регионе. В наиболее сложном положении оказалась Сербия, не обладавшая в отличие от Греции своей “национальной базой” в Македонии и стоявшая в силу этого перед необходимостью выработать качественно новый подход к решению македонской проблемы, который в наибольшей мере отвечал бы сербским геостратегическим интересам. Таким новым подходом стала идеология македонизма или идеология македонского национального “сепаратизма”, предусматривавшая проведение комплекса специальных мероприятий по утверждению и поддержке македонской национальной самостоятельности и распространению македонского национального самосознания.

Появление во внешнеполитическом курсе Сербии концепции македонизма было связано с крупнейшим сербским историком, филологом и писателем, одним из лидеров партии напредняков Ст. Новаковичем, который длительный срок с 1886 г. по 1891 г. занимал пост посла Сербии в Константинополе, на плечи которого ложилась важнейшая задача координации (через создаваемую в 1887–1888 гг. сеть сербских консульств) всей сербской деятельности в Европейской Турции. Находясь в эпицентре разгорающейся пропагандистской борьбы Сербии, Греции и Болгарии за Македонию, что позволило ему лучше разобраться в ситуации и оценить перспективы сербской национальной пропаганды в этом регионе, он пришел к выводу, что продолжение Белградом прежней прямолинейной политики, связанной с формулой “македонцы – это сербы”, и отказ от более гибкой линии приведет к тому, что Македония будет потеряна для Сербии. Новакович исходил из того, что сербов в Македонии практически нет, а македонских болгар непреодолимо влечет к Болгарии, что в итоге может привести к повторению сценария 1885 г. Поэтому Сербии необходимо было попытаться оторвать славянское население Македонии от Болгарии, предложив ему более привлекательную идею, нежели идея общеполитического единства. Таковой, по мнению Новаковича, должна была стать идея македонской национальной самостоятельности, позволявшая, оторвав македонцев от болгар в национальном плане, а, следовательно, и в политическом, затем с успехом их сербизировать.

Как профессиональный лингвист Новакович прекрасно понимал, что между западной (Македония) и восточной (Болгария) частями болгарской этноязыковой общности существовали ощутимые диалектные различия, наметив-

шиеся еще в XV–XVI вв. под влиянием сербского языка (см.: [11]). Согласно Новаковичу, в интересах Сербии было развивать македонские диалекты вплоть до создания на базе одного из них самостоятельного македонского литературного языка.

Оставалось только убедить в правильности выбранного им курса правящие круги Сербии, и с 1887 г. в своих докладах министерству просвещения и МИД он доказывал: “Ввиду того, что болгарская идея, как всем известно, пустила глубокие корни в Македонии, я считаю, что почти невозможно ее подорвать путем противопоставления ей только сербской идеи. Боюсь, что эта идея, как голая противоположность будет не в состоянии вытеснить болгарскую идею, и поэтому сербской идее нужен некий союзник, резко выступающий против болгаризма, и в то же время обладающий такими элементами, которыми можно привлечь на свою сторону народ и его чувства, отделяя его от болгаризма. Такого союзника я вижу в македонизме или в определенных, мудро поставленных границах, отражающих македонский диалект и македонскую специфику. Нет ничего более противоположного болгарским тенденциям, ни с чем болгары не смогут находиться в более непримиримых отношениях, как с македонизмом” [12. ППО. Ф. I. № 221, 1888 г.].

После одобрения его идей [2. С. 143–144] Новакович приступил к активной деятельности. В 1887 г. он пытался добиться от Турции разрешения на издание литературной газеты на македонском диалекте, которая имела бы целью “информировать общественность, что македонские славяне не имеют ничего общего с болгарями”, и “в которой македонский диалект будет клониться к сербскому языку, все более превращаясь в чисто сербский” [2. С. 144–145]. Однако, учитывая протесты болгарского правительства и Экзархии [13. С. 83–84, 90], Порты вынуждена была отказать в издании этой газеты.

В следующем 1888 г. в докладе министерству просвещения вместе с просьбой об издании специального букваря на македонском диалекте для сербских школ в Македонии Новакович более подробно излагал положения, из которых, по его мнению, должна исходить сербская политика просвещения в данном регионе: “что македонский диалект отличается и от сербского, и от болгарского языка, но имеет нечто общее и с одним, и с другим; что до сего момента болгарская пропаганда прилагала большие усилия, чтобы отметить и выразить всевозможными способами различие между македонским диалектом и сербским языком; что сербская сторона должна идти по этому же пути, но терпеливо, солидно и систематично, с новыми оригинальными средствами” [2. С. 149].

В 1889 г. Новакович добивался издания в Константинополе календаря “всех сербских племен в Турции” “Вардар” со статьями на сербском языке и на македонском народном диалекте [12. ПЦ. Ф. I. № 49, 7 XI 1889 г.].

Одновременно с этим он выступал в прессе, агитируя перед сербской общественностью за новую роль Сербии как защитницы македонской самостоятельности от великоболгарских претензий. В белградском журнале “Отацбина” за 1888 г. он писал: “Наконец, есть еще одно явление, которое нельзя упускать из виду. Это стремление македонцев остаться самими собою, поиски ими среднего пути между указанными тенденциями (т.е. между греческой, болгарской и сербской национальными идеями – Д.Л.). И это стремление особенно стало усиливаться в результате расхождений болгарских и македонских национальных черт с тех пор, как болгарская пропаганда начала подвергать

слишком грубой и резкой критике македонские специфические черты, преследуя идеи панболгаризма” [14. С. 308; 3. С. 209].

Македонистская деятельность Сербии подразумевала также создание марионеточных общественных организаций наподобие общества “Сербо-македонцы”, программа которого наиболее ярко свидетельствовала о служебной роли македонизма в сербской национальной пропаганде. Деятельность общества координировал лично Новакович. По замыслу “сербо-македонцев” издававшийся в Константинополе на “чистом македонском языке” печатный орган этого общества должен был “поднимать церковный вопрос об отказе македонцев от болгарского экзарха” с целью воссоздания собственного автономного Охридского архиепископства, стремясь при этом “вдохнуть в македонский народ сербский дух: доказывать ему, что они не болгары, что с болгарями они уже не имеют никаких связей, что болгары являются врагами македонского народа”. При этом необходимо было подчеркивать македонские “национальные особенности, язык и обычаи” и энергичней стремиться к “изгнанию болгарских священников и учителей из Македонии, а на их места ставить священников и учителей родом из Македонии и воспитанных в сербском духе” [1. С. 163–164].

Большое значение Новакович придавал пропаганде своей идеи перед общественностью и правящими кругами Европы² и в первую очередь России³.

Между тем, идеология македонизма, исключительно как инструмент искусственного насаждения влияния Сербии, без обратной связи со славянскими деятелями Македонии, имела мало шансов на успех, и Новакович искал эту связь. 12 февраля 1888 г. он писал сербскому генеральному консулу в Салониках: “Несколько дней тому назад к нам зашел Панта Кондич, уроженец Прилепа, бывший ученик 7 класса болгарской гимназии в вашем городе. Он просил меня отправить его в Сербию для продолжения учебы. Он сказал мне также, что в минувшем январе он и его 18 товарищей одноклассников были исключены из школы, так как не могли заниматься на болгарском языке и потребовали, чтобы занятия велись на их родном македонском диалекте” [3. С. 211].

Речь в письме шла о событии, во многом оказавшем большое влияние на будущую судьбу Македонии: в начале 1888 г., когда готовился первый выпуск самой элитной болгарской гимназии в Македонии, между ее руководством и выпускниками произошел некий разрыв. Новакович естественно поспешил воспользоваться этим, чтобы поддержать, как он полагал, национальные македонские тенденции и поставить их на службу Сербии, и уже в начале 1888/1889 учебного года эти 19 гимназистов, как и еще около 20 македонцев, были отправлены в Белград в учебные заведения общества св. Саввы, создан-

² Еще в июле 1887 г. Новакович через сербских агентов Н. Евровича и К. Групчевича, выступавших в качестве “коренных македонцев”, подал на рассмотрение послам великих держав в Константинополе петицию, в которой утверждалось, что “македонское население считает необходимым сообщить миру, что оно является особым народом с особой историей, нравами и обычаями и что у него нет ничего общего с соседними государствами” [14. С. 302–304].

³ В России на высшем уровне македонизм не принимался ни в каких формах, поскольку в лишнем усложнении ситуации Петербург был не заинтересован. Так, министр иностранных дел В.Н. Ламздорф в 1903 г. заявлял: “Македонцев нет, есть конгломерат народностей и масса турок” (цит. по: [15. С. 79]), а российские консулы в Македонии, настроенные, как правило, сербофильски, зачастую попадали в идеологическую ловушку “политики чувств”, противную “политике реальных интересов” России на Балканах [4. С. 27].

ного в 1886 г. с целью подготовки из славянской молодежи Македонии сербских учителей для проведения в этом регионе просербской пропаганды.

Именно из этой группы молодых македонцев в дальнейшем и выделились македонисты, согласившиеся сотрудничать с сербскими властями.

В Белграде сербские шовинисты из общества св. Саввы во главе с М. Миловичем оголтелой просербской пропагандой, уверениями македонцев в том, что они – чистые сербы, запретом болгарских газет и книг успели загубить результаты трудов Новаковича. И уже в январе 1890 г. почти вся группа македонцев при помощи болгарских дипломатов отправилась продолжать свою учебу в Софию [16. С. 29]. Однако затем в этой группе произошел раскол, во многом объясняющий причину разрыва молодых македонцев с болгарской гимназией.

В центре данного разрыва, как и упоминал Новакович, оказался очень щепетильный вопрос о македонском диалекте, а поводом к разрыву послужил скандал с увольнением из болгарской салоницкой гимназии преподавателя П.Д. Драганова, имевшего определенное влияние на учеников.

В Македонии бессарабский болгарин Драганов, ученик известного русского славянофила В.И. Ламанского, знакомился с творчеством легендарных просветителей периода болгарского национально-культурного возрождения, таких как братья Миладиновы, Жинзифов, Прличев и другие, использовавших свой родной македонский диалект, и в результате пришел к выводу, что они уже заложили основы македонского литературного языка [17]. Это, по мнению Драганова, свидетельствовало о самобытности “македонско-славянского населения” и необходимости его самостоятельного национального развития⁴ [18. С. 629; 14. С. 338–343].

Между тем, мотивы большинства македонцев, исключенных в 1888 г. из болгарской гимназии, полностью объясняются их последующей деятельностью. После раскола македонской группы в Софии македонистски настроенное меньшинство, убедившись, что в Болгарии и речи никакой не может идти о самостоятельном македонском народе, возвратилось в Белград, но подавляющее большинство, выступающее за сохранение единого болгарского народа от Черного моря до Албании, осталось. Идеологию этих двух групп можно проследить по программам и деятельности тех общественных объединений, которые были ими впоследствии созданы: оставшиеся в Болгарии основали в 1892 г. “Молодое македонское литературное объединение” с печатным органом “Лоза”, а вернувшиеся в Сербию во главе с Крсте Мисирковым – объединение “Вардар” в 1893–1894 гг.

Если проследить деятельность “лозарей”, среди которых были будущие активисты ВМОРО (Внутренняя македоно-одринская революционная организация) и ВМК (Верховный македонский комитет), то можно увидеть, что вся она сводилась к тому, “чтобы болгарский литературный язык был так же понятен на берегах Вардара, как и на берегах Марицы”. Дело в том, что болгарский

⁴ От Драганова, видимо, ускользнул тот факт, что творчество болгарских (по четкому национальному самоопределению) уроженцев Македонии приходилось на тот период, когда болгарский этнос еще не обладал своей государственностью, а болгарский литературный язык еще не существовал. В этих условиях просветители создавали не македонский, а болгарский литературный язык на основе их родного македонского диалекта. Когда же возникло Болгарское княжество, все перевернулось “с ног на голову”: опыт македонских болгар был забыт, а болгарский литературный язык стал создаваться на основе восточно-болгарских диалектов.

литературный язык к 90-м годам XIX в. еще находился в процессе формирования, и “лозари”, возмущенные тем, что он создается на основе восточно-болгарских диалектов, а их родной македонский диалект игнорируется, решили вмешаться в этот процесс, используя в газете “Лоза” отдельные слова македонских народных говоров и ратуя за реформу болгарского правописания. Что касается национального самосознания молодых македонцев, то оно было четко выражено в статье “Несколько слов по вопросу о национальности”, где указывалось: “Только одно сравнение этнографических черт, которые характеризуют македонцев с теми, что характеризуют свободных болгар ... достаточно нам покажет и убедит всякого, что национальность македонцев не может быть никакой другой, кроме болгарской” [16. С. 69–70].

Таким образом, генезис македонской национальной идеи имел место только в среде вернувшихся в Сербию македонцев. Именно они и стали ориентированными на сотрудничество с сербскими властями идеологами “автохтонного” македонизма, которых Новакович надеялся использовать в качестве инструмента влияния Сербии в Македонии. Вернувшись в 1892 г. из Константинополя и став министром иностранных дел, он взял их под свою личную опеку.

Однако по мере развития сотрудничества сербского правительства со славяно-македонскими интеллигентами все более проявлялось стремление последних к самостоятельности. По словам Мисиркова, помимо официально провозглашенной цели “Вардара” “изучать Македонию в этнографическом, географическом, филологическом и историческом отношениях” была уже и тайная цель “выработать единую программу для будущей ее реализации в Македонии втайне от сербской пропаганды” [19. С. 90–91]. Недоверие со стороны сербских властей привело к роспуску “Вардара”.

Если “национальное” содержание сербского македонизма и вызванного Сербией “автохтонного” македонизма совпадало: и первый, и второй, естественно, по разным соображениям, утверждали национальную идентичность македонцев, то их политическое содержание явно расходилось. Новое македонское течение, все более претендовавшее на руководство процессом македонского национально-культурного возрождения, постепенно начинало выступать и за политическую самостоятельность Македонии, с чем, естественно, не могли согласиться в Белграде. В этом заключалась одна из основных причин отказа Сербии от македонизма. Позже Мисирков указывал, что в Сербии друг другу “противостояли две теории: первая состояла в том, что Македонию населяют не сербы и не болгары, а просто македонцы по национальности, вторая – в том, что македонцы – это сербы”. Первая имела мало последователей и была предназначена для европейского общественного мнения. Она содержала скрытую опасность для сербских интересов в Македонии, так как могла “повлечь за собой согласие Сербии на образование отдельного македонского государства, ни одной части которого бы Сербии не досталось”. Поэтому победила вторая теория [19. С. 87–88].

Кроме того, сербская общественность, настроенная крайне националистически, отказывалась принимать гибкий лозунг Новаковича “Македония македонцам”, что наиболее ярко проявилось в 1902 г., когда группа македонцев, во главе которой были те, что некогда основали “Вардар”, приступила к изданию “Балканского гласника”, на страницах которого делались попытки выработать первую в истории македонскую национально-политическую программу. Ряд сербских изданий, рассматривавших Македонию неотъемлемой частью

будущей Великой Сербии, выступил с резкой критикой газеты македонцев, а в Белграде прошли публичные митинги протеста [9. С. 24–27].

Помимо этого, наряду с внешнеполитическим эффектом, нацеленным на нейтрализацию болгарского этнического права на Македонию в глазах европейской общественности и дипломатии, сербская пропаганда должна была добиваться крайне важного для себя внутривнутриполитического эффекта, а именно: рядовая сербская масса в час решающей битвы за Македонию должна была четко осознавать, что она освобождает от турецкого ига свою этническую территорию, а не какой-то македонский народ.

Таким образом, к 1903 г. идеологи сербской национальной пропаганды постепенно начинают обращаться к более выгодной для Сербии идее о том, что славянское население Македонии представляет собой бесформенную аморфную массу без национального самосознания, которая близка как к болгарам, так и к сербам, и которая не может быть субъектом, а только объектом политики. Одним из первых эту идею выразил глава отделения пропаганды при МИД Сербии С. Симич. В разговоре с членом ВМОРО С. Радевым в сентябре 1902 г. он заявил: “Весь восток от Вардара этнически и теперь уже принадлежит им [болгарам]. На западе от него – население представляет пока бесформенную, в национальном смысле, массу, о которой можно сказать только одно: она славянская. Какая именно, болгарская или сербская? – будет зависеть от того, чья агитация будет успешнее и энергичнее” [20. С. 372–373]. Данный тезис поддержал и редактор сербского официоза “Дневник” С. Протич, заявив, что “македонское население само по себе – ноль, никакого политического и национального самосознания в нем нет” [20. С. 375.]. А в 1906 г. появилась теория Й. Цвиича [21], утверждавшего, что славяне Македонии представляют собой “аморфную массу”, не имеющую национального самосознания, и станут сербами или болгарями в зависимости от того, кто ими будет владеть.

Данный тезис в сербской национальной пропаганде при сохранении прежнего утверждения, взятого из идеологии македонизма, о равных этнических правах Сербии и Болгарии на Македонию призван был нейтрализовать для Сербии и опасность со стороны македонского национального сепаратизма. Существование самостоятельной македонской нации теперь отрицалось сербскими идеологами, а положение о бесформенной аморфной македонской массе просуществовало в сербской национальной пропаганде до Балканских войн 1912–1913 гг., когда Сербия, воспользовавшись правом силы для присоединения Вардарской Македонии, перешла к насильственной сербизации македонских болгар.

Что же касается представителей “автохтонного” македонизма, то первоначально их деятельность была тесно связана с учреждениями сербской пропаганды. Так, Мисирков, являясь стипендиатом министерства иностранных дел Сербии [4. С. 33], в 1892 г., когда, по его собственным воспоминаниям, из Белграда регулярно бежали группы македонских учащихся по 5–10 человек [19. С. 90.], занимался переманиванием их из болгарских школ. Так, он познакомился с 14-летним Димитрием Чуповским [9. С. 10], который позже станет правой рукой Мисиркова, и направил его на учебу в школу св. Саввы.

Первые попытки самостоятельной деятельности македонистов в Македонии относятся к середине 90-х годов XIX в. и терпят полный крах, так как встречают мощный отпор со стороны ВМОРО. Так, закончивший в 1895 г. учебу и отправившийся “по распределению” сербским учителем в свое родное

македонское село Папрадиште близ Велеса Чуповский под давлением боевой организации ВМОРО, в деятельности которой борьба с сербской пропагандой в Македонии занимала центральное место, покидает Македонию. В 1933 г. в своих мемуарах он дипломатично упомянет об этом: “По совету организации я вернулся обратно в Сербию” [9. С. 151].

Особое внимание Новакович уделял Мисиркову как лидеру македонистов. В сентябре 1895 г. Новакович, занимавший к тому времени уже пост премьер-министра Сербии, отправил Мисиркова, снабдив его 180 золотыми динарами, с некой ответственной миссией к сербскому консулу в Приштине Б. Нушичу. Однако вместо того, чтобы ехать в Приштину, Мисирков бежал с сербскими деньгами в Одессу, где его следы терялись для сербской дипломатии [22; 4. С. 33; 9. С. 11]. Это событие стало началом нового этапа в развитии “автохтонного” македонизма, поскольку Мисирков вышел из подчинения Белграду, но, не отказавшись от сотрудничества с сербскими властями, пытался строить отношения с ними уже на равноправной основе.

В 1897 г. Мисирков поступил в Петербургский университет, указав в графе “национальность” “македонский славянин”⁵ [22]. В Петербурге он совершил следующий тактический шаг, который до сих пор не получил однозначной оценки в историографии: на время “забыв” о македонизме, он в 1900 г. вместе с болгарскими студентами из Македонии участвовал в создании Тайного македоно-одринского кружка (ТМОК), который в своем первом послании ВМК, указывая, что “нет болгарина, который не интересовался бы положением и судьбой той части отечества, которая и сегодня еще стонет под игом тирании”, просил поместить его в число подведомственных ВМК обществ [22]. Причины такого шага Мисиркова, на наш взгляд, необходимо искать в доминировавшей на тот момент идеологии болгарского национально-освободительного движения в Македонии, с которой он вынужден был считаться.

К началу XX в. такой идеологией являлась доктрина македонского политического сепаратизма, основанная на полной независимости болгаро-македонского движения и будущего македонского государственного образования от Болгарии. Большинство, как среди членов ВМОРО с центром в Салониках, так и среди членов ВМК с центром в Софии рассматривали македонский политический сепаратизм как тактический шаг: необходимо было любой ценой убедить и Турцию, и балканские государства, и великие державы в непричастности Болгарии к македонскому движению, в отсутствии у македонских болгар стремления воспользоваться автономией для присоединения к Болгарии и создания Великой Болгарии. Только так, полагали они, можно добиться введения автономии Македонии и избежать вмешательства Сербии и Греции. С этой же целью в 1902 г. ВМОРО пошла на собственную трансформацию из болгарской националистической организации (БМОРК) в македонскую “ин-

⁵ Определение “македонский славянин” или “славяно-македонец” употреблялось македонистами в качестве этнонима с целью подчеркнуть национальную идентичность македонских славян, тогда как под определением “македонец” в рассматриваемый период понимался именно македонский болгарин [16. С. 63] (для эллинской Македонии – македонский грек), поскольку в научных и общественных кругах было достаточно распространено представление о болгарском характере славянского населения Македонии. Так, Чуповский во всех официальных документах последовательно самоопределялся “славяно-македонцем” [9. С. 13–14]. “Славяно-Македонской” была названа и македонская национальная организация в Петербурге.

тернационалистскую” (ВМОРО)⁶ с лозунгом “Македония для македонцев, всех македонцев без различия национальности и вероисповедания”. Наиболее полно, на наш взгляд, эта концепция была выражена у видного болгаро-македонского лидера Т. Карайовова. В софийской газете “Право” в 1902 г. он писал: “При виде пагубных последствий политики малых балканских государств в отношении Македонии и ее свободы, сознавая полную невозможность осуществления идеи Великой Болгарии, македонское население давно отказалось от Сан-Стефанских идеалов ... Взамен трезвый разум македонского населения выдвинул идею политического сепаратизма, отделения от той же самой Болгарии. Нет оснований возмущаться политическим сепаратизмом населения Македонии ... Болгарская народность сохраняется как целое, неделимое, связанное духовной культурой, хотя она и будет политически разделена ... Большинство христианского населения Македонии является болгарским, мы отвергаем какие бы то ни было упреки в национальном сепаратизме” [23. С. 474–477]. В разгар Илинденского восстания 1903 г. тот же Карайовов в беседе с австро-венгерским послом в Константинополе бароном Гизлом от имени ВМОРО и “всех болгарских македонцев” указывал: “Мы надеемся на поддержку со стороны Европы и, прежде всего, родственной нам по крови России, и на активную помощь со стороны своей нации в Болгарии ... Присоединение к Болгарии, по-видимому, невозможно, поэтому мы работаем только для Македонии и во имя ее освобождения от турецкого ига. Но из этого не следует, что мы откажемся от нашей болгарской национальности” [24. С. 128–131]. Будущее автономной Македонии сторонники указанной концепции видели в постепенном слиянии с Болгарией.

Меньшая часть болгаро-македонских деятелей, представленная радикальным крылом ВМОРО, также выступала за македонский политический сепаратизм, однако рассматривала его не как тактический шаг, а как стратегическую цель, при этом не отказываясь от своей болгарской национальной самоидентификации. Многочисленные документальные свидетельства позволяют нам предположить, что подобная позиция объяснялась зарождением у части болгаро-македонских лидеров осознания наличия у македонских болгар своей особой судьбы, отличной от судьбы болгар в Болгарии⁷. В перспективе при определенных условиях это могло привести к зарождению македонского национального самосознания, в основе которого лежала бы не этническая иден-

⁶ Внутренняя организация, более известная как ВМОРО, с 1896 г. по 1902 г. называлась Болгарские македоно-одринские революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. – Тайная македоно-одринская революционная организация и только с 1905 г. – Внутренняя македоно-одринская революционная организация [16. С. 140–141, 224–228].

⁷ Болгарский публицист П. Яворов, соратник военного лидера ВМОРО Г. Делчева, вспоминал, что когда 19-летний Делчев ехал в 1891 г. из Македонии в софийское юнкерское училище, то представлял увидеть страну, похожую на единый военный лагерь, вся жизнедеятельность которого подчинена только одной цели – подготовке освободительного похода в Македонию для окончательного объединения общего болгарского отечества, и он в качестве офицера болгарской армии надеялся принять участие в этом историческом походе. Однако проблемы, стоявшие в тот период на повестке дня молодого Болгарского княжества, свидетельствовали о том, что ни о каком “походе” в Македонию не могло быть и речи. И Делчев ужаснулся в своем разочаровании, он не мог представить себе, насколько свобода изменила болгарское общество и насколько оно непохоже на ту рабскую страну, которую он оставил и которая наивно продолжала ждать болгарского солдата освободителя (см.: [25]).

тичность, а осознание особого македонского исторического пути. Но как бы то ни было, в рассматриваемый период македонский политический сепаратизм не был тождественен сепаратизму национальному, от которого болгаро-македонская общественность старалась отрещиваться, называя его “безнравственным” [23. С. 474].

Учитывая все это, Мисирков, дабы избежать политического самоубийства, вынужден был перед болгаро-македонскими студентами в Петербурге скрывать свои македонистские убеждения. Позже члены ТМОК с удивлением вспоминали о том, что Мисирков в то время ни слова не произнес ни о чем македонском, отличном от болгарского, выступал против всякой автономии Македонии и за немедленное и полное ее слияние с Болгарией [22]. 28 сентября 1902 г. он становится председателем ТМОК.

Параллельно с этим македонистская группа во главе с С. Дедовым и Д. Мишайковым, координировавшими свою деятельность с Мисирковым, предпринимала попытки конституирования македонской национальной организации в Белграде. С 7 июля 1902 г. белградский Македонский клуб приступил, как уже упоминалось выше, к изданию “Балканского гласника” с задачей “воспитывать соотечественников в интеллектуальном, моральном, национальном и политическом (во французской версии статьи – в экономическом) плане” [26. С. 1]. Идея газеты сводилась к утверждению македонской национальной идентичности: “Основная масса населения [Македонии] – славянская, которая по обычаям, традициям и историческому прошлому представляет этнографическое единство, но которая, к сожалению, сегодня разорвана на несколько частей [грекоманов, сербоманов и болгароманов]” [9. С. 21].

Редакторы “Балканского гласника” готовили меморандум к великим державам в виде македонской национально-политической программы, однако реализовать этот план в силу обстоятельств не успели, и в сентябре 1902 г. при содействии Мисиркова и сербских властей, заинтересованных в отмежевании от македонского национального движения и в том, чтобы македонский меморандум появился не в Белграде, а в нейтральном Петербурге, они отправились в российскую столицу, где и произошло объединение македонистских сил (к этому моменту второе место в ТМОК после Мисиркова занимал Чуповский, перебравшийся в Россию еще в 1900 г.). Примечательно, что сразу по приезде в российскую столицу Дедов и Мишайков встречались с сербским послом в Петербурге, должность которого на тот момент занимал никто иной, как все тот же Ст. Новакович, которого они ознакомили с содержанием подготавливаемого меморандума, и изложили ему план своих дальнейших действий [14. С. 417–418]. Подчеркивая, что их деятельность направлена против Экзархии и “болгарских стремлений” [4. С. 29], македонисты пытались добиться поддержки со стороны сербских властей. Именно к этому периоду относится одна из последних попыток Новаковича убедить сербское правительство в необходимости сотрудничества с македонистами. В своем докладе от 22 ноября 1902 г., указывая, что реформы в Македонии неизбежны⁸, он писал: “Если реформы приведут к образованию некой автономии, то наибольшей опасностью для сербских интересов было бы стремление болгарской партии в Македонии со-

⁸ Предположения Новаковича основывались на вызванной Горноджумайским восстанием осенью 1902 г. активизации российской и австро-венгерской дипломатии с целью выработки административных реформ для Македонии.

вершить присоединение к Болгарии по примеру Восточной Румелии ... [Поэтому] сербская политика должна искать средства, которые могут ослабить связи македонцев с Болгарией ... В связи с этим, мне кажется, что деятельность этих молодых людей (т.е. македонистов – Д.Л.) ни в малейшей мере не противоречит интересам Сербии и, что есть основание оказать им материальную помощь” [4. С. 29; 2. С. 153–154]. Контакты македонистов с Новаковичем в дальнейшем продолжились. Так, в своем докладе правительству от 19 декабря 1902 г. он указывал: “Стефан Якимов (Дедов – Д.Л.) ... и Д. Трпкович (Мишайков – Д.Л.) просили помощь отныне посылать им золотом в Петербург” [4. С. 29].

В Петербурге македонисты из Белграда влились в ТМОК (с 1 ноября 1902 г. Македонское научно-литературное общество им. св. Климента, а с 20 декабря 1903 г. Славяно-Македонское общество им. св. Кирилла и Мефодия) и 12 ноября 1902 г. при поддержке Мисиркова и Чуповского произвели в нем македонистский переворот [9. С. 58–59], передав доработанный белградский меморандум на рассмотрение Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу и российскому правительству.

Меморандум, рассчитанный исключительно на славянофильскую аудиторию, представлял собой первую в истории македонскую национально-политическую программу, состоявшую из нескольких блоков.

Во-первых, авторы документа фактически констатировали отсутствие в Македонии македонского национального самосознания, главная причина чего, по их мнению, заключалась в деятельности балканских государств, намеренных распространить свои границы за счет Македонии и организовавших для этого специальные институты с целью пропаганды, которая деморализует славянское македонское население и нарушает его единство. Следовательно, единственным средством “положить конец дроблению и вражде среди населения” и, тем самым, вернуть македонским славянам “единое национальное самосознание” являлось прекращение пропаганды соседних государств в Македонии, после чего следовало “ввести одно из македонских наречий в степень македонского литературного языка” и “воспитывать македонцев в духе их родного языка, одинакового их прошлого и будущего”.

Во-вторых, авторы объясняли, зачем необходимо подобное македонское национальное возрождение. Они откровенно заявляли: “Может показаться, что мы будто искусственно стараемся создать нечто несуществующее, что из географического понятия Македония стараемся создать понятие этнографическое или, другими словами, искусственно создать македонскую народность”. Причем, что важно, они не пытались отрицать этого, а объясняли политические преимущества для России от подобной акции, наивно пытаясь манипулировать славянофильскими чувствами русских: а) “если в будущем это славянское население [Македонии] не успеет соединиться в одну компактную массу, чтобы иметь преобладающее значение среди остальных народностей [турки, греки, влахи, пр.], то можно ожидать, что судьба Македонии будет передана в руки его врагов” и Македония будет навсегда потеряна для славянства; б) “македонские наречия ... представляют собой середину между говорами Болгарии и Сербии ... и как таковые могут в случае возведения одного из них в степень литературного языка послужить соединительным звеном между теперь враждующими Болгарией и Сербией”, а в перспективе способствовать слиянию под эгидой македонского литературного языка сербов и болгар “в одно националь-

но-культурное целое”, что по мысли македонистов тоже было в интересах славянской России, стремящейся к сближению балканских славян. При этом далекое от истины утверждение о симметричном положении македонских диалектов между болгарским и сербским языками явно было заимствовано из сербского македонизма.

Далее указывалось, что “необходимо и духовное объединение славян Македонии в одно целое”, но опять же из политических (славянофильских) соображений: “чтобы предупредить религиозное деление Македонии и устранить вмешательство врагов славянства и православия”. Это духовное объединение мыслилось македонистами как выделение Македонии из Экзархии и создание автокефальной македонской православной церкви.

В-третьих, авторы меморандума, объясняли методы, которыми, по их мнению, можно было способствовать македонскому национальному возрождению. Признавая, что “одни македонцы без посторонней помощи не в силах будут достичь единства национального самосознания” и зная об отрицательном отношении Петербурга к “преступной” деятельности болгаро-македонских революционных комитетов, они заявляли: “Все это может осуществиться эволюционным способом, не прибегая к восстаниям и образованию новой пропаганды ... Достаточно было бы, чтобы русское общественное мнение вместе с русской дипломатией воздействовало на балканские государства в том отношении, чтобы последние отказались от своей завоевательной политики и отозвали из Македонии своих пропагандистов ... С отзывом пропагандистов исчезнет антагонизм среди населения, славянское население объединится в одну компактную [национальную македонскую] массу” (цит. по: [9. С. 40–53]). Таким образом, авторы документа, как бы подытоживая вышесказанное, говорили прямым текстом: македонская нация не существует, помогите нам ее создать, это и в ваших, российских, и в наших, македонских, интересах. К меморандуму прилагался проект реформ для Европейской Турции, подразумевающий признание македонских славян отдельным народом со своим литературным языком, который будет наравне с турецким являться официальным языком трех македонских вилайетов; признание самостоятельной македонской церкви; назначение единого македонского генерал-губернатора и введение местного выборного сейма [9. С. 52].

Общество св. Климента, которое македонцы с болгарской самоидентификацией вынуждены были покинуть, продолжало конституироваться. Принятый 20 декабря 1903 г. устав окончательно зафиксировал его македонский национальный характер, провозгласив целями общества развитие у македонцев национального самосознания, “изучение языка, песен, обычаев и истории Македонии”, “примирение и объединение всех македонцев во имя единства их родины” (цит по: [14. С. 489–491]). Дедов уехал в Софию, где пытался издавать газету “Балканъ”, а затем “Куриеръ”. А лидер македонского национального движения Мисирков 22 ноября 1902 г., пока известие о македонистском скандале в Петербурге не дошло до Болгарии, добился от болгарского экзарха назначения его в Битола болгарским учителем [22]. Как частное лицо в Битола отправился и Мишайков, установивший там контакты с сербским консулом М. Ристичем, который затем ходатайствовал перед сербским правительством о выделении для Мишайкова ежемесячного содержания в 80 динаров, чтобы тот “не был потерян для нас” [4. С. 30].

Таким образом, к 1903 г. македонисты создают три автономных центра македонской национальной пропаганды: основной, в Петербурге, должен был

заниматься защитой македонской национальной идеи перед российской и европейской общественностью и дипломатией; второй, в Македонии, – непосредственной пропагандой македонизма среди населения, а третий, в Болгарии, – среди болгаро-македонской эмиграции через свои периодические издания. Последний имел наиболее сложную задачу: убедить в необходимости дополнить македонский политический сепаратизм идеей сепаратизма национального [9. С. 39]. Только так, говорили македонисты, можно убедить всех, что Македония не повторит судьбу Восточной Румелии. Болгаро-македонская элита, естественно, с этим не могла согласиться.

1903 год стал рубежом в истории македонского национального движения, как и в истории самой Македонии. Тяжелое поражение Илинденского восстания, уничтожившее создававшуюся на протяжении десяти лет разветвленную сеть ВМОРО в Македонии, и вызвавшее глубокую депрессию всего болгарского общества из-за осознания бессилия официальной Болгарии предотвратить геноцид македонских болгар и добиться от Турции хотя бы призрачной автономии для Македонии, создавало предпосылки роста македонистского движения.

Осенью 1903 г. в Софии появляется знаменитая брошюра К. Мисиркова на македонском диалекте “О Македонском вопросе” [19], которая крайне важна для понимания концепции раннего “автохтонного” македонизма. Практической целью книги Мисиркова было создание македонской национальной организации уже в Болгарии.

Помимо повторения высказанных в Меморандуме 1902 г. македонских национально-политических требований, Мисирков призывал к полной лояльности к Турции и прекращению вооруженной борьбы в Македонии с целью максимально способствовать реализации австро-венгро-российской Мюрцштегской программы реформ, которую любыми способами необходимо было поставить на службу интересам македонского национально-культурного развития, а не интересам “болгарской Македонии” [19. С. V–IX].

Но основная идея книги Мисиркова состояла в фактическом ультиматуме разгромленной ВМОРО(!), которую он, выступая с радикальных македонистских позиций, остро критиковал за ее болгарский характер и за тесную связь с Болгарией, намекая на то, что деятельность организации является ничем иным, как искусным маневром болгарского правительства и Экзархии, стремящихся показать, что “движение идет изнутри и является самородным явлением”, и тем самым “решить македонский вопрос в болгарскую пользу” [19. С. 3–17].

Исходя из этого, Мисирков от имени македонистов выдвигал следующие ультимативные требования к ВМОРО и болгаро-македонской эмиграции в Княжестве: а) допустить к управлению ВМОРО наряду с болгарскими и “славяно-македонскую” интеллигенцию, существование которой является свершившимся фактом; б) болгаро-македонская интеллигенция должна перейти на македонские национальные позиции, принять македонский литературный язык, “отказаться от своего болгарского имени” и от болгарского народа, который “является источником всех наших бед”, а затем приложить все свои силы для македонского национально-культурного возрождения [19. С. 20–61].

В противном случае, указывал Мисирков, болгаро-македонская общественность, до сего дня называвшая идеи нового македонского течения “абсурдом” и “мистификацией”, начав борьбу с ним, лишь, скомпрометирует себя и болгарскую политику в Македонии, так как сближения ее с Болгарией не допустят ни соседние государства, ни великие державы, а македонистов, как га-

рантов нейтральности Македонии, поддержат все. Кроме того, Мисирков, раскрывая карты, открыто заявлял: “Другой вопрос: где новое течение возьмет силу, если македонская интеллигенция и комитеты в Болгарии начнут борьбу с ним? Для ответа на этот вопрос необходимо в нескольких словах отметить роль *Сербии в македонском национальном возрождении* (курсив мой – Л.Д.) ... При успешном развитии нового течения и при сильном отпоре со стороны Болгарии оно может даже ожидать поддержки со стороны Сербии ... что не противоречит сербским интересам. Для Сербии важно, чтобы, если Македония не будет сербской, она не была и болгарской” [19. С. 79–99]. Далее Мисирков более четко выделял место, отведенное Сербии в концепции раннего “автохтонного” македонизма: “Наиболее сильным толчком к национальному пробуждению македонцев послужило начало сербской пропаганды в Македонии ... В начале своей пропаганды сербы намерены были наряду с болгарями включить Македонию в сферу своих интересов. Эта цель достигалась ... главным образом, иной постановкой вопроса о национальности македонских славян ... Сербские усилия рассмотреть македонский вопрос с научной точки зрения увенчались успехом ... Сербия воспитала целое поколение македонцев (т.е. македонистов – Л.Д.), которое имело, имеет и будет иметь наибольшее значение в новой истории Македонии ... Сербское влияние благотно для Македонии” [19. С. 69–99].

На страницах своей брошюры Мисирков неоднократно повторял, что “многие будут удивлены появлением этой книги”, которая “вносит раздор и разъединение” вместо столь необходимого сейчас общеполитического единства. Однако его худшие ожидания превзошли себя. В условиях, когда 9 сентября 1903 г. Главный штаб Илинденского восстания незадолго до своего окончательного разгрома адресовал болгарскому правительству отчаянное послание с просьбой о помощи⁹, а в болгарских городах проходили многотысячные демонстрации с требованиями войны против Турции, появление брошюры Мисиркова вызвало настоящий психоз среди болгарской общественности Болгарии и Македонии. Мисирков проклинался на демонстрациях, а его книгу демонстративно сжигали [9. С. 59]. Сам же лидер македонистов вынужден был бежать в Белград.

Но как бы то ни было, книгой Мисиркова македонисты впервые публично заявили о существовании македонского национального движения как самостоятельного фактора в борьбе за влияние в Македонии наряду с уже существующими институтами болгарской, греческой, сербской и румынской пропаганды. Впервые широкой огласке были приданы цели и требования нового движения. Появление этой книги, как и окончательное конституирование национального македонского общества в Петербурге, подвело определенную черту под начальным этапом развития нового македонского течения, безусловно, самостоятельного, но через все развитие которого в начале XX в. красной нитью проходил тесный союз на антиболгарской основе с Сербией. Четкая ориентация македонистов на Белград, в котором они видели единственного реального

⁹ В послании говорилось: “Удивительно, как Правительство, которое руководствуется интересами болгарского народа, продолжает хладнокровно взирать на систематическое истребление болгарского населения и исчезновение болгарского имени ... Находясь во главе народного движения здесь, мы призываем вас от имени болгарина-раба прийти ему на помощь наиболее эффективным способом – через войну” [23. С. 552–558].

защитника македонской национальной самостоятельности и противовес влиянию Болгарии в Македонии¹⁰, сохранялась до Балканских войн 1912–1913 гг., когда македонисты испытали глубокое разочарование в сербской политике.

В сербской же национальной пропаганде идеология македонизма возникла в тех условиях, когда в жестокой бескомпромиссной борьбе различных аргументов, обосновывавших взаимные претензии балканских государств на Македонию, сербское государственно-историческое право уже не выдерживало соперничества с болгарским этническим правом, а права силы у сербов еще не было, что доказала война 1885–1886 гг. Поэтому для Сербии крайне важным было наполнить свои претензии на Македонию этническим содержанием, доказать, что она имеет равные с Болгарией этнические права на Македонию. Македонизм был в определенной степени выражением “оборонительной” политики Белграда, направленной на предотвращение слияния болгарской Македонии с Болгарией, однако он не создавал предпосылок слияния Македонии с Сербией. Поэтому, когда он выполнил свою функцию, создав новую антиболгарски настроенную прослойку македонской интеллигенции, и начинал создавать угрозу сербским интересам, он был отброшен. Вместе с тем, когда в начале XX в. в ходе межбалканского переговорного процесса стал закладываться сценарий будущих Балканских войн 1912–1913 гг., когда после победы над общим иоцивизационным противником неминуемо должна была последовать межбалканская борьба за освобожденный “македонский пирог”, в которой болгарская национальная задача объединения своих этнических земель в одно государство столкнулась с сербскими, греческими, румынскими и турецкими геостратегическими интересами, Сербия перешла от “обороны” в “наступление”, все более делая ставку на право силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цамбазовски К.* Културно-општествените врски на Македонците со Србија во текот на XIX в. Скопје, 1960.
2. *Цамбазовски К.* Стојан Новаковиќ и Македонизам // Историјски часопис, 1963–1965. Књ. XIV–XV.
3. *Цамбазовски К.* Влияние сербских и болгарских школ в Македонии на формирование национального самосознания у македонских учащихся в течение XIX в. // Македония и македонцы в прошлом. Скопье, 1970.
4. *Христов Х.* Македонизмът като политическа концепция в края на XIX и началото на XX в. // Исторически преглед. 1979. № 3.
5. *Божилова Р.* Сърбия и българското националноосвободително движение в Македония в края на XIX в. (1893–1900) // Известия на Института по история. 1981. № 25.
6. *Историја на македонскиот народ.* Скопје, 1969. Кн. 2.
7. *Zografski D.* The principal lines and phases in the constituting of the Macedonian nation // Македония и македонцы в прошлом. Скопье, 1970.
8. *Ристовски Б.* Крсте П. Мисирков (1874–1926). Скопје, 1966.
9. *Ристовски Б.* Димитрий Чуповский и македонское национальное сознание. М., 1999.
10. *Ристић Ј.* Спољашњи одношаји Србије Новијега времена. Београд. 1901. Књ. 3.
11. *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.

¹⁰ Квинтэссэнция сербо-македонского сотрудничества представляют слова Мисиркова: “Македонцы [сербские воспитанники] стремились служить не орудиями реализации сербских интересов, но использовать сербскую политику как средство достижения чисто македонских целей” [19. С. 91–92].

12. Државни секретаријат за инострани послови. Дипломатски архив (Дубровник). Фонды: Политичко Просветно оделење (ППО), Посланство у Цариграду (ПЦ) // <http://knigite.abv.bg/srbi/index.html>
13. Вншната политика на Бугарија: документи и материали. Софија, 1995. Том 3. Част 1 (1887–1890).
14. Документи о борбе македонског народа за самостојателност и национално гсударство. Скопје, 1985. Т. I.
15. *Исаева О.Н.* Мјорцштегски опит “умиротворења” Македони // Македонија: проблеми историји и култури. М., 1999.
16. *Пандев К.* Националноосвободителното движење во Македонија и Одринско (1878–1903). Софија, 2000.
17. Писмо Драганова Ламанскому од 1888 г. // <http://www.soros.org.mk/archive/francuski/sa2502.htm>
18. Историја Југославији. М., 1963. Т. 1.
19. *Мисирков К.* За Македонците работи. Софија, 1903.
20. *И.К.* По повод Македонског вопроса // Вестник Европи. 1902. № 9.
21. *Цвиич И.* Македонски славјане. Етнографско истражување. СПб., 1906.
22. *Велев Н.* Из политико-обществената дејност на Крџстю Мисирков. Софија, 1969 // <http://knigi.topcities.com/misirkov.html>
23. Македонија. Сборник докуменгов и материалов. Софија, 1980.
24. Документи од Виенската архива за Македонија од 1979–1903. Скопје, 1955.
25. *Јворов П.К.* Гоце Делчев. Софија, 1904.
26. Балкански гласник. Београд, 7 VII 1902 г.

© 2005 г. В. И. ФРЕЙДЗОН

РУССКИЕ КОНСУЛЬСКИЕ ДОНЕСЕНИЯ ИЗ ДУБРОВНИКА О ПОЛОЖЕНИИ В ДАЛМАЦИИ В 60-х – НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Для русской дипломатии Дубровник был важным наблюдательным пунктом ввиду исключительного значения морского побережья для Австрийской империи, близости Черногории, а также Боснии и Герцеговины, где неоднократно вспыхивали восстания против османского гнета, наконец, ввиду резко активизировавшегося в 1860-е годы южнославянского движения в Габсбургской монархии. Поэтому донесения консулов из Дубровника содержат богатый и разнообразный материал [1]. Размеры статьи побуждают нас ограничиться лишь основными сведениями о внутреннем положении в Далмации и оставить в стороне не только такие вопросы, как австрийская политика в отношении соседних земель, сербская Омладина, политика Черногории, борьба в Боснии и Герцеговине и др., но и факты, относящиеся к активности хорватского национального движения, исходившей из Загреба.

Консулом в Дубровнике до начала 1869 г. был Константин Петкович, позднее – Александр Ионин. Оба они сочувствовали южнославянскому национальному движению.

В ряде сообщений консульства охарактеризована кризисная экономическая обстановка в Далмации. Ввиду засухи 1861 г. Черногория и Далмация оказались перед угрозой голода. Петкович писал: “Почва в Далмации мало чем отличается от черногорской, и обрабатывание ее стоит больших трудов и издержек, которые редко когда вознаграждаются соразмерными плодами. Прекрасные порты, которые должны были служить источниками благосостояния страны, не приносят никакой пользы народу, потому что остаются постоянно пустыми за неимением никаких продуктов к вывозу. Вино и деревянное масло составляли в прежние времена весьма важные статьи вывоза для жителей далматинского побережья, но вот уже несколько лет, как болезнь истребила почти все виноградные лозы, а урожай оливок год от года становится все хуже. Транзитная торговля лет 10 тому назад доставляла некоторые выгоды далматинцам, но и этот скудный источник торговой деятельности иссяк вместе с обеднением и опустошением соседних турецких провинций: восстание в Герцеговине разорило многих купцов здесь в Бокке-ди-Катарро, имевших торговые сношения с му-

Фрейдзон Владимир Израилевич д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

сульманами в Требинье, Никшиче и других герцеговинских городах. Бедность жителей как в городах, так и в селах невероятная, и многие из них для доставления себе пропитания принуждены удаляться на работы в Константинополь и в Россию или обращаться на месте к незаконным промыслам – воровству и разбою. Австрийцы имеют обыкновение разглашать, что Черногория – страна дикая и варварская и что там иностранцев грабят и режут, но всякий, кто хорошо знает Черногорию и Далмацию, засвидетельствует, что тысячу раз безопаснее для иностранца путешествовать в пределах первой, нежели последней, хотя черногорское правительство не имеет жандармов и пограничной стражи и не требует от иностранцев предъявления паспортов при въезде в Черногорию. Проезд от Дубровника до Сплита небезопасен” [1. 1861 г. Д. 723. Л. 253–254].

В связи с “кровавыми выборами” 1865 г. Петкович вновь обратил внимание на экономическое положение Далмации, прямо связав с ним рост народного недовольства. Состояние области “нельзя назвать не только цветущим, но даже сколько-нибудь сносным... В Далмации нет ни фабрик, ни заводов особенной важности, а об обширной торговле и торговом мореплавании, которые процветали во времена венецианского владычества, нечего и говорить: они потеряны навсегда безвозвратно. В торговом отношении Далмация сделалась данницей Триеста, откуда она получает как мануфактурные, так и колониальные произведения, а ее природные великолепные порты остаются пустыми, куда заходят только небольшие каботажные суда с дровами, вином, фруктами, строевым материалом и т.д. Число коммерческих далматинских судов уменьшается с каждым годом, и далматинцы-моряки покидают свою родину массами и отправляются в Египет, Турцию и Россию искать для себя занятия и пропитания. Бедность в Далмации чрезмерная. В городах, где прежде существовали довольство и роскошь, теперь укрывается одна нищета. Землевладельцы разорены и обременены долгами вследствие непомерных налогов, продолжительных неурожаев и болезни на виноград, господствующей в Далмации уже несколько лет. Не получая никаких доходов и не имея денежных средств, чтобы обработать свои земли и уплачивать налоги, которые с каждым годом возрастают, помещики стараются освободиться от своих имений, но не находя покупателей, они принуждены отказываться от них в пользу правительства за долги и недоимки. Крестьяне тоже не имеют причин быть довольными своим положением; они терпят также от неурожаев, налогов и от чиновников, которые притесняют и грабят их на всевозможные манеры... Далмация представляет особенную политическую важность для Австрии только тем, что она приморская страна и имеет обширные и многочисленные порты, а потому правительство посвящает свои заботы исключительно поискам средств к тому, как упрочить лучше и сохранить за собою эти выгоды, а все остальное, по-видимому, составляет для него второстепенное дело. Австрийское правительство истратило и тратит еще огромные суммы денег на укрепление далматинских портов и бухт, воздвигло множество фортов, крепостей, казарм и блокгаузов; но сравнительно оно не сделало почти ничего в продолжение своего 50-летнего владычества для развития и преуспеяния страны в моральном, промышленном и торговом отношениях. Далмация не может похвалиться достаточными и хорошими путями сообщения, а равно и безопасностью движения по оным; разбой и убийства, совершаемые внутри страны, не уступают ни в чем тому, что делается бандитами в Южной Италии или в Греции; она не может быть также благодарна Австрии и за открытие новых источников торговли и промышленности, не имея по насто-

ящее время ни заемных банков, ни других каких бы то ни было правительственных кредитных учреждений...

При таком положении дел народонаселение Далмации не может быть искренно привязано к Австрии; кроме чиновников, все классы народа недовольны своею участью и громко выражают свои ропоты и сетования. В обыкновенное мирное время таковое раздраженное состояние умов в народе не представляет, конечно, никаких опасностей для австрийского владычества, но в случае каких-нибудь важных политических потрясений, внутренних или внешних, неудовольствие народа легко может проявиться в неприязненных действиях, и тогда приморские укрепления, стоившие столько миллионов, едва ли окажутся достаточными для удержания Далмации в повиновении и спокойном состоянии” [1. 1865 г. Д. 721. Л. 192–194].

Особое внимание на “брожение, которое происходит в настоящее время в Далмации, стране до сих пор забитой и заброшенной, но начинающей теперь ясно вырабатывать свое народное сознание”, Петкович считал необходимым обратить потому, что, несмотря на небольшое население Далмации, “это явление не лишено важности в общеславянском вопросе, благодаря особому положению страны, заслонявшей прежде славян турецких от моря и склонявшейся было на сторону итальянцев, которые стремились и стремятся в случае переворота завладеть ею и тем лишить сербское славянство Приморья, а следовательно и способности развиваться до государственной жизни” [1. 1869 г. Д. 734. Л. 43].

Вопрос о воссоединении Далмации с Хорватией, сообщал Петкович в начале 1861 г., “занимает ныне исключительно умы жителей Далмации и приобрел югославянское и общеполитическое значение для Австрии. Он расшевелил сердца славянских патриотов и вызвал на поле деятельности всех мыслящих и пишущих людей, которые до того не смели никогда высказать своих убеждений и желаний, удаляясь от соприкосновения с правительством и лелея свои начала в кабинетной глуши”.

Далее Петкович писал, что австрийское правительство боится воссоединения, так как ввиду важности Далмации как базы флота хочет, чтобы население подчинялось непосредственно Вене; воссоединение противоречит политике “разделяй и властвуй”. Власти всегда весьма подозрительно относились к итальянцам, но покровительствуют им, – хотя это кажется нелогичным в Далмации, 9/10 населения которой – славянское, – только потому, что стремятся затормозить развитие славянского элемента [1. 1868 г. Д. 732. Л. 60–61].

В связи с ответом Франца-Иосифа банской конференции о необходимости выслушать мнение далматинцев о воссоединении с Хорватией Петкович продолжал: “Правительство, зная, что в далматинских приморских городах имеется значительное число итальянцев или лучше сказать поитальянившихся славян, которые ради своих личных интересов чуждаются славянского элемента и склонны больше к иностранцам, уверено было – помощью своих чиновников-немцев или людей упомянутого класса составить сильную партию против соединения”.

Автор указал и на весьма ограниченный состав политически активных сил сторонников и противников воссоединения в 1860–1861 гг.: “Жители Далмации (разумею городское население, итальянскую интеллигенцию, ибо народ не причастен еще к этой полемике, он не призван еще подать свой голос) распались на две довольно определившиеся сразу партии: Зарский и Сплетский округи, в которых больше итальянского и правительственного элемента, выразили себя против соединения, а Рагузский и Которский, в которых образованный класс

никогда не отчуждался совершенно от сельского славянского населения, – за соединение”. Хотя первая партия пока сильнее, отмечал Петкович в 1861 г., опора надежнее у второй – “не своекорыстные, а народные интересы”.

Сепаратистов поддержали чиновники, откупщики и вообще люди, “живущие на счет сельского славянского населения”, которые надеются таким путем отстоять свои интересы [1. 1861 г. Д. 723. Л. 8–10]. К этой партии “примкнули все чиновники, высшее духовенство, итальянцы и обитальнявшиеся славяне, а также многие из славян, находящиеся почему-либо в соприкосновении с правительством или итальянцами”. Противники славянского движения “принадлежат к классу торговцев, ремесленников, чиновников и землевладельцев” [1. 1868 г. Д. 732. Л. 60–61].

Чиновничество – опора противников воссоединения, потому что введение славянского языка в управление привело бы к удалению из правительственных учреждений немцев и итальянцев, живущих вольготно: “Ни в одной австрийской провинции народ не угнетен так чиновниками, как в Далмации... Что же касается поитальнявшихся славян-нечиновников, то они противятся соединению только потому, что с помощью нынешней бюрократии привыкли [жить] за счет бедного класса и опасаются последствий нового порядка вещей, который с освобождением славянского народного элемента выведет на сцену общественной деятельности новых людей с новыми началами и новыми стремлениями” [1. 1861 г. Д. 723. Л. 11].

Итак, первая партия – “бюрократия и все те, которых материальные эгоистические интересы завязят от ее (Далмации, изолированной от других южнославянских земель. – В.Ф.) существования”. Для сохранения привилегированного положения она препятствует “знакомству и сближению (Далмации. – В.Ф.) со славянскими племенами, живущими внутри и вне австрийско-венгерской империи” [1. 1868 г. Д. 733. Л. 17].

Вторая партия – “истинно народная”, “желающая конституционного соединения с Кроацией” [1. 1861 г. Д. 723. Л. 11]. В нее входят “передовые люди из славян, литераторы, адвокаты, независимые землевладельцы и большая часть сельского духовенства обоих вероисповеданий” [1. 1868 г. Д. 732. Л. 61]. В деятельности народняков “почетное место принадлежит католическому сельскому духовенству”, которое “выказало большое усердие и самоотверженность в защите (родного) языка и народности” [1. 1869 г. Д. 734. Л. 19]. Вскоре Ионин подтвердил, что “в Рагузе большинство католиков, даже священников, принадлежит к славянской партии, следовательно, находится в дружбе с православными”. По Ионину, в славянскую партию входят “все православные без исключения”. К этой партии примкнуло также “все молодое поколение Далмации, в особенности учащееся юношество” [1. 1869 г. Д. 734. Л. 19, 41].

Петкович и Ионин сообщали о позиции “славянской партии”: партия признает права итальянского языка, считает, что изучение его необходимо для далматинцев, “а пребывание итальянцев в далматинских приморских городах выгодно для умственного и материального преуспевания страны”, но требует признания Далмации славянской страной, жители которой имеют право на развитие и сближение с единоплеменниками, где бы они ни были. “Само собой разумеется, что эта партия не может иметь причин относиться недоверчиво и враждебно к России...” [1. 1869 г. Д. 734. Л. 19].

Сторонники воссоединения “надеются, что Кроация, усиленная этим соединением, со временем отделится совершенно от Австрии как самостоятельное сла-

вянское государство и округлит Далмацию присоединением к ней Боснии и Герцеговины и этим даст жизнь и благосостояние ее жителям, обладающим многочисленными и превосходным портами. Эти надежды проявляются исключительно в разговорах католиков, а карловацкий (sic!) епископ Стросмайер выразил их публично в письме к одному из здешних патриотов, которое было напечатано для распространения в народе” [1. 1861 г. Д. 722. Л. 13]. Вскоре Петкович отметил, что “славянские патриоты, склоняясь на соединение с Крoациею, надеются этим избавить страну от многочисленной толпы чиновников – немцев и итальянцев, присылаемых сюда из других провинций Австрии, и улучшить быт народа материально и духовно уменьшением налогов и распространением славянской грамоты”, и повторил, что сторонники воссоединения с Хорватией, “домогаясь народной славянской администрации, обращают свои взоры на Боснию и Герцеговину и ждут лучшего будущего для своей родины от окончательного решения восточного вопроса”.

О социальных принципах, народняков, как известно, весьма умеренных, Петкович пишет: “Патриоты, стремясь к ограждению собственных прав, не забывают также и меньшей братии – сельского населения, состоящего из одних только славян”. Но вновь он подчеркнул, что “народ сам еще не подавал своего голоса прямо, и доселе действовали преимущественно одни горожане – образованный и грамотный класс”. Власти стремятся изолировать этих людей от сельского населения, пугая крестьян господством в Хорватии аристократии, рекрутскими поборами и т. п. [1. 1861 г. Д. 722. Л. 32–33.]

Позднее Петкович констатировал, что несмотря на все препятствия “славянская партия” Далмации крепнет с каждым днем, “почерпая жизненные силы в массе народа, пробуждающегося к народному самосознанию”. Газеты и в особенности читальни, открытые почти во всех городах, “содействовали много к тому, что народ очнулся от своей апатии и начал сам размышлять о своей славянской народности и заботиться серьезно о своих духовных и материальных интересах” [1. 1869 г. Д. 734. Л. 19].

Уже ранее в связи со столкновениями между крестьянами и солдатами в 1865 г. Петкович указал на пробуждение политической активности крестьянства и втягивание его в национальное движение. Петкович отмечал “некоторое улучшение в духовном отношении” в Далмации, которое было результатом не забот властей, а “современного общего стремления к образованию и развитию на началах народности... Морлаки (так итальянцы зовут крестьян) начали открывать глаза в последние годы и рассуждать также о славянской народности и славянском языке, равно как о своих правах и интересах”. В одной деревне на дороге из Кастельнови в Дубровник Петкович слышал следующий разговор: “Цесарь добр, но во всем виноваты чиновники... Не пора ли нам показать себя перед ними, что мы не стадо овец и что умеем ценить в себе человеческое достоинство, любить свой язык и народность и жертвовать собою для охранения наших прав и интересов”. Чиновники, говорили жители, должны свято уважать законы, данные цесарем, и наши права, данные цесарем [1. 1865 г. Д. 727. Л. 193].

В сентябрьском донесении 1865 г. сообщалось о “весьма серьезных беспорядках” и “даже кровопролитных стычках”, которые сопровождали выборы в органы самоуправления в 1865 г. Петкович указывал, что деятельность послушного властям сабора, избранного в 1864 г. путем подавления национальной и либеральной оппозиции, показала населению, что обещания властей о снижении налогов и организации общественных работ (строительстве дорог и мостов) бы-

ли обманом. Выборы городских управ 1865 г. были назначены в обстановке “разочарования и отчаяния”. Когда власти вновь прибегли к прежним методам, население стало громко требовать отказа чиновничества от вмешательства в выборы, удаления некоторых чиновников. Начальники округов и преторы, привыкшие иметь дело с послушной массой, решили силой подавить проявления протеста. Это и вызвало кровопролитие. В Книне, Дрнише и других местах “беспорядки не ограничились криками и протестами, а сопровождались схватками крестьян с солдатами и жандармами, в которых было убито и поранено несколько человек с обеих сторон” [1. 1865 г. Д. 727. Л. 191].

В 1868 г. Петкович сообщал об удвоении податей и налогов, что – вместе с политикой властей, покровительствовавших автономистам – накалило обстановку в сельской местности, где обострилась борьба колонов против землевладельцев. Народ “в высшей степени огорчен и раздражен против правительства”, и политическая борьба проявляется в стычках и “в поджогах и истреблении оливковых деревьев и виноградных лоз ...– (это) сделалось делом обычным, чуть ли не законным” [1. 1868 г. Д. 732. Л. 64].

В ситуации, создавшейся в связи со сближением регентов княжества Сербии с Габсбургской монархией, сообщал Ионин, в 1869 и 1870 гг., далматинские народняки, как и партия Штросмайера в Хорватии, попали в трудное положение: «Мне все здешние деятели сильно жаловались на крайнюю неудовлетворительность политического сознания между хорвато-сербам... “Будь у нас опора с этой стороны (то есть княжества. – В.Ф.), будь у сербов ясная политика, согласие с Черногорией, влияние в Боснии, что заставило бы думать, что все это опирается на Россию – у нас была бы иная политика и иные цели... Но теперь все нам доказывают, что наша политическая жизнь заключена в австрийских границах ... И как ни хитри, а все-таки приходится опираться то на немцев в Вене, то на мадьяр в Пеште. Самостоятельных стремлений у нас не может быть без Сербии”» [1. 1870 г. Д. 795. Л. 147].

«Белград мог быть залогом будущего для здешних славян и оправдать, сделать обязательною пользу влияния России, – подчеркивал Ионин. – Но без какого-нибудь независимого центра между славянами их упование на Россию действительно представляет нечто туманное. Всякий задает себе вопрос: “Да что же Россия сделает, к кому мы примкнем? Не в подданные же она нас к себе возьмет?”». Эта ситуация способствовала кратковременным панславистским увлечениям отдельных лиц: “Положение патриотов славян так безвыходно за неимением цели и центра, что эта мысль, идти в подданные России, даже не на шутку выяснилась в головах самых горячих” [1. 1869 г. Д. 784. Л. 233].

В этом донесении очень четко выражена сущность политики русской дипломатии относительно южнославянских земель. Она стремилась укрепить свое влияние посредством поддержки радикальной внешней политики Сербии, направленной на создание южнославянского государства.

В 1869 г. Ионин сообщал о наличии в Далмации австро-федералистского течения.

“Все славянствующие здесь, по крайней мере, по виду, прониклись идеею сближения во имя народности, и пока смотрят на Россию, как на палладиум своего будущего, хотя иногда и бранят ее за недостаток откровенности, а особенно щедрости”. Однако существует также “класс здешних славянофилов, которые не прочь были бы от славяно-маджаро-немецкой федерации с Габсбургом во главе и для которых русское влияние на славян в этом случае считается помехой”. К этой группировке Ионин относил Орсата Пуцича [1. 1869 г. Д. 784. Л. 232].

В 1870 г. Ионин указал на возросшее значение Далмации в обще-австрийском масштабе в связи с пробуждением национального самосознания и политической активности местного населения, связал уступки, сделанные властями далматинцам, с Которским восстанием и привел интересные сведения о перемене настроений в кругу национальной буржуазной интеллигенции в связи с результатами выборов в сабор 1870 г. До сих пор, писал он, Далмация “почти не играла никакой роли в политических спорах в Австрии, представляя для нее в основном лишь стратегический интерес... Но такова судьба Австрии; вчера еще незначительная народность может вдруг получить значение, вчера еще уничтожаемый, разбитый и презираемый народ вдруг каким-то чудом сознает самое себя, силится иметь свой голос или становится весьма заметным органом хотя бы и чужих целей и интриг”. В таком положении “находится в настоящую минуту Далмация...”

Которское восстание обратило общее внимание на Далмацию, а здесь оно пробудило народное самосознание, которым поспешили воспользоваться в Вене, не давая ему обратиться прямо и неуклонно против Австрийской монархии”. Власти, по мнению Ионина, совершили поворот, о котором еще несколько лет назад нельзя было и думать: помогли славянской партии одержать победу на выборах. Вероятно, в Вене “желают вместо врага сделать из этой провинции орудие, которым в данную минуту можно владеть с пользою”. “Сама по себе славянская партия, несмотря на свою многочисленность, до победы пока бы не добралась, ибо правительство, покровительствовавшее до сих пор итальянцам, имело в своих руках города, чиновников и большую часть населения в тех местностях, где сохранились еще остатки феодальных прав, как, например, в Рагузе. Но правительство не только оставалось нейтральным на этот раз, но против своих традиций, явно помогало славянской партии. Славяне нигде не могли на него пожаловаться, и во многих местах только зарские власти обусловили их победу. Так в Книне были смещены два чиновника, которые по старой памяти противодействовали славянам. В Рагузе два католических священника, подстрекавших народ против поземельных владетелей (принадлежавших к славянской партии), были посажены в тюрьму. Во многих, почти во всех других местах оказывалось то же покровительство. Между тем партии итальянской (автономам) не оказывали ни малейшего содействия.

Почему Австрия все это сделала, хотя ранее стремилась уничтожить славян как политическую силу? Причина не ясна, но проясняется при изучении *восстания...*” Далее Ионин изложил одну из версий причин восстания, о которых нам приходилось писать (см.: [2]). Решение Франца-Иосифа о необходимости мира с бокезцами было вынужденным: “И в самом деле, преследовать далее восставших и тем раздражать более и более страсти славян в то время, когда на хорватской Военной Границе чуть не приготавливалось восстание, было бы делом рискованным и значило бы окончательно вооружать против себя южных и турецких славян, которых имелось в виду как-нибудь включить в Австрию”. Очевидно, продолжал Ионин, выговорив у императора мир, генерал Родич – в качестве условия своего назначения губернатором Далмации – добился и перемены политики, чтобы ликвидировать раздражение во всей Далмации. Без этого мир был бы опасен, так как усилил бы влияние черногорского князя, – ведь в Боке население питает исключительные симпатии к Черногории... Во всей Далмации “симпатия к горцам (повстанцам. – В.Ф.) до сих пор все более и более возрастала; ибо угнетенная народность Далмации старалась искать спасения где бы то ни было,

даже в Черногории”. Теперь же внимание славян Далмации было отвращено от “горсти народа”, готовой взяться за оружие, и для них было открыто “поле конституционной парламентской суеты. [...] Деятельность эта... должна льстить славянскому народу надеждой на прогресс в лоне Австрии, окончательная потеря которой поднимала бы роль Сербии и Черногории”. “Генерал Родич считается одним из самых верных генералов своему императору, но он как истинный хорват¹ ненавидит настоящий порядок вещей в Австрии и ненавидит мадьяров...² И потому не удивительно, что план его клонится не к тому, чтобы отвратить австрийских сербо-славян от общения с интересами других сербов двух независимых княжеств, которые по самой природе вещей должны были бы составить зерно будущего развития сербо-хорватской самостоятельности, но и к тому еще, чтобы оторвать Хорватию от Венгрии”. Вероятно, размышлял Ионин, ввиду несостоятельности дуализма в Вене склоняются к триализму; там “не прочь забрать в руки какую-нибудь другую силу, которую можно мадьярам противопоставить и, таким образом, иметь средства их застрашать в случае нужды”. Вероятно, хотят “удовлетворить хорватско-далматов, сделать из них третье целое и тем оторвать от солидарности с остальными славянами Австрии”. “Из разговоров моих со здешними корифеями славянской партии я мог заключить, как вдруг переменялись их взгляды на свои цели после успеха на выборах. Прежнего озлобленного отношения к Вене уже не заметно. Прежде соболезновали о том, что Сербия ничего не делает, обращая свои взоры на этот свободный центр, и с большим сочувствием относились к Черногории. Теперь вдруг начали говорить, что могут добиться своего и в Австрии, и с нетерпением ждут приезда Родича в Далмацию”.

В связи с этими новыми явлениями интересны впечатления Ионина от бесед с некоторыми деятелями хорватского национального движения. «Более честные и откровенные, – пишет Ионин, – как Константин Войнович, католические священники Паулинович (sic!) и Данило, которые могут считаться радикалами своей партии, которые ясно сознавали цель будущего независимого от Австрии сербо-хорватского королевства и которым поэтому трудно переделать свой взгляд и надеяться на то, что они привыкли радикально ненавидеть, говорили мне с грустью, о новом их положении. “До сих пор, – говорил мне Войнович, – мы знали, что делать и делали, что нам хотелось. Нашей целью было противиться всеми силами австрийскому правительству и раздражать народ против него, и эта цель достигалась. Теперь же мы из оппозиции, от которой и не могло ничего больше требоваться, даже и законным образом, делаемся большинством. На нас ложится обязанность делать что-нибудь более положительное – вести за собой куда-нибудь это правительство, объявить ему наши цели. Но какие это цели? Их собственно нет, ибо исключительная ненависть к правительству не может быть целью большинства – тогда бы нам оставалось только поднять восстание.... Радикально мыслящих между нами двое или трое, остальные, хотя может быть и искренние славяне, но не верят ни Сербии, ни Черногории, ни в возможность опереться посредством этих последних на Россию. Эти люди обрадовались, что могут жить славянами в Австрии”» [1. 1870 г. Д. 735. Л. 116–122].

¹ В донесениях Г. Родич неоднократно называется “православным хорватом”, “хорватом, хотя и православным” и т.п.

² Речь идет о представителях военно-монархической группировки, не сочувствовавшей дуализму и парламентаризму.

В 1872 г. Ионин стремился осмыслить значение голосования пяти далматинских депутатов в рейхсрате в поддержку австрийского правительства (против федералистов) и пришел к знаменательному заключению. “Это, так сказать, дезертирство славян Далмации”, считал он, фактически означает признание “неудовлетворительности федеративной фикции” в Австрии. По его мнению, дело не в подкупе депутатов, как утверждала журналистика. “Все эти славяне, радикальные на словах, в сущности боятся резкой перемены в своей политической жизни, ибо бездна старых привычек и предрассудков составляют еще кодекс их повседневной жизни, их умственного и социального обихода... Всего заметнее это в Далмации. Здешняя интеллигенция, желая иметь большинство на выборах, должна была опереться на массы народа славянского, часто и не зная говорить по-сербски. Выборы были в пользу ее, но если бы выборные захотели верно выразить воззрения их пославших, то они должны были бы стать просто против идей австрийской монархии. Все эти славяне, горцы от Книна до Катарро, – коренные славяне, ни правами, ни интересами не тяготеют к общеавстрийскому телу. Это для Австрии совсем чужой народ. Интересы и чувства влекут их к Боснии, Сербии, Черногории, он составляет окраину этих стран, а не Австрию”. Но поняв это, продолжает Ионин, депутатам нечего было ехать в Вену: “Им, если бы они хотели быть верными логически, следовало бы поднять революцию во главе этого народа (! – В.Ф.). Но депутаты сделать этого не могли, ибо представляя эти мысли горцев, они сами в сущности чужды им столько же, сколько китайцам...” Ионин подчеркивал, что жизнь и интересы массы народа и “среда этих депутатов, их нравственная и политическая жизнь” чужды друг другу.

Массы народа “хотели бы жить заодно с другими народными массами, ибо обособленное, оторванное неестественными границами их существование действительно невыносимо”, а лидеры движения проповедают объединение в рамках Австрии; “народ действительно хочет быть славянским, а пока дело не дойдет до практики, он не разберет, что не рагузский и не сплитский славянофил способен представить его интересы, а скорее какой-нибудь Лука Вукалович, князь черногорский или сербский”. В заключение Ионин выразил предположение, что некоторые, немногие, участники движения в результате последних событий повернут к радикализму, подвергнут сомнению идею “австрийской агломерации или дунайской федерации”; горные округа, “где славянская идея более радикальна и менее связана с идеей федеративной Австрии”, уже проявляют недовольство “резонерством славянофильствующей интеллигенции” [1. 1872 г. Д. 739. Л. 62–68].

Несколько неожиданно и удивительно в устах представителя “российского императорского министерства” звучат слова, в которых Ионин в сущности отразил факт различия тенденций южнославянской буржуазии и ее либеральной, в значительной мере австрославистской, интеллигенции, – с одной стороны, и крестьянской массы, объективные интересы которой находились в непримиримом противоречии с сущностью габсбургской власти – с другой.

Впрочем, это связано с отрицательным отношением А. Ионина к планам федерализации Габсбургской монархии, что в это время соответствовало позиции царского правительства и части славянофилов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Главный архив. VA₂.
2. Устанак у Боки 1869/1870. Котор-Будва, 1970.

© 2005 г. Т. М. ИСЛАМОВ

ГРАФ ИШТВАН ТИСА – “СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК” ВЕНГРИИ

31 октября 1918 г. в Будапеште победила революция. И первой ее жертвой стал граф Иштван Тиса, еще в 1917 г. отправленный в отставку могущественный глава Венгрии, – он был убит в тот же день. Его будапештская вилла была окружена вооруженными солдатами, которые затем ворвались в холл. И. Тиса вышел им навстречу с револьвером в руке. В перестрелке он был убит. За две недели до этого Тиса пережил очередное покушение, и близкие уговаривали его переехать в другое место. Он был категоричен: “Я никогда не унижался, не склонял голову. Как жил, так и умру!” [1]. Так он и ушел из жизни, наполненной непрерывной борьбой.

Граф Тиса происходил из старинного дворянского рода, впервые упоминаемого в грамоте 1211 г. Среди его предков были участники освободительных войн и восстаний, некоторые из них занимали высокие, в том числе и выборные, должности в комитате Бихар на юго-востоке страны. Семейное владение Тисы было всего 1.5 тыс. га, но, будучи членом правлений крупных банков и акционерных обществ, он считался своим человеком в обществе банкиров и предпринимателей. По сути в лице Тисы патриархальная Венгрия вполне мирно уживалась с капиталистическим бизнесом и его элитой.

Многое в поведении и характере Тисы объясняется происхождением, семейными традициями и формировавшей его средой. Его “малая” родина, комитат Бихар, вплотную примыкал к землям, населенным преимущественно румынами. Восточная и северо-восточная Венгрия – оплот протестантизма, край с сильными национально-освободительными традициями. Там начинались и заканчивались все войны и восстания за независимость страны. Семья исповедовала кальвинизм – наиболее “буржуазную” разновидность протестантской религии, которая, если следовать Веберу, стимулировала предпринимательскую деятельность и суверенность личности.

В традициях среднепоместного дворянства края было посылать своих сыновей в протестантские университеты Северной Германии, Голландии, Англии. Не избежал этой участи и Иштван, окончивший с отличием гимназию в Дебрецене – признанном центре венгерского протестантизма. Затем юноша отправился в Гейдельберг и Берлин, а завершил свое образование в Будапеште. Тиса усердно изучал государственные науки – право, политэкономия, юриспруденцию, на эти темы писал статьи и рефераты, которые привлекли внимание про-

Исламов Тофик Муслимович д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

фессоров, получил диплом и звание доктора государственных наук. В 1910 г. он был избран членом Венгерской Академии Наук.

Круг литературных и научных интересов Тисы был необычайно широк. Он охватывал проблемы экономики, политики, религии, национальной истории. Полное многотомное издание трудов Тисы было осуществлено в 1920-е годы уже после его смерти. Заслуживает внимания факт, что правительство Первой Австрийской республики (точнее “Немецкой Австрии”, как она называлась первоначально) уже в 1919 г. позаботилось о выпуске в свет сборника документов под названием “Тиса и мировая война”.

Занятие политикой в семье Тисы было традицией. Отец его, Калман Тиса, был видным государственным деятелем эпохи революции 1848–1849 гг. После поражения революции он вынужден был эмигрировать и около двух лет скитался “по заграницам”. С 1861 г. К. Тиса – депутат Государственного собрания, где возглавлял партию противников дуалистического Австро-Венгерского соглашения 1867 г. Впоследствии он окончательно примирился с короной и перешел на позиции дуализма. К. Тиса – основатель и лидер Либеральной (“свободомыслящих”) партии – в течение 15 лет (с 1875 по 1890 гг.) занимал пост премьер-министра Венгрии.

Одаренный от природы Иштван, однако, не унаследовал отцовской гибкости и способности приспосабливаться к изменявшейся политической конъюнктуре. Он был тверд и неуступчив в дискуссиях с оппонентами. В течение всей своей карьеры государственного деятеля Тиса проявил себя человеком радикальных действий, ради достижения своих политических целей не останавливавшимся перед применением даже насильственных мер.

Став членом парламента Венгрии, И. Тиса сразу же занял место в правом крыле палаты представителей и дослужился до поста ее вице-спикера. Бескомпромиссной борьбой на этом посту против антидуалистической национальной оппозиции Тиса заслужил доверие венгерского короля Франца Иосифа и в 1903 г. стал главой кабинета министров.

В декабре 1904 г. оппозиция сорвала заседание палаты. Тиса рекомендовал королю распустить парламент и назначить новые выборы. Состоявшиеся в январе 1905 г. выборы закончились сокрушительным поражением Либеральной партии Тисы. Победила коалиция оппозиционных партий. Тиса подал в отставку.

Признав поражение, Тиса распустил свою партию и на некоторое время отошел от активной политической жизни. В 1910 г. он снова вернулся в большую политику, организовав теперь партию консервативного толка – “Национальную партию труда”, которая в июне 1910 г. с большим преимуществом выиграла всеобщие выборы. Не занимая никаких официальных постов, Тиса оказывал решающее влияние на правительство. В 1911 г. он основал рупор своих идей и взглядов – журнал “Madyar Fidyelô”, а в 1913 г. начал издавать газету “Igazmondó” с целью просвещения в основном имущего крестьянства, к которому несомненно питал слабость, считая его второй после дворянства опорой нации и государства.

В мае 1912 г., будучи председателем палаты депутатов парламента, Тиса подавил оппозицию и добился утверждения закона о чрезвычайных мерах на случай войны. 23 мая 1912 г., в “красный четверг”, он устроил кровавое побоище пролетариату столицы, который проводил демонстрацию под антимилитаристскими лозунгами Штутгартского конгресса II Интернационала, требовал введения всеобщего избирательного права. Этими действиями Тиса заслужил ненависть социал-демократов, демократов вообще и либералов всей Венгрии.

В непоколебимой убежденности Тисы в собственной правоте было, несомненно, что-то от нравственных устоев глубоко верующего кальвиниста. Историки приписывают ему вторую важную черту характера – непоколебимую, присущую кальвинистам веру в особое предназначение, в свою историческую миссию [2. 69–70 old.].

Наступил 1912 год. Начались балканские войны – за первой последовала вторая, похоронившая под обломками “пороховой бочки” антиосманскую солидарность молодых хищников. Честолюбивые правители малых стран полуострова принялись дружно и сплоченно клеветать Болгарию, которой, по их мнению, достался слишком большой кусок от османской добычи. Война вплотную приблизилась к границам монархии Габсбургов. В Вене и Будапеште были весьма обеспокоены усилением Сербии, регионального гегемона, способного бросить вызов Монархии и серьезно угрожать ее жизненно важным интересам. В Сербии видели опасный фактор внутренней дестабилизации в населенных югославянами районах Венгрии и Австрии. С начала столетия Сербское королевство перестало держать в тайне свои притязания на значительные территории соседней империи. Не могло не вызвать сильнейшего беспокойства и страха в обеих столицах Австро-Венгрии очевидное покровительство могущественной России этому небольшому, но весьма воинственно настроенному балканскому государству. Чашу терпения империи переполнил стремительный бросок сербских армий к Адриатике через территорию только создававшегося, а потому беззащитного албанского государства. Последовали угрожающие ноты Вены, и в воздухе запахло стремительно назревающим общеевропейским конфликтом. Такая напряженность крайне негативно отразилась на взаимоотношениях Австро-Венгрии с Россией, выполнявшей свою добровольную миссию покровительства славянству и православию. Россия сделала свой выбор в пользу Сербии в ее конфликте с Болгарией. Следующий выбор России в августе 1914 г. оказался роковым для нее самой.

В обстановке нараставших угроз Тиса первостепенное значение придавал всесторонней подготовке империи к большой войне, что делало безотлагательной внутреннюю консолидацию. К энергичным действиям его побуждало нежелание допустить, чтобы “австрийская анархия” воцарилась и в Венгрии. Тиса считал обязательным сохранить действие венгерской конституции, ибо в противном случае страна управлялась бы из Вены с помощью королевских декретов. Государственному собранию королевства грозила печальная участь сделаться некоей копией сейма Речи Посполитой времен Станислава Лещинского. Эту часть своей политической программы Тисе удалось осуществить. Конституция и парламент в Венгрии, в противоположность Австрии, неукоснительно функционировали в течение всей Первой мировой войны. Но достигнуто все это было ценой грубейших нарушений законов и норм либерализма.

В том же тревожном 1912 г., когда война вплотную приблизилась к границам монархии Габсбургов, Тиса благодаря огромным усилиям и личному мужеству сумел буквально протащить в парламентский устав поправки, которые позволяли применять силу к бесчинствующему депутату. Спустя два дня после парламентского “триумфа” на Тису было совершено очередное покушение. Нападавший, а это был депутат от оппозиции, успел сделать несколько выстрелов из пистолета, одна из пуль прошла ту самую трибуну, с которой говорил Тиса. Граф, не дрогнув, продолжил свою речь.

В предчувствии надвигавшихся осложнений как внутри, так и вне страны, а также Монархии в целом, в июне 1913 г. Тиса счел нужным вновь взять бразды

правления непосредственно в свои руки, одновременно заняв пост министра без портфеля “по делам Хорватии-Славонии-Далмации”. На бумаге Триединое королевство все еще продолжало существовать. С августа 1914 г. по январь 1917 г. Тиса был также и министром при короле.

Апофеоз карьеры графа Тисы – период Первой мировой войны. Тиса ясно сознавал, что эта война ничего хорошего не сулит ни Монархии, ни Венгрии. Успех и неудача в равной мере страшили его. От победы Тиса ожидал усиления централизаторских устремлений венской бюрократии, радикального нарушения дуалистического равновесия и, как следствие, кардинального ослабления позиций своей страны в империи. В случае поражения Тиса опасался по меньшей мере угрозы ее целостности. Кроме того, он, как и вся венгерская политическая элита, исходя из национальных интересов и тех же соображений равновесия, решительно противился любым новым территориальным приобретениям как для самой Венгрии, так и для Австрии.

В июле 1914 г. вся Европа с напряженным вниманием ожидала развития событий. Ибо вне зависимости от степени причастности официального Белграда к террористическому акту, было очевидно, что ответный шаг Австро-Венгрии последует неминуемо. Существовало понимание и того, что нападение на Сербию грозит перерастанием локального конфликта в европейский. Отлично осознавали это и австро-венгерские руководители, хотя вплоть до последнего момента в Вене надеялись, что Россия воздержится от вступления в войну ради Сербии.

Судьбоносные заседания Коронных советов, проводившиеся в Вене в июле 1914 г., формально и конкретно решали вопрос об ультиматуме Сербии, о его содержании, форме и сроках. На самом деле речь шла о войне и мире. Причем о большой войне. Иначе не было бы смысла в бесконечных авральных консультациях австро-венгерского руководства с Берлином. На короткий исторический миг решение этого рокового вопроса оказалось в руках одного человека. Таким человеком был глава правительства Венгрии, ибо возражал против войны только он. Граф Тиса был единственным, кто категорически противился захвату территории Сербии в случае ее оккупации. Этот факт протокольно зафиксирован в документах. Пожалуй, за исключением США, Венгрия была единственной участницей мировой войны, которая не ставила своей целью территориальное расширение. Ей не был нужен “ни берег турецкий”, ни горы черногорские. Конечно, также, как и многие политики внутри Австро-Венгрии и за ее пределами, Тиса глубоко возмущался террористическим актом, совершенным 28 июня в боснийской столице Сараево. Несмотря на всем известную личную, впрочем, взаимную, неприязнь к эрцгерцогу Францу Фердинанду, жертве покушения, Тиса был необычайно встревожен и просто напуган, когда прибыв в Вену 1 июля, столкнулся там с атмосферой паники, психоза, воинственности, охвативших военное и политическое руководство империи. Венгерский премьер-министр попытался переломить господствовавшие в имперской столице настроения [3. S. 561]. Он счел своим долгом специальным письмом предупредить императора-короля о ненормальной, сверхчувствительной реакции на сараевские события и обозначил свое отношение к вопросам войны и мира. Тиса был прямолинеен: он – против войны.

С первых дней Июльского кризиса венгерский премьер-министр испытывал сильнейшее давление со стороны собственного парламента, потребовавшего энергичных действий против Сербии. Но Тиса не поддавался, а продолжал твердо стоять на своем. Более того, он всячески пытался успокоить оппозицию и венгерскую общественность, возмущенную попустительством со стороны властей международному терроризму соседнего государства [4]. Под невероятным

давлением властителей Монархии и ее главного союзника, Германии, на решающем заседании Коронного совета Тиса вынужден был снять свои принципиальные возражения и практически дать добро на войну. Радикальная перемена позиции главы венгерского правительства произошла в течение менее двух недель после бесед Тисы с кайзером Францом Иосифом и послом Германии в Вене Фом Чиршки. Последний в течение всего Июльского кризиса повторял: “Теперь или никогда!” и заверял Тису, что безопасность Венгрии будет гарантирована. Появилась уверенность в том, что на сторону Центральных держав удастся привлечь Болгарию, а Румынию удержать от шахаханий в сторону Антанты. Свою роль сыграла также единодушная реакция венгерской общественности на переориентацию Тисы в пользу решительных действий против Сербии (см.: [5]). Вопреки предложениям венских ястребов, Тисе все же удалось получить твердое заверение Коронного совета, что сербские территории не будут присоединены к Австро-Венгрии. Согласие же Тисы на ультиматум Белграду со стороны стало возможным лишь в ответ на гарантии, что Румыния, формальная союзница Монархии, не нанесет удара ей в спину.

Поведение Тисы во время Сараевского кризиса июля 1914 г., точнее кардинальное изменение его позиции, когда он отказался от роли противника провокационного и невыполнимого ультиматума и дал добро на него, тем самым – на войну, по сей день остается не до конца разгаданной загадкой. Тиса полностью сознавал, как много зависит от него в решении судьбоносного вопроса о войне и мире и какие опасности грозят его стране. Он хорошо знал о воинственных настроениях властных верхов и широкой общественности и не хотел, чтобы войну спровоцировала Монархия.

Представляет интерес мнение в этом вопросе венгерского знатока жизни и деятельности графа Тисы академика Ф. Пелешкеи, отводящему главную роль в изменении позиции Тисы германскому фактору, а не принципиальным вопросам, касающимся судеб Венгрии и Австро-Венгрии в целом. Тиса, как считает автор, с молодости считал Германию краеугольным камнем великодержавной позиции Австро-Венгрии, а “сохранение союза с ней – залогом окончательной победы”. Итоговый вывод Пелешкеи таков: “...он покорился воле монарха не потому, что был вынужден, а потому, что переборол в себе прежние свои сомнения... Верх одержали кипевшие в его душе сильные страсти” [1. 248. old.]. Какие именно страсти разбушевались в душе Тисы, автор уже не объясняет. И сомнений наших он до конца не устраняет. Как представляется, в “окончательную победу” германского оружия Тиса не очень верил, германская мощь, по его мнению, могла в лучшем случае привести противника за стол переговоров, но не поставить на колени всю Антанту.

Переход Тисы на позиции военной партии мотивируется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами: категорическим заверением Германии воспрепятствовать вступлению Румынии в войну на стороне противника и настоятельной просьбой императора короля Франца Иосифа не противиться “общему мнению”. Есть основания для серьезных сомнений в том, что Тиса, как утверждает Ф. Пелешкеи, “верил в военное и духовное превосходство Германии, переоценивал его. И это было самым слабым пунктом его концепции”. Дебаты на Коронном совете в начале 1917 г., наоборот, ясно показывают, что в это время Тиса был уже весьма скептичен в отношении возможности германской победы даже при помощи применения грозного оружия – подводной войны. Он, как и другие, кто мало-мальски знал эту страну, перед Первой мировой войной подпадал под завораживающее влияние ее военной, экономической, индустриально-технической и интеллектуальной мощи. Но как искушенный государственный деятель с широ-

ким кругозором и острым умом, он не мог не видеть оборотную сторону этой самой “окончательной победы” для империи и своей родины. Потому неучастие в войне за торжество империалистических целей союзника было лучшим выходом для империи Габсбургов, не говоря уже о Венгрии. К тому же Тиса твердо знал: без Австро-Венгрии, вопреки ее воле, на войну не мог решиться и сам Вильгельм со всей его чванливостью и агрессивным Генеральным штабом. Тиса хорошо представлял себе и пределы своих возможностей в качестве руководителя одной из двух половин Империи.

Воздействовать на сторонников агрессивных действий венгерский премьер мог только с помощью понятных им аргументов. Это хорошо видно из его письма кайзеру Францу Иосифу, написанного сразу же после убийства Франца Фердинанда: “Момент (для войны – *Т.И.*) считаю чрезвычайно неблагоприятным, так как Румынию надо уже считать потерянной для нас, а заменить ее нечем. Единственное государство, на которое мы можем рассчитывать – Болгария. Но она истощена”. И далее следовал наиболее убедительный для военной партии довод: “Ситуация на Балканах в настоящее время такова, что найти *casus belli* не составляет ни малейшей трудности. Если же в будущем придет время нанести удар, причину для войны мы можем создать из самых разных поводов”.

В споре с венскими “ястребами” Тиса выдвигал на первый план сиюминутные тактические соображения, умалчивая о том, что в глубине души боится войны, сулящей его родине большие неприятности. Другое дело, что к разрыву с Германией “сильный человек” Венгрии не был готов ни морально, ни политически. Оставаясь на позиции тотальной консервации дуалистической формы правления и союза с Германией в условиях надвигающейся военной катастрофы, Тиса сам ускорял гибель той самой двухцентральной Монархии, во имя сохранения которой честно и самоотверженно трудился на протяжении всей своей деятельной жизни. Это здание нуждалось в срочном и капитальном ремонте, чего Тиса не видел или в чем не хотел признаться даже самому себе. В известном смысле прав был начальник канцелярии императора Карла граф Польцер-Ходиц, когда в своих дневниках назвал Тису “могильщиком Монархии”. Величайшей ошибкой граф считал согласие Карла короноваться королем Венгрии, ибо, не связанный клятвой, он мог бы приступить к реформе структуры империи и ввести своим указом всеобщее избирательное право в Венгрии, “решить югославянский вопрос в интересах общей Монархии (*Gesamtmonarchie*) вопреки упрямству властителей Венгрии”. “Именно присяга конституции Венгрии лишила кайзера власти” – писал Польцер-Ходиц [6]. “Могильщик империи” действовал, как всегда, быстро и энергично. В 11 утра на следующий день после смерти Франца Иосифа Тиса появился во дворце Шенбрунн, получил согласие молодого монарха на немедленную коронацию и, по выражению австрийского графа, “тем самым набросил лассо на шею короля”, писал советник кайзера Карла. Несмотря на суровые условия войны, церемония со всей пышностью, на которые были способны гостеприимные мадьяры, свершилась в Буде 30 декабря 1916 г. с личным участием самого Тисы.

В 1917 г., когда молодой кайзер-король Карл I (и Карл IV по-венгерски) приступил к реализации своего мирного плана, упрямый венгерский премьер очень мешал ему и в осуществлении проекта федерализации империи с выделением югославянского третьего компонента путем объединения Боснии–Герцеговины с Хорватией–Славонией. Тиса должен был уйти. Произошло это в июне 1917 г.

После отставки Тиса немедленно отправился на фронт, где он находился целый год, с сентября 1917 г. по сентябрь 1918 г., командуя полком венгерских гусар. Надо сказать, что он с детства мечтал о военной карьере. После универси-

тета он добровольцем пошел в армию и дослужился до первого офицерского чина, гражданскую же стезю выбрал лишь по настоянию отца. Политикой Тиса занимался в этот период наездами в обе столицы, благо до итальянского фронта, где он воевал, было совсем недалеко.

17 октября 1917 г., за целый год до поражения Тиса сделал сенсационное утверждение, которое произвело огромное впечатление на общественность обеих частей империи. “Эту войну, господа, мы проиграли!” – заявил он с трибуны парламента. Признание горькой истины, о которой очень многие тогда лишь догадывались, исходило от человека, при каждом случае призывавшего своих сограждан держаться до победного конца.

Тем не менее, Тиса продолжал упрямо гнуть свою линию. 18 октября 1917 г., едва оправившись от очередного, совершенного на него накануне покушения, Тиса направляет письмо министру иностранных дел с резким протестом против планов кайзера Карла реорганизовать империю “на федералистской основе с выдвиганием на первый план славянского элемента”, озвученных в печати его ближайшим другом и соратником (графом А. Польдер-Ходитцем). Ссылаясь на “единодушное общественное мнение Венгрии”, Тиса отвергал также переустройство австрийской части империи “со славянской ориентацией”. “Дуалистическая структура Монархии и паритетная позиция Венгрии”, – писал он далее, является “*Conditio sine qua non* совместного сосуществования Венгрии с другими народами Монархии. Венгрия присоединилась к Монархии добровольно, как самостоятельное государство, она никогда не признавала никакой центральной власти, над собою стоящей, и никогда не подчинялась какому-либо большинству” [7. S. 112–113].

Тиса не просто констатировал положение вещей, но и угрожал: тот, кто подкапывается под паритетное положение Венгрии в дуалистической системе, “должен считаться с острейшим конфликтом с Венгрией”. Подобную роскошь в венских верхах не мог себе позволить никто, не исключая и самого кайзера. Война усилила зависимость Австрии от Венгрии. Больше половины армии составляли выходцы из последней, а снабжение продовольствием бедствующей Австрии полностью зависело от венгерских поставок.

Во избежание осложнений с влиятельным Тисой Карлу пришлось быстро отправить в отставку начальника своей канцелярии, а вместе с тем, отложить планы реформирования Монархии еще на целый год. Опальный премьер, всего лишь командир полка и член парламента, вышел победителем в этой маленькой дуэли с бюрократической верхушкой империи Габсбургов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pölöskei F. Tisza Istvan*. Budapest 1985.
2. *Romsics I. Magyarország története a XX. században*. Budapest, 1999.
3. *Hantsch H. Leopold Berchtold, Grandseigneur und Staatsmann*. Graz, 1963.
4. *Országgyűlés Nyomtatványai. Képviselőház. Napló. 12 VI 1910. 25. köt.*
5. *Pölöskei F. Magyarország az első világháborúban // 20. századi Magyar történelem*. Budapest, 1997. 77–81.old.; Velike sile i Srbija pred svtski rat. Beograd, 1976; *Bridge F.R. From Sadova to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866–1914 // Journal of Contemporary History*. 1966. V. 1.
6. Haus-, Hof- und Staafs archiv (Wien). Nachl Arthur Graf von Polzer-Hoditz. B / 1499. Manuscript Lebenserinnerungen. F. 55.
7. *Broucek P. Karl I. (IV.). Der politische Weg des letzten Herrschers der Donaumonarchie*. Böhlau. Wien. Köln. Weimar. 1997.

К XIV Международному съезду славистов

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ (Камень Шлёнски, 9–11 сентября 2004 г.).

С 9 по 11 сентября 2004 г. в местечке Камень Шлёнски вблизи г. Ополе (Польша) состоялось первое заседание Президиума Международного комитета славистов. В его работе участвовали члены МКС академик Милан Гюрчинов – председатель МКС (Р. Македония), проф. Лильяна Минова-Гюркова – заместитель председателя МКС (Р. Македония), проф. Димитрия Ристецки – секретарь МКС (Р. Македония), проф. Станислав Гайда – координатор работы комиссий МКС (Польша), проф. Луциан Суханек (Польша), проф. Лешек Мошиньский (Польша), проф. Аленка Шивиц-Дулар (Словения), проф. Слободан Маркович (Сербия и Черногория), проф. Аница Назор (Хорватия), проф. Александр Молдован (Россия), проф. Ян Доруля (Словакия), проф. Иво Поспишил (Чехия), проф. Геннадий Цыхун (Беларуссия), проф. Герхард Невекловски (Австрия), проф. Карл Гутшмидт (Германия), проф. Николас Жекулин (Канада), проф. Стефан Гарзонио (Италия), проф. Майкл Флаер (США).

В работе Президиума приняли участие почетные члены МКС проф. Януш Сятковский (Польша) и академик Иван Доровский (Чехия), а также секретарь комитета славистов Российской Федерации д-р Анна Плотникова и член национального комитета славистов Р. Македония, директор Института македонского языка им. Крсте Мисиркова в Скопье д-р Снежана Веновска-Антевска.

В качестве организатора заседания к его участникам с приветственной речью обратился проф. С. Гайда. Председатель МКС М. Гюрчинов выразил глубокую благодарность за гостеприимство С. Гайде и польскому комитету славистов и предложил на рассмотрение следующие вопросы:

1. Отчет о работе руководства МКС и о ситуации в мировой славистике;
2. Обсуждение проекта программы XIV Международного съезда славистов;
3. Отчет о деятельности комиссий МКС;
4. Разное.

1.1. М. Гюрчинов сообщил, что руководство МКС начало подготовку к XIV Международному съезду славистов, который должен состояться в Р. Македонии в 2008 г. Благодаря поддержке правительства Р. Македония, в здании Македонской академии наук и искусств открыт кабинет МКС, в котором работает секретарь МКС, осуществляющий связь МКС с национальными комитетами славистов. Создается веб-страница МКС в Интернете, которая должна быть го-

това к концу 2004 г. В марте 2004 г. руководство МКС направило письмо ректору Боннского университета в поддержку кафедры славистики Боннского университета, которой угрожает ликвидация. Руководство МКС также обратилось с письмом в Польскую академию наук с выражением озабоченности по поводу прекращения издания журнала "Rocznik slawistyczny" и с просьбой о его сохранении. Благодаря ходатайству МКС, польским коллегам удалось продолжить издание журнала. М. Гюрчинов сообщил о переговорах с Китаем о включении этой страны в состав МКС.

1.2. Члены Президиума МКС одобрили деятельность македонских коллег по подготовке XIV съезда славистов. Обсуждался вопрос о количестве участников съезда. Было принято, что количество докладчиков должно быть от 500 до 600 человек, включая представителей новых славистических центров мира. При этом съезд должен служить традиционным задачам, обеспечивая условия для научных дискуссий и установления личных контактов. Л. Суханек предложил рассмотреть на XIV съезде вопрос о состоянии мировой славистики в период между съездами и о перспективах ее развития.

1.3. Предваряя обсуждение проекта тематики XIV Международного съезда славистов, участники заседания высказали некоторые соображения общего характера. С. Маркович предложил включить в программу съезда несколько исторических тем. Я. Сятковский заметил, что исторические темы сами по себе не должны включаться в программу, критерием выбора исторической тематики должна быть их актуальность для филологических исследований. Г. Цыхун предложил придерживаться концепции XIII съезда, имея в виду пропорциональное соотношение тем. Он подчеркнул, что Р. Македония как организатор съезда имеет преимущественное право определять его тематику. Выступая по этому вопросу, Я. Доруля и А. Молдован говорили о важности междисциплинарных тем, в том числе таких, которые объединяют археологию и историю материальной и духовной культуры славян. Тематика будет корректироваться с учетом предложений национальных комитетов славистов. А. Молдован поставил вопрос о процедуре формирования тематических блоков, считая, что заявки на блоки должны обсуждаться в национальных комитетах. По мнению А. Шивиц-Дулар в этой работе должны участвовать комиссии МКС. Н. Жекулин подчеркнул, что состав участников блоков должен быть международным, а их тематика – междисциплинарной и актуальной. Л. Суханек и К. Гутшмидт предложили формировать блоки по темам, выходящим за филологические рамки и имеющим историко-культурологический характер.

2.1. Председатель МКС сообщил, что проект тематики XIV Международного съезда славистов был составлен работниками университетов и научных институтов Р. Македонии с учетом тематики последних съездов, состоявшихся в Кракове и Любляне. При этом в две отдельные части выделены темы по лингвистике и по литературе, культуре и фольклору.

2.2. Участники заседания высказали замечания и предложения по проекту тематики XIV Международного съезда славистов, предложенному македонскими коллегами. В результате состоявшегося обсуждения был подготовлен публикуемый ниже перечень тем для дальнейшего обсуждения в национальных комитетах славистов.

3.1. Координатор работы комиссий при МКС проф. С. Гайда представил к заседанию Президиума МКС письменное сообщение о работе комиссий, общее число которых в настоящее время составляет 28, в том числе пять новых, со-

зданных на XIII съезде славистов в Любляне. С целью улучшения работы комиссий, которые в последнее время были недостаточно активны, на съезде были избраны новые председатели комиссий. С. Гайда предложил обратиться к председателям комиссий с просьбой представить к XIV съезду отчет о работе их комиссий. Он также призвал присутствовавших председателей национальных комитетов славистов курировать работу комиссий, председатели которых работают в их странах. Поблагодарив А. Шивиц-Дулар за организованное в рамках XIII съезда славистов совещание председателей комиссий, С. Гайда высказал пожелание, чтобы комиссии принимали участие в работе тематических блоков и “круглых столов” на съездах славистов.

3.2. М. Гюрчинов напомнил, что комиссии (и их председатели) утверждаются на 5-летний срок. Необходимо, чтобы комиссии постоянно информировали МКС о своей работе, а национальные комитеты курировали работу председателей комиссий в своих странах, чтобы в случае бездействия комиссии своевременно обсуждался вопрос о целесообразности ее дальнейшего существования.

Я. Сятковский предложил, чтобы председатели комиссий направляли отчеты о своей работе не только координатору комиссий, но и председателю МКС и в национальные комитеты славистов своих стран. Это предложение поддержал Г. Цыхун, который, кроме того, высказал пожелание, чтобы была установлена тесная связь между комиссиями и тематическими блоками, особенно при подготовке программы по тематическим блокам.

С. Маркович сообщил, что Национальный комитет славистов Сербии и Черногории, рассматривая работу комиссий, предложил всем комиссиям составить общую программу, которую можно было бы выполнять в рамках академий наук соответствующих стран. Это позволит более эффективно оценивать деятельность комиссий. С. Маркович также предложил обсуждать на заседаниях МКС отчеты о работе комиссий и анализировать их работу в ходе съездов славистов. Развивая это предложение, Н. Жекулин и А. Назор говорили о том, что было бы полезно, чтобы комиссии не только отчитывались перед очередным съездом о проделанной работе, но и представляли на съездах программы дальнейшей работы, на основании которых можно было бы делать вывод о целесообразности их дальнейшей деятельности.

А. Шивиц-Дулар заметила, что на XIII съезде славистов в Любляне был сделан шаг вперед в работе комиссий, благодаря тому, что МКС взял эту работу под контроль.

Л. Суханек и Я. Сятковский предложили считать правилом, что комиссии получают свое название на языке той страны, в которой работает председатель комиссии, кроме того все названия комиссий переводятся на русский язык.

С. Гайда поблагодарил участников дискуссии за конструктивные предложения и решения, о которых он сообщит председателям комиссий, и высказал пожелание, чтобы на веб-странице XIV Международного съезда славистов было уделено место работе комиссий.

4.1. В завершающем выступлении М. Гюрчинов сказал, что руководство МКС добивается того, чтобы к 2008 г. были созданы условия для проведения съезда в Охриде в первой декаде сентября. Если условия не позволят провести торжественное открытие съезда в Охриде, оно, по мнению членов Президиума МКС, могло бы быть проведено в Скопье, а дальнейшая работа будет проходить в Охриде. На заседании МКС в Белграде будет утверждена тематика XIV съезда, в связи с этим нужно обдумать вопрос о тематических блоках и темах “круглых столов”.

Следующее заседание Президиума МКС, по приглашению С. Марковича, запланировано провести в июне 2005 г. в Белграде; в 2006 г. заседание, по предложению С. Гарзонио, может состояться в г. Удине (Италия).

Международный комитет славистов просит направлять замечания и предложения по проекту тематики XIV международного съезда славистов в национальные комитеты славистов для их последующего обсуждения и официального представления в МКС.

ПРОЕКТ ТЕМАТИКИ XIV-го МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ (Охрид, 2008 г.)

1.0. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1.1. Этногенез славян и история славянских языков в связи с историей славянской материальной и духовной культуры. Древнейшие контакты славян. Праславянский язык. Славянская этимология. Старославянский язык, его диалектная основа и территориальные варианты. Роль церковнославянского языка в формировании славянских литературных языков. Текстология славянских памятников.

1.2. Диалектология и лингвогеография славянских языков. Переходные диалекты. Периферийные диалекты славянских языков, их взаимное проникновение и контакты с неславянскими языками. Славянские элементы в неславянских диалектах. Этнолингвистика. Актуальное состояние славянских диалектов с точки зрения социоллингвистики.

1.3. Славянская ономастика. Состояние славянской ономии и ее изменение. Создание корпуса (баз данных) славянской ономастики. Проблемы ономастической лексикографии.

1.4. Современное состояние славянских стандартных языков. Варьирование нормы. Иноязычное влияние на всех уровнях. Славянские языки с точки зрения социоллингвистики. Глобализация и интернационализация в славянских языках: состояние и перспективы. Типология языковых состояний и языковых ситуаций. Языковая политика. Социоллингвистические и психоллингвистические аспекты полилингвизма.

1.5. Современные теории и методы изучения грамматической структуры славянских языков. Коммуникативные аспекты грамматики. Типологические тенденции в развитии славянских языков.

1.6. Современные теории и методы изучения семантики. Языковая картина мира. Когнитивный, концептуальный, этнолингвистический, лингво-культурологический подходы.

1.7. Функциональные стили: состояние и перспективы. Разговорный функциональный стиль в славянских языках. Литературно-художественный функциональный стиль и его характеристика. Стилистика и прагматика. Религиозный функционально-стилевой комплекс.

1.8. Корпусы в лингвистике и проблемы репрезентативности текстов.

2.0. ЛИТЕРАТУРА, КУЛЬТУРА, ФОЛЬКЛОР

2.1. Эпоха Кирилла и Мефодия, период старославянской письменности и Охридская литературная школа: лингвистические, литературоведческие и историко-культурные аспекты.

2.2. Славянский фольклор. Проблемы сравнительного изучения фольклора и традиционной духовной культуры. Язык и поэтика фольклора. Взаимодействие фольклора и художественной литературы. Современный (городской) фольклор.

2.3. Просветительство и его влияние на национальное возрождение у славянских народов.

2.4. Литературные направления и школы в литературе славянских народов – традиции и новаторство. Реализм в литературе славянских народов. Дезинтеграция реализма в конце XIX в. Символизм, футуризм, экспрессионизм, сюрреализм. Поэтика модернизма. Постмодернизм в славянских литературах и на Западе. Ускоренное развитие некоторых славянских литератур. Фантастика и научная фантастика в славянских литературах.

2.5. Диалог Восток–Запад в славянских культурах. Глобализация, европейские интеграционные процессы и национальная идентичность.

2.6. Номадские аспекты славянских культур и литератур (миграция, изгнание, многодомность). Литература национальных меньшинств в славянских странах.

2.7. Вклад славян в современные течения в литературоведении: русский формализм, М. Бахтин и его последователи, феноменология, структурализм, семиотика.

2.8. Философская, религиозная и политическая мысль славян.

2.9. Компаративистика и славянские литературы.

2.10. Вклад славян в мировую литературу. Переплетение культур: *balkanica, slavica, europica*.

3.0. ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ

3.1. Славянское языкознание, литературоведение, фольклористика и культурология в историческом развитии.

3.2. Специальные темы:

- 100-летие со дня рождения Косты Рацина;
- 190-летие со дня рождения И.С. Тургенева;
- 180-летие со дня рождения Л.Н. Толстого;
- 70-летие со дня смерти Карла Чапека;
- В.В. Хлебников и его значение для современной поэзии.

4.0. ТЕМЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ДЛЯ КРУГЛЫХ СТОЛОВ ИЛИ ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОКОВ:

- 4.1. Состояние славистики в мире.
- 4.2. Обучение славянским языкам как иностранным.
- 4.3. Согласование университетских программ по славистике.
- 4.4. Проблемы перевода.
- 4.5. Современные переводы Библии.
- 4.6. Славянская лингвистическая терминология.
- 4.7. Вид глагола в славянских языках.
- 4.8. Место и роль славистической периодики: состояние и перспективы.
- 4.9. Новое в славянской лексикографии (методика, типы словарей; базы данных).
- 4.10. Славянская аксиологическая лексика (лингвистическая аксиология).
- 4.11. Издание памятников письменности.

Материалы конференции “Политика и политики на Балканах.
Национальный и международный контекст XIX–XX веков”¹

© 2005 г. М. В. БЕЛОВ*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕБЮТЫ ПОВСТАНЧЕСКОЙ СЕРБИИ
(НАЧАЛО XIX ВЕКА)

На рубеже XIX–XX вв. сложился стереотип поведения балканского политика, связанный с выстрелами из-за угла, запахом пороха, борьбой личных тщеславий, приправленных опереточной героикой. Такие представления были вызваны разочарованием “просвещенной” Европы, в том числе и российского общества, в результатах Восточного кризиса 1875–1878 гг., с одной стороны, и трагедией Первой мировой, с другой. Конечно, ответственность за тогдашнюю “балканскую свару”, как и за многие последующие события на полуострове, должны разделить и “великие” европейские державы. И все-таки, пускай в утрированном виде, сложившийся стереотип отражает специфику балканской политики: парадоксальное сочетание национальной экзальтации и хладнокровной игры, готовности идти напролом, тонкой интриги и закулисных сделок.

Чтобы правильно понять происхождение того или иного исторического феномена, исследователь, вооружившись генетическим методом, предлагает, как правило, обратиться к его истокам. С какого периода мы можем говорить о самостоятельной балканской политике? В каких условиях (внутренних и внешних) она делала свои первые шаги? Кем были первые балканские политики, и что ими двигало?

Общепризнанный факт: национальные движения на Балканах, в пределах Османской империи, обнаружили сравнительно рано и отличались большим радикализмом, нежели те, которые развивались в рамках благополучной, по-европейски менявшейся Габсбургской монархии. И это притом, что уровень экономического, социального и культурного развития европейской Турции был на порядок (или на порядки?) ниже, чем в землях к северу от Савы и Дуная. Первым организованным выступлением, выдвинувшим лозунг создания националь-

¹ Конференция состоялась в декабре 2003 г. в Институте славяноведения РАН, представлена лишь часть из прозвучавших на заседании докладов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04–0100047а.

ного государства на Балканах, отвлекаясь от случая маленькой Черногории, стало Первое сербское восстание 1804–1813 гг.

Историки выдвинули немало версий возникновения сербского освободительного движения на рубеже XVIII–XIX вв. Современник восстания В.С. Караджич, например, считал, что оно было вызвано “турецким зулумом” – бесчинствами янычар [1. С. 322–353]. Немец Л. фон Ранке в начале своей знаменитой книги “Сербская революция”, написанной в соавторстве с Караджичем, обращал внимание на внешнее влияние: “неисторический” сербский народ был “разбужен” активными действиями соседних “исторических” народов – имелась в виду последняя австро-турецкая война конца XVIII в. [2. С. 37–39]. Будущий академик В. Чубрилович в своей довоенной книге о связях повстанцев с боснийскими сербами заявил: благодаря уникальному, идущему из Средневековья, симбиозу государственной и религиозной традиции, сербская нация сложилась чрезвычайно рано – уже во второй половине XVIII в. [3. С. 8–10]. Понятно, что “нация” в подобной трактовке – это “факт сознания”, не более и не менее. После войны, в коммунистической Югославии Чубрилович, по понятным причинам, скорректировал свою позицию. Югославские историки-марксисты выдвинули новую концепцию восстания – “буржуазной революции”. С точки зрения марксизма, национальные движения непосредственным образом связаны с развитием капиталистических отношений. Однако в Белградском пашалыке, где началось выступление, капитализма, в европейском смысле слова, не было даже в проекте. Продвинутое в этом отношении греческие земли Османской империи поднялись на борьбу позднее – в 1820-е годы. Наконец, на рубеже 1990-х годов отечественный исследователь В.П. Грачев выдвинул совершенно деидеологизированную и потому-то продуктивную теорию о включенности сербов Белградского пашалыка в разрешение внутриимперского конфликта по поводу реформ “низами-джедид”, которые проводил султан Селим III. По мере углубления и усложнения конфликтной ситуации, благодаря поддержке России, форма участия сербов в ней менялась, они переросли ее и вступили на путь национальной самореализации [4].

Такое перерастание произошло в силу исчерпанности поиска выхода в рамках прежней системы отношений, неразрешимости имперского кризиса. Центральная власть оказалась не способной подавить сепаратизм на окраинах, а сама Османская империя – адаптироваться к новым историческим условиям. Однако турецкий кризис не создавал автоматически ресурсы, необходимые для успешной борьбы за национальную независимость и государственность в Сербии. И без того незначительные экономические возможности повстанцев быстро таяли в условиях перманентных военных действий. Сербские предводители постоянно жаловались на недостаток материальных средств, оружия и боеприпасов. Половина пунктов, составляющих так называемую “конвенцию Карагеоргий–Паулуччи” (1807), посвящено этой теме [5. Кн. 1. С. 386–387]. И когда в 1812 г., уже накануне заключения Бухарестского мира, сербские депутаты прибыли в Петербург, они снова ссылались на недостаток “самого необходимого” [5. Кн. 2. С. 246–247]. Таков был первый ограничитель самостоятельной внешней политики.

Второй – проблема конструирования государственного суверенитета: создания органов власти и установления легитимного порядка. Все это в условиях уничтожения прежней административной системы, которая начала ломаться задолго до восстания, надо было начинать создавать “с чистого листа” и при от-

сутствии необходимого “строительного материала”. Сербские предводители неоднократно обращались к российским властям с просьбой либо послать к ним чиновников “для сочинения законов”, либо просто дать “книги”, то есть свод современных законов, которого, кстати, в то время и в России-то не было, чтобы адаптировать его к местным реалиям. Русские, по некоторым причинам, отказывались пойти по этому пути. Нельзя сказать, что проблема государственного строительства была полностью решена и после “конституционной” реформы 1811 г., когда верховный вождь Карагеоргий и его главный партнер М. Милованович устранили с политического поля всех своих оппонентов и разработали новую систему управления (см. документы: [6]). Ущербный суверенитет трудно было проецировать во внешнюю среду.

И, наконец, еще одна серьезная трудность: культурная архаика. Привычная глорификация национальных движений затушевывает очевидный факт, на который указывают многочисленные свидетельства вплоть до курьезных. Как сказано в отчете барона Дибича, побывавшего в повстанческой Сербии в 1811 г. (возможно апокрифический характер документа не меняет дела), здесь нет «баллов, театров, людей света, приятных изысков, словом того, что в свете называется “bon ton”» [7. С. 304]. Сербская среда была настоящим культурным шоком для русских чиновников. В интимных беседах с ними Карагеоргий честно признавался: он очень сожалеет, что не получил образования, но вынужден прикладывать печать и подписывать бумаги, которые слабо разбирает (см., например: [8]). А в одном письме к К.К. Родофиникину, первому дипломатическому агенту России в Белграде, верховный вождь благодарил его: спасибо, что научили меня пить чай по утрам и прислали приборы для его приготовления [9. С. 197–198]. Конечно, в повстанческую Сербию переселились некоторые образованные собратья из австрийских земель, начиная с великого просветителя Д. Обрадовича, но эти единицы не могли переломить сложившейся ситуации. Культурный ландшафт сербской политики был преимущественно архаическим, мифологизированным, эмоционально насыщенным. Он никак не поддавался законам “здравого смысла”, к которому взывали, порой испытывая чувство превосходства, “просвещенные” русские чиновники.

Своя гордость возникала в этой ситуации и у “непросвещенных” балканских вождей. Так, митрополит Петр I Негош писал в августе 1812 г. главнокомандующему молдавской армией П.В. Чичагову: “Я черногорец, а не русский, удален от просвещения Европы, хотя и в оной живу. Состарел между змеями и скорпиями без наук, но и без лицемерия при истинном чистосердечии...” [10]. Столкновение с хитросплетениями европейской политики было чревато отторжением реальности, отрицанием политики ради “простоты”, означающей ничто иное, как наивное сознание во власти мифов.

Один из самых распространенных мифов – о русском царе, который, благодаря своей богатырской мощи, может одним ударом сокрушить всех врагов единоплеменных и единоверных народов. Реальность не уничтожила миф, но меняла на время его окраску: рождался образ России-предательницы. С другой стороны, покровительство России в условиях проблемной независимости кому-то было выгодно представить как ее главную угрозу. Именно в этом, а не в ошибках отдельных русских чиновников или просчетах всей дипломатии России, ее “имперском” характере, следует искать главные причины антирусских тенденций, как правило, получавших развитие в среде покровительствуемых балканских “элит”, в том числе и среди части повстанческих предводителей.

Что же можно считать политическим дебютом Сербии? Осенью 1804 г. в Петербурге побывала первая повстанческая депутация. Ее отправлению предшествовало собрание, в котором участвовали сербские воеводы, священники и кнезы. Депутаты получили полномочия “от всего сербского народа” с правом говорить, решать и делегировать этот суверенитет кому-либо еще [5. Кн. 1. С. 44–45]. Иными словами, депутаты были позиционированы именно как политические деятели. При этом их статус был формально признан в российской столице, когда ими занялось министерство иностранных дел и его глава А.Е. Чарторыйский. Однако этого все-таки недостаточно. До отправления в Россию депутаты, по-видимому, не имели разработанной программы действий, политической платформы, которую необходимо отстаивать, поэтому действовали по ситуации. Как продемонстрировали исследования российских ученых, программа автономизации Белградского пашалыка имела несколько источников, но главная инициатива в этом вопросе исходила от российской стороны [11. С. 97–125]. И потом, до поры до времени повстанцы обращались к царю и его чиновникам с прошениями, смотрели, так сказать, снизу вверх. Переговоры с австрийскими властями весной 1808 г. также не имели определенной программы действий, инициатива по их организации шла от барона Симбшена, а ответ, положивший конец переговорам, был составлен Родофиникиным.

Иной характер имела депутация во главе с И. Юговичем, отправленная в декабре 1808 г. в Петербург, но остановившаяся в Яссах, в штаб-квартире главнокомандующего Молдавской армией А.А. Прозоровского. Поездке предшествовала так называемая первая “конституционная” реформа, сводившаяся к утверждению единовластия Карагеоргия. Родофиникин в это время утратил контроль над ситуацией. Повстанческое руководство самостоятельно принимало все решения. При этом Югович имел вполне определенную программу – сербской независимости и расширения территориальных границ. Югович продемонстрировал определенные дипломатические способности. Несмотря на негативную характеристику Родофиникина, он сумел произвести благоприятное впечатление на Прозоровского, в надежде все-таки выехать в Петербург умело скрывал от него подлинные цели депутации, бомбардировал главнокомандующего письмами и, лишь когда стало ясно, что до царя не добраться, поведал об истинном “желании” сербского народа. Позиция депутации была сформулирована в виде ультимативного требования, в частности, подписать некий договор с Россией, который означал бы юридическое признание нового независимого государства (см. подробнее: [12]). Пожалуй, самый сложный вопрос, понимал ли образованный Югович, что Россия не может удовлетворить эти требования. Карагеоргий и другие предводители, пославшие депутатов, явно этого не понимали. Учитывая репутацию Юговича как сторонника австрийской ориентации, можно предполагать, что он стремился к разрыву с Россией. В штаб-квартире в Яссах назревал острый конфликт. Прозоровский, помнивший еще баталии Семилетней войны, начинал не на шутку сердиться.

Ситуация разрядилась благодаря возобновлению военных действий на русско-турецком фронте. Повстанцы обрели надежду: наступают “последние времена” Османской империи, забрезжила заря “сербской славы”, которая вернет им наследие Стефана Сильного Душана. Было принято решение о наступлении сразу по четырем направлениям с расчетом поднять на борьбу соплеменников и единомышленников в сопредельных балканских землях. Неудача ждала повстанцев на одном из них – нишском направлении. Поражения у Каменицы и Делиграда по-

ставили под удар Белград, но, к счастью, турок удалось остановить. Однако главную ответственность за поражение повстанческие предводители возложили не на себя, а... на Родофиникина, который якобы их постоянно обманывал, и на Прозоровского, так и не пославшего войска им на помощь. Русский агент вынужден был покинуть Белград в середине августа 1809 г., чуть ранее скончался престарелый главнокомандующий.

В конце 1809–1810 г. повстанческое руководство одновременно ищет покровительство во Франции и Австрии и выясняет отношения с новым главнокомандующим Молдавской армией П.И. Багратионом, которого в марте того же года заменил Н.М. Каменский. К нему были снова посланы сербские депутаты: Вена и Париж не проявили того интереса к повстанцам, на который они рассчитывали. К началу 1811 г. повстанческое руководство окончательно отказалось от поиска новой протекции, а на январской скупщине Карагеоргий в отдельном выступлении подтвердил ориентацию на Россию и поблагодарил ее за оказываемое покровительство. Попытка самостоятельной внешней политики, таким образом, потерпела полный крах.

Дипломатические шаги, предпринятые Белградом после поражений 1809 г., никак не назовешь взвешенными и продуманными, скорее, они были продиктованы мукой отчаянья. Попытка сближения с Австрией и Францией не могла быть не замеченной Россией. В результате в Петербурге стали меньше ценить сербские клятвы в верности и братстве.

Так еще во времена Первого восстания сложился “параболический” стиль сербской дипломатии, родовые черты которого можно проследить на протяжении всего XIX и в начале XX в. Сознание недостатка собственных сил, необходимых, чтобы достигнуть высоких целей из области исторической мифологии, вымещалось в комплекс дипломатических обид, разочарований, что приводило к неожиданным срывам и резким поворотам во внешней политике. Эмоциональная заряженность соединялась с попытками играть на противоречиях “великих” европейских держав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Караџић В.С.* Прва година Српскога војевања на дајје // *Караџић В.С.* Даница. 1826. 1827. 1829. 1834. Београд, 1969.
2. *Ранке Л.* История Сербии по сербским источникам. М., 1876.
3. *Чубриловић В.* Први српски устанак и босански срби. Београд, 1939.
4. *Грачев В.П.* Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг. // *Славяноведение.* 1993. № 1.
5. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. 1. М., 1983. Кн. 2.
6. *Новаковић С.* Уставно питање и закони караџорђевога времена. Београд, 1988.
7. *Голубица В.* Београд, 1844.
8. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 159. Л. 209–210.
9. *Богишич В.* Разбор сочинения Н.А. Попова “Россия и Сербия”. СПб., 1872.
10. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1812 г. Д. 3. П. 1–2. Л. 19.
11. *Грачев В.П.* Матија Ненадовић и первая сербская депутация в Россию в 1804 г. // Прота Матија Ненадовић и његово доба. Београд, 1985.
12. *Белов М.В.* Восстание 1804–1813 годов и развитие сербской национальной идеи // *Славяноведение.* 2004. № 2.

ПОЛИТИКА РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К БАЛКАНСКИМ НАРОДАМ В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРОВ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

Политика по отношению к Османской империи и балканским народам в XIX в. занимала ведущее место в общем комплексе внешнеполитических проблем, стоявших перед Россией. Ее задачи по существу сводились к альтернативе: содействовать распаду слабеющей империи османов, ее сокрушению и быстрому решению пресловутого Восточного вопроса или вести курс на поддержание существования “слабого соседа”, установив политическое влияние в Константинополе и на Балканах, что позволило бы избежать революционных потрясений и невыгодных для России перемен в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Поэтому политика по отношению к Турции и ее подданным разрабатывалась и осуществлялась Петербургом нередко в острой борьбе, на которую оказывали влияние идеологические концепции и их авторы.

Внешнеполитический курс России в конечном итоге определялся самими государями: Александр I и Николай I принимали непосредственное участие в повседневной деятельности министерства иностранных дел. Но идеологические убеждения, черты характера, личностные особенности этих императоров различались, что сказывалось на разработке и методах проведения внешнеполитического курса. Немалую роль в этом играли и близкие ко двору сановники, фавориты государей, дипломаты, работавшие в Константинополе и на Балканах, чиновники, часто отправлявшиеся туда с различными миссиями и поручениями.

Задачи внешней политики, решение балканских проблем привлекали внимание также и других образованных представителей дворянства, чему способствовало появление в русской общественной мысли идей славянской взаимности, панславистских тенденций, как и стойкое сохранение представлений о мессианской роли православной России в отношении своих единоверцев. В российское министерство иностранных дел, особенно в периоды международных конфликтов, некоторыми из этих лиц направлялось немало проектов и предложений, касавшихся восточного направления политики. Наконец, имело значение расширение шедших через МИД личностных контактов балканских религиозных и политических деятелей с Россией.

Начало правления молодого, впечатлительного по характеру и еще неопытного Александра Павловича пришлось на бурный период наполеоновских войн. В условиях существования русско-турецкого союзного договора конца 1798 г. император и его “молодые друзья” считали наиболее безопасным и выгодным добиваться неприкосновенности владений Османской империи, оберегать ее от революционных потрясений, которыми мог воспользоваться Бонапарт. Чтобы избежать такой перспективы, предпринимались дипломатические акции, которые должны были заставить Порту принять меры для улучшения условий жизни своих подданных-христиан [1. С. 45–55]. Но эти шаги результатов не дали, беспорядки и анархия в балканских владениях султана не прекращались. А в начале 1804 г. началось восстание в Белградском пашалыке, что еще больше осложнило положение в европейских провинциях Турции.

К этому времени в окружении Александра I ясно определилась идея создания в Юго-Восточной Европе внутренне самостоятельных, но более или менее зависимых от Порты и находящихся в сфере политического влияния России небольших государств. В дальнейшем, при благоприятной международной ситуации, эти автономии могли стать полностью независимыми. Такого рода идея появилась еще при Павле I, когда после изгнания французов с Ионических островов там была создана пользовавшаяся широкой автономией Республика Семи Соединенных островов. На протяжении 1804–1806 гг. в российском МИДе разрабатывались конкретные планы политического переустройства на Балканах и делались попытки, правда безуспешные, добиться их поддержки со стороны Великобритании [1. С. 52–62; 2. С. 94–95].

Такая перспектива решения Восточного вопроса контрастировала с планами екатерининских времен – создания на месте Османской империи громадного греческого государства, как бы возрождения Византийской империи, что увязывалось и с мессианской идеей о “Москве – третьем Риме”. Такого рода надежды сохранялись у некоторых представителей российской элиты, но они постепенно вытеснялись новыми представлениями о будущем балканских христиан, о способах решения Восточного вопроса. Все более ясным становилось, что интересы разных этнических групп в Юго-Восточной Европе часто сталкиваются, что их освободительное движение развивается обособленно.

На балканскую политику влияли и “кадровые” перемены: близкими к молодому императору стали члены Негласного комитета, высокопоставленные дипломаты, особенно А. Чарторыйский. В его представлении политическое переустройство Балкан тесно увязывалось с личными интересами – с задачей возрождения Речи Посполитой [3. С. 335–358].

Но планы Чарторыйского возникли не без влияния появившихся в русской общественной мысли панславистических идей, которые подталкивали правительство к более активной политике на Балканах, помощи расширявшемуся там освободительному движению. Об этом свидетельствуют направлявшиеся в МИД трактаты, записки и предложения российских деятелей В.Ф. Малиновского, В.Н. Каразина, А.А. Самборского, А. Полева и др. Туда же свои предложения и просьбы адресовало немало греков и южных славян, например черноморский владыка Петр I Негош, архимандрит Й. Йованович, митрополит С. Стратимирович. Под впечатлением от Первого сербского восстания на первый план выдвигалась задача воссоздания “славено-сербского” государства, что, как утверждал Стратимирович, будет в интересах России [4. С. 6–115; 5].

К территориальным приобретениям на Балканах, исключая присоединение Дунайских княжеств (чего не удалось добиться в результате войны 1787–1791 гг.), правительство Александра I не стремилось. Однако при заключении союза с Францией, во время встреч двух императоров в Тильзите и Эрфурте Наполеону удалось втянуть Александра I в переговоры о разделе Османской империи. Но назревание нового военного конфликта в Европе, стремление Петербурга быстрее заключить мир с Портой вскоре исключило такого рода замыслы.

Когда нападение Франции на Россию сделалось неотвратимым, правительство Александра I попыталось использовать свой последний, хотя и очень опасный резерв – помощь в предстоящей войне со стороны народов, находившихся под властью Турции. В 1811 – начале 1812 г. такой подход поддерживала часть советников царя. Разрабатывавшийся в военном ведомстве план предстоящей кампании предусматривал глубокую диверсию в тыл Франции через Сербию и

Боснию к Адриатическому побережью. В инструкции императора о начале Адриатической экспедиции, которой должен был руководить назначенный главнокомандующим Молдавской армией П.В. Чичагов, предписывалось обещать сербам, помогающим российским войскам, создать “славянское царство”. В случае же, если Порты не подпишет мира с Россией, надлежало дать подобные обещания грекам и другим подданным султана [6. С. 364]. Можно утверждать, что такого рода намерения были идеологически подготовлены теми проектами и предложениями, которые выдвигались российскими и балканскими политическими и общественными деятелями. Известие о переходе французских войск через Неман остановило подготовку очень рискованной Адриатической экспедиции.

Этническая принадлежность не ограничивала карьерные возможности происходивших из привилегированных сословий эмигрантов, которые находили убежище в России. Среди них было немало греков, приобретших влияние при дворе (К. Ипсиланти, митрополит Игнатий и др.). Они часто занимали ответственные дипломатические посты (Г.Д. Моцениго, К.К. Родофиникин, Фонтонны и др.). Все это были люди образованные, владевшие восточными языками, знакомые с обстановкой в Османской империи. Среди таких встречались и сербы (С.И. Мазарович, И. Гагич). В какой-то мере эти лица влияли на политику Петербурга в балканских делах. К примеру, некоторые сербы интриговали в МИДе против своих личных врагов или правителей – Петра I Негоша, Карагеоргия, князя Милоша, выдвигали против них несправедливые обвинения. Родофиникин не смог установить доверительные контакты с вождями сербских повстанцев отчасти из-за исторически сложившихся неприязненных отношений между южными славянами и греками.

Вместе с тем греческое лобби при дворе Александра Павловича и в МИДе в какой-то мере усиливало значение балканского направления в общем комплексе российских внешнеполитических проблем. Особенно большую роль в этом сыграл Иоанн Каподистрия. Бывший государственный секретарь Республики Семи Соединенных островов прибыл в Петербург в начале 1809 г. и за несколько лет сделал блистательную дипломатическую карьеру, приобрел полное доверие царя. Занимая ответственные посты, в годы Отечественной войны и Венского Конгресса он не забывал об интересах своей родины, а также разгромленных турками сербов. В 1816 г. Каподистрия принимал непосредственное участие в разработке программы политики России в отношении Турции и балканских народов, выдвигал идею создания фактически независимых княжеств Сербии, Молдавии и Валахии под гарантией великих держав, а в дальнейшем освобождения всех балканских христиан, и в первую очередь греков. Всего этого предполагалось достичь в результате активной и решительной политики России в Восточном вопросе, при отказе от территориальных приобретений, что заставило бы великие державы отказаться от сохранения статус-кво в Юго-Восточной Европе [7. С. 15–44].

Рост влияния на царя Каподистрии, назначение посланником в Стамбул барона Г.А. Строганова, сторонника воинственной политики в отношении Турции, слухи о близком начале новой русско-турецкой войны – все, казалось бы, свидетельствовало об ужесточении российской политики в Восточном вопросе. Но царь предпочел не осложнять отношения с Портой из-за балканских дел. К новой войне Россия была не готова, провозглашенные принципы консерватизма и легитимизма надо было поддерживать. Строганову предписывалось вести переговоры о выполнении условий Бухарестского мира мягко и пассивно [8. С. 76–77].

Эти противоречия и колебания внешнеполитического курса, возможно, выразились в наличии двух статс-секретарей по иностранным делам – К.В. Нессельроде и И.А. Каподистрии. Последний, как казалось окружающим, пользовался преимущественным влиянием на государя, который, однако, не шёл на поводу у греческого патриота, так как следовал государственным интересам России.

Восточный кризис 1820-х годов и начало греческого восстания в 1821 г. резко изменили международную обстановку в Юго-Восточной Европе. Создание независимой Греции стало реальной задачей. Россия предпринимала бесплодные попытки добиться урегулирования балканских проблем совместно с другими великими державами. Лишь перед своей кончиной Александр I решил действовать в отношении Порты единолично, руководствуясь только собственными интересами [1. С. 236–237; 8. С. 172–173].

Такой курс довелось осуществлять уже Николаю I, человеку очень отличному по характеру и убеждениям от старшего брата. Он действовал более решительно, не пытаясь избежать новой русско-турецкой войны. Ее успех мог значительно укрепить власть нового императора, отвлечь внимание общества от трагических событий декабря 1825 г. Идеологическое обоснование причин войны оказанием помощи балканским христианам в их борьбе за освобождение от ига мусульман возбудило бы симпатии и патриотические чувства в обществе. Но император, преданный принципам консерватизма и легитимизма, не пошел на это; в Манифесте об объявлении войны говорилось лишь о необходимости заставить Турцию выполнять договоры с Россией, о Греции не было и слова.

В конце войны 1828–1829 гг. перспектива распада империи османов стала представляться в Петербурге реальной, и это заставило задуматься о политическом будущем балканских народов. Создание достаточно сильного самостоятельного греческого государства, ряда других разделенных преимущественно по национальному принципу государств с монархической системой правления и вольного города Константинополя – таково было мнение царя в формулировке Нессельроде, представленное на обсуждение компетентных сановников в последние дни войны [1. С. 314–319]. Никто не считал возможным создание “Греческого царства” под эгидой России. Эта идея уже давно была нереальной. 2(14) сентября 1829 г. был заключен достаточно выгодный для России Адрианопольский мир и правительство Николая I вернулось к курсу поддержания “слабого соседа”, надеясь дипломатическими средствами установить свое политическое преобладание в Стамбуле и в молодых балканских государствах.

Как представляется, дипломатия России в первые годы царствования Николая I стала более решительной и твердой, что в какой-то мере отражало особенности характера императора, его консервативные убеждения. Он меньше считался с мнениями своих сановников, с распространявшимися идеологическими течениями, с общественными настроениями.

Так на протяжении первой трети XIX в. окончательно определились методы решения балканских проблем в наиболее выгодном для интересов России варианте: создание в Юго-Восточной Европе медленно, без революционных потрясений небольших национальных государств, находящихся в сфере политического влияния Петербурга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX в. М., 1972.

2. Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования. М., 1997. Вып. 18.
3. Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798–1807. М., 1962.
4. Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
5. Грачев В.П. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1962. Сер. I. Т. VI.
7. Ари Г.Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976.
8. Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983.

© 2005 г. О. В. МЕДВЕДЕВА

АЛЕКСАНДР ЭКЗАРХ И ПОМОЩЬ РОССИИ БОЛГАРСКОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ (1847–1853 ГОДЫ)

Александр Экзарх – яркая политическая фигура периода болгарского национального возрождения. Он был довольно амбициозным человеком, прожил долгую жизнь, менял свои политические взгляды, но всегда оставался на патриотических позициях. Экзарх был глубоко убежден, что просвещение подготавливает политическое возрождение народов, и, как и многие образованные его соотечественники того времени, возлагал надежды на более развитые народы и их культуры в поисках опоры для духовного возрождения болгар.

В решении многообразных задач развития национального просвещения болгары не могли рассчитывать только на свои силы. Среди общественных деятелей и представителей формировавшейся интеллигенции велась острая дискуссия о том, где должна получать среднее и высшее образование болгарская молодежь, культура какой страны может стать опорой для болгар в их стремлении к просвещению. В этом споре возобладала ориентация на Россию. К такому же убеждению пришел в середине 1840-х годов и Экзарх, убедившийся, что ни Франция, ни Англия, к которым он в годы своего пребывания в Париже (1836–1846) неоднократно обращался с проектами политического устройства Болгарии и просьбами оказать конкретную помощь в деле болгарского образования [1. С. 36–45; 2. С. 88–94; 3. С. 130–136], не намерены поддержать умеренные политические и культурные требования болгар, в частности, в области просвещения.

Установление контактов Экзарха с российским правительством было непростым. В течение 1842–1846 гг. он неоднократно обращался с письмами к обер-прокурору Святейшего Синода А. Протасову с целью убедить Петербург оказать помощь православному народу, страдающему под игом турецких властей и греков-фанариотов, препятствующих его культурному развитию [4. Д. 8610. Л. 2–3, 5, 7, 27, 29–30; 3. С. 138–139].

Петербургский кабинет не спешил устанавливать прямые связи с Экзархом, проявляя осторожность и, возможно, недоверие к нему. Для этого имелись определенные основания. Российские власти, несомненно, знали о связях болгарского деятеля с польскими эмигрантами во Франции, о его контактах с французскими государственными и общественными деятелями. Кроме того, в Петербурге, видимо, не могли четко определить сущность политических требований Экзарха.

Информация, представлявшая Экзарха в невыгодном свете, поступала в российский МИД из разных источников. Так, находившийся в Одессе известный болгарский просветитель В. Априлов предупреждал в 1843 г. русские власти об усилении влияния Франции в Болгарии и использовании в этих целях проживавшего в Париже “болгарина Александра” [5. Л. 2–3].

Вместе с тем изучение представителями российского высшего эшелона власти писем и других документов Экзарха в конечном счете убедило их в целесообразности установления контактов с ним. В мыслях и действиях Экзарха прослеживалась не одна только ориентация на Запад. К тому же выдвигаемые им идеи, касающиеся болгарского просвещения и церковного вопроса, не противоречили политике России по этим проблемам. Российское правительство и раньше принимало участие в просвещении болгар. Необходимо также иметь в виду, что официальная Россия собирала обширную информацию по болгарскому вопросу в связи с Нишским восстанием 1841 г., Брэильскими бунтами 1841–1843 гг., новым обострением Восточного вопроса, что было обусловлено изменением ее политики на Балканах. К середине 1840-х годов в Петербурге прямо говорилось о возможности расширить связи с представителями балканских народов, одним из которых и был Экзарх.

В августе 1845 г. МИД России дает указание своему поверенному в делах в Париже Н.Д. Киселеву собрать сведения об Экзархе и сообщить “подробности о причине пребывания его в Париже, о его там занятиях и сношениях и его происхождении”. Получив в целом положительный отзыв Киселева о болгарине как о человеке, стремящемся добиться содействия России в “распространении в Болгарии просвещения и свободного исповедания христианской веры”, петербургский кабинет дал согласие на приезд Экзарха в Петербург [4. Д. 8610. Л. 23–25].

По прибытии в столицу России в октябре 1846 г. А. Экзарх обратился к управляющему Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, подав одну за другой (в октябре 1846 г. и январе 1847 г.) две записки на высочайшее имя, в которых ходатайствовал о выделении средств на просвещение своих соотечественников и даже представил соответствующую программу (вторая записка). Он просил также назначить болгарского представителя в Константинопольской патриархии, который бы защищал интересы болгар. Кроме того, Экзарх предлагал назначить законного представителя болгар при Высокой Порте, в ведении которого находились бы вопросы обеспечения болгарских светских школ учителями и учебными пособиями. Он подчеркивал, что представленный им проект программы развития национального болгарского образования, реализованный при помощи России, позволит ей усилить свое влияние в Болгарии как через учителей – воспитанников российских учебных заведений, так и через организованные местные учебные центры [5. Д. 8610. Л. 46–56; 3. С. 142].

Российское правительство ответило положительно на обращения Экзарха. Николай I распорядился оказывать через этого общественного деятеля всестороннюю помощь болгарам, а именно: назначить болгарским церквям и школам ежегодное пособие наличными деньгами в размере 10 тыс. руб. серебром сроком на 10 лет, снабжать их книгами, церковными облачениями и другими предметами культа. Российской миссии в Константинополе поручалось оказывать всевозможное покровительство Экзарху, внушать ему действовать лояльно по отношению к Порте [6. 1847. Л. 243].

После встреч с официальными кругами Экзарх совершил поездку по России с целью сбора средств и установления контактов с болгарской эмиграцией и молодежью, обучавшейся здесь. Он посетил Москву, Киев, Николаев, Одессу. В целом поездка была успешной. Так, только болгарский купец в Москве И. Деникоглу, по некоторым сведениям, пожертвовал около 60–70 тыс. руб. Экзарх получил также содействие московских и киевских митрополитов, прежде всего в приобретении необходимых книг для развития просвещения на родине [7. С. 105–106]. С этими средствами он в первой половине 1847 г. прибыл в Константинополь, где остановился в “Русской гостинице”, и начал свою деятельность русского миссионера болгарского учебного дела.

С 1847 г. и до 1853 г. Экзарх, располагая крупными денежными средствами, ежегодно выделяемыми Петербургом, фактически единолично распоряжался ими. Он развил бурную деятельность: содействовал болгарскому просвещению, участвовал в борьбе за национальную церковь, с 1850 г. издавал газету “Цариградский вестник”. Он отправил “всем болгарским общинам” послания с просьбой уведомить его о нуждах просвещения, а также о злоупотреблениях местных властей. Определив потребности учебного дела, Экзарх начал отпускать городским и сельским общинам средства на поддержание существовавших и открытие новых школ, оплату учителей. В его архиве сохранилось 203 письма, которые свидетельствуют, какую часть полученных от России средств он разослал по всем краям Болгарии [7. С. 106].

С помощью этих средств Экзарх способствовал открытию большого количества школ, в том числе и для девочек, что было новым шагом в развитии болгарского просвещения. Из подробной таблицы, приложенной к отчету Экзарха от 1 января 1849 г., следует, что к этому моменту в 28 городах Болгарии было открыто 35 школ для мальчиков и 14 – для девочек с числом учащихся 6300 и 758 соответственно. Учителей было всего 59 [4. Д. 8610. Л. 80–82]. В своих отчетах в МИД он приводит перечни учебной и художественной литературы, направлявшейся в Болгарию, которые свидетельствуют о его стремлении к качественному светскому образованию у себя на родине. Помимо этого постоянно указывались суммы, которые шли на оплату обучения молодых болгар в России, в частности в Одессе [8. Л. 13–20].

В одном из своих отчетов за 1849 г. Экзарх, говоря о расходах, связанных с обучением молодых болгар в России, отмечает, что трое из четверых, приехавших на обучение, вернулись “один за другим в Константинополь”. Это связано, как он писал, с тем, что многие приехавшие не могут привыкнуть к климату, часто болеют и даже умирают в России. Учитывая это, Экзарх обратился к российскому правительству с просьбой помочь открыть в Болгарии высшую школу для будущих учителей, а также предлагал учредить в Болгарии и специальную школу для девочек, которые станут учительницами [8. Л. 36].

В своих письмах к российскому правительству Экзарх неоднократно подчеркивал, что для успешного развития просвещения в Болгарии необходима типография по изданию учебников в самой стране. Часть полученных средств он направил на издательскую деятельность, создав фактически первое в Болгарии предприятие по изданию и распространению учебной, религиозной, научно-популярной и художественной литературы. Благодаря имевшимся средствам Экзарх ввел новую систему сбыта книг, не опираясь только на вспомоществователей: распространял книги сериями и библиотеками [7. С. 107–108].

Русские дипломаты отмечали, что Экзарх “с усердием и вождленным успехом действует на распространение учебных заведений в Булгарии, находя у соотечественников своих пламенное желание тому споспешествовать” [6. 1849. Л. 244].

Однако столь плодотворное для болгарского просвещения сотрудничество Экзарха и российского правительства продолжалось недолго. С начала 1850-х годов болгарский деятель все больше отходит от ориентации на Россию. Его основная надежда на решение болгарского вопроса (дуализм в рамках Османской империи) связывается теперь с Портой. И эта позиция находила все большее отражение на страницах газеты “Цариградски вестник”, издававшейся на российские деньги. Она по сути стала протурецким органом, печатавшимся на болгарском языке. Главная ее тенденция состояла в демонстрации преданности болгар Османской империи. В ее публикациях постоянно преувеличивались заслуги османских властей в разрешении проблем болгарского общества, в том числе и в деле просвещения.

С 1 мая 1852 г. сумма, выдаваемая Экзарху, была уменьшена наполовину с тем, чтобы “средства употребить в другом месте к поощрению других ревнителей болгарского просвещения” [4. Д. 2524. Л. 164–164 об.].

Таким образом, в период 1847–1853 гг. А. Экзарх активно действовал на поприще просвещения своих соотечественников. Эта его патриотическая деятельность стала возможной благодаря значительной финансовой поддержке России. Отказ от ориентации на нее привел к тому, что с начала 1850-х годов снижается практическое участие Экзарха в национально-просветительском движении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шарова Кр.* Български дипломатически акции пред Европа в началото на 40-те години на XIX в. // България и европейските страни през XIX–XX в. София, 1975.
2. *Генчев Н.* Франция и българското духовно Възраждане. София, 1979.
3. *Грек И.Ф., Червенков Н.Н.* Общественно-политическая деятельность Александра Экзарха (40–50-е гг. XIX в.) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989.
4. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Славянский стол.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный архив. Политический отдел. 1843. Д. 2.
6. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Отчеты МИД.
7. *Генчев Н.* Болгаро-русское культурное сближение в 30–50-е годы XIX в. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982.
8. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 3278 б.

ХОРВАТСКИЕ КЛЕРИКАЛЫ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ХОРВАТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Определение религиозно-национальных целей хорватского народа в начале XX в. на югославянских территориях Габсбургской монархии было связано с идеологией и практикой высших иерархов римско-католической церкви – сараевского архиепископа Й. Штадлера, его помощника И. Шарича, загребского архиепископа А. Бауэра и др.

Многогранные изменения, происходившие в общественно-политическом развитии западной цивилизации начиная со второй половины XIX в., заставили Ватикан интенсивно искать средства противодействия распространявшимся либеральным и революционным течениям. В ходе этих поисков сформировалась основная идеологическая парадигма, определяющая методы укрепления и расширения католицизма.

Первая попытка сформулировать политическую идею католической церкви была предпринята в пастырском послании папы Пия IX (1846–1878) от 20 апреля 1849 г. “*Allocutio*”, в котором содержались все основополагающие принципы нового массового движения, развиваемого католической церковью под названием “социальный католицизм”. В частности, папа осудил рационалистическую философию и ее идеалы братства, равенства и свободы, выдвинул утверждение о перерождении демократии в социализм и коммунизм, критиковал идеи создания суверенных национальных государств и патриотические настроения. Наступление либерализма, свернутого после революции 1848 г., вынудило Римскую курию начать наступление на “новые веяния” во “вселенском масштабе”. В течение последующих десятилетий Св. престолом детально разрабатывалась идеология социального католицизма. *Silabus* (1871), приложенный к энциклике *Quanta Cura* (1864), содержал перечень 80 “заблуждений нашего времени”, подлежащих осуждению, среди них: демократия, либерализм, рационализм, капитализм, национальный суверенитет, социализм, коммунизм, протестантизм, отрицание необходимости папского государства и еще ряд идей современного общества в области философии, науки и права, ослабляющих религиозные чувства католиков [1. S. 126–128]. Преемник Пия IX Лев XIII (1878–1903) был сторонником активного вовлечения католиков в современные общественно-политические процессы. В энциклике “*Nobilissima Galorum gens. Ai Francesi sull’ ordinamento della Societa domestica e civile*” (1884) папа сохранил за церковью право привлечения верующих в систему различных общественных, культурных, политических, спортивных и религиозных организаций, необходимость сохранения христианского государственного порядка утверждала энциклика “*Immortale Dei*” (1885). В энциклике “*Libertas*” (1888) вновь осуждался либерализм и утверждалась необходимость соблюдения прежде всего интересов церкви. В знаменитой энциклике “*Regum novarum*” (1891) Св. престол предлагал вместо политических партий приступить к созданию христианских рабочих ассоциаций и установить в обществе социальную гармонию, основанную на твердых христианских принципах.

Направления религиозно-политической деятельности хорватского клира определялись политикой Ватикана. В Хорватии, Славонии, Среме, Далмации,

Боснии и Герцеговине представители римско-католической церкви, опасаясь влияния либерально-демократической идеологии, организовали проведение католического конгресса, состоявшегося 3–5 сентября 1900 г. в Загребе. Целью его было формирование религиозно-национальной программы хорватского народа. С конца XIX в. римско-католические иерархи после недолгого развития так называемой югославянской миссионерской фазы (Ф. Рачки, Й.Ю. Штросмайер) в большей степени стали рассматривать хорватские национальные устремления для реализации религиозных и политических планов Ватикана в балканском регионе. На Первом хорватском “евхаристическом” конгрессе присутствовали: джаковский епископ Й.Ю. Штросмайер, сплитский епископ Ф. Накич, дубровнический епископ Й. Марцелич, сеньский епископ А. Маурович, епископ о. Крка А. Махнич, люблянский архиепископ А. Еглич, всебоснийский архиепископ Й. Штадлер и др. В центральный комитет конгресса были избраны профессор загребского университета А. Бауэр, прелат А. Ягатич, епископ враньский П. Гуглер (председатель комитета) и др. Заседания были посвящены вопросам укрепления и развития католической веры на хорватских территориях, выработке основных направлений общественно-политической деятельности духовенства и определению религиозных и национальных целей хорватского народа.

Программная речь Й. Штадлера стала, по определению редактора газеты “Врхбосна” И. Шарича, “клерикальной программой на XX в.” [2. С. 11]. Боснийский архиепископ стал наиболее радикальным сторонником идеи единства веры и хорватского национального сознания. И. Шарич утверждал, что если хорваты поддержат программу Штадлера, то они достигнут прекрасных результатов в интеллектуальной, практической и политической сферах. Й. Штадлер и его единомышленник И. Шарич стремились связать воедино этнический и конфессиональный компоненты национального самосознания хорватов и в полной мере оправдать присвоенное Св. престолом этому народу наименование “*Antemurale Christianitatis*” (“оплот христианства”). Данное наименование отразило суть прививаемых католицизмом религиозных и государственных концепций, превратившихся в неотъемлемую часть хорватского национального сознания: хорватский народ, как обладатель “божественных прав” и доверенное лицо Св. престола, должен всемерно способствовать обретению наивысшей славы вечного города Рима. Формула верности для хорватов заключалась в призыве: “Папа је нама Крист на земљи, Рим је нама Вјечни град!” (“Папа для нас – Христос на земле, вечный город для нас – Рим”) [3. С. 51]. По вопросу о взаимоотношениях католической церкви с некатолическими соседними народами Й. Штадлер высказался в пользу реставрации папского государства, хорватские территории он определил от Котора и Дрины до слияния Савы и Дуная в Белграде [4. С. 18].

Резолюции, принятые на конгрессе, утверждали необходимость воспитания мирян в духе знания церковных догматов, организации и истории католической церкви с целью приобретения навыков её защиты под руководством духовенства. На конгрессе отмечалось, что система образования всецело должна находиться под руководством католической церкви, в рамках загребского университета необходимо создать «центр христианской философии согласно смыслу и направлению энциклики папы Льва XIII “*Aeterni Patris*”» [5. С. 36]. Также предполагалось ввести в университете проповеднические службы с целью ознакомления студентов с христианской апологетикой и организовать Католический

союз, объединяющий студентов-католиков, с задачей достижения дальнейшего прогресса на пути изучения церковных догматов и претворения их в жизнь.

Меры римско-католических иерархов по установлению контроля над духовным и идейным развитием хорватской учащейся молодежи свидетельствуют о стремлении подготовить в рамках загребского университета интеллектуальную элиту хорватского общества, обогащенную глубоким знанием христианских принципов и способную, с одной стороны, противостоять “пагубным либерально-демократическим течениям”, а с другой, способствовать распространению и укреплению католического вероучения среди не католических народов.

Таким образом, в начале XX в. на смену политической элите, ведущей свое происхождение от иллирского движения и состоящей, в основном, из землевладельцев, литераторов, ученых и либерального крыла римско-католического клира, появилась новая, влиятельным элементом которой стало клерикально настроенное духовенство, стремившееся к изменению идейного и политического вектора борьбы за национальное единство хорватского народа и объединение хорватских территорий [6. С. 214].

После проведения конгресса был основан Хорватский земледельческий банк, в 1901 г. на Трсате был проведен съезд хорватских и словенских богословов, призвавших верующих-мирян “к сотрудничеству в деле общего духовного возрождения”, создана Хорватская католическая типография, начала выходить ежедневная газета “Hrvatstvo” [7. С. 148]. В религиозном плане задачей газеты была “защита самобытности католической церкви”, в политическом аспекте отстаивались постулаты правашского движения о том, что “на хорватских территориях существует только один народ – хорваты, только один государственный флаг – хорватский, только один государственный язык – хорватский” [8. С. 39].

На загребском конгрессе территория Боснии и Герцеговины была включена в орбиту хорватских национальных интересов. В начале XX в. сформировались две концепции политики относительно населявших эти земли народов – францисканская и иезуитская. Каждая из них внесла свой вклад в разобщение населения по этническому и конфессиональному признаку.

Францисканцы были влиятельны, популярны и многочисленны. Их организация “Хорватский народный союз” своей главной политической задачей ставила осуществление вековой мечты хорватов – создание “единой Великой Хорватии”, в состав которой должна была войти Босния и Герцеговина. Кроме того, францисканские “братья” обеспечивали высокий уровень католического прозелитизма среди не католического населения. В округах Цетина, Мосора, Драговича, Врлика, Шибеника и Синя их деятельность привела к отказу значительного числа православных от исторической веры предков и обращению в католицизм или в греко-католицизм. Делалось это под предлогом возвращения славян в “истинную церковь” в соответствии с папской энцикликой “Grande munus” (1880). Привилегированное положение, высокая эрудиция, сплоченность и связь с Ватиканом обеспечивали монахам-францисканцам влиятельные позиции в общественно-политической жизни боснийско-герцеговинского населения. В то же время спецификой их деятельности являлось то, что свою паству они держали в невежестве и позволяли ей посещать лишь основные школы, которые отличались невысоким уровнем преподавания.

Возвращение иезуитов, изгнанных с хорватских территорий в XIX в., было связано с именем загребского архиепископа Ю. Посиловича, который в октябре 1901 г. благословил основание иезуитского дома и церкви в Загребе. Иезуи-

ты представляли собой малочисленную, но энергичную организацию, глава которой – сараевский архиепископ Й. Штадлер – утверждал, что на первом месте должно стоять выполнение религиозной, а не национальной, миссии: “Единство народа заключается только в религиозной идее. Без нее национальная идея приведет к объединению людей, у которых нет и не может быть единого духа и образа мыслей, рано или поздно она потерпит поражение” [2. S. 332–333]. В течение первых двух десятилетий XX в. организация, созданная Штадлером – “Хорватское католическое объединение” – заняла ультраконсервативные религиозно-националистические позиции. Ее программа была направлена на придание клерикального характера хорватскому национальному движению и противопоставление хорватов-католиков представителям других национальностей и вероисповеданий. Она включала в себя пункты об объединении Боснии и Герцеговины с Хорватией в рамках Австро-Венгрии, приведении “под крыло римско-католической церкви” как можно большего числа не католиков и оказании помощи Австро-Венгрии для усиления ее могущества и влияния на Балканах в противовес православной России. В Боснии и Герцеговине архиепископ развернул агрессивную католическую пропаганду. Методы распространения католицизма Й. Штадлером вызвали отпор со стороны как православного, так и мусульманского населения. Его резкое и нетактичное поведение по отношению к верующим иных конфессий вызвало непонимание даже австрийских властей, которые просили его смягчить тон подконтрольных ему газет и ввести цензуру на публикации.

Теория и практика иезуитов и францисканцев, несмотря на некоторые разногласия, были направлены на достижение одной цели: обеспечение интересов римско-католической церкви в балканском регионе, прежде всего, на тех территориях, на которых национальное самосознание населения не было оформлено в полной мере.

В начале XX в. хорватское духовенство включилось в реализацию глобального проекта Римской курии по религиозному освоению Балкан и ограждению католиков от влияния европейских либерально-буржуазных веяний. В результате клерикальная идеология закрепилась среди значительной части югославского населения и заложила основы для появления ультранационалистических хорватских течений, что наряду с другими факторами привело к трагическим последствиям для югославянских народов в ходе Первой и Второй мировых войн, а также в период югославского кризиса 90-х годов XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лозинский С.Г. История папства. М., 1986.
2. Novak V. Magnum Crimen. Pola veka klerikalizma u Hrvatskoj. Beograd, 1986.
3. Лазућ М. Крсташки рат Независне Државе Хрватске. Београд, 1991.
4. Екмечић М. Огледи из историје. Београд, 1999.
5. Perović B. Hrvatski katolički pokret. Roma, 1976.
6. Bataković D. Tipovi nacionalizma kod Hrvata i Srba u Hrvatskoj: sličnosti i razlike. Zagreb, 2000.
7. Жутућ Н. Римокатоличка црква и хрватство од илирске идеје до великохрватске реализације 1453–1941. Београд, 1997.
8. Krišto J. Nadbiskup Josip Stadler u svjetlu naprednjačkog tiska (1904–1918.) // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1999. Br. 1.
9. Korenić S. Prvi katolički sastanak održan u Zagrebu dne 3., 4. i 5. Rujna godine 1900. Zagreb, 1900.

БЗНС В ПЕРВОМ ДВАДЦАТИЛЕТИИ. ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА В КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ

Обращение к теме персонификации лидерства в Болгарском земледельческом народном союзе (БЗНС) в первом двадцатилетии оправдано. Сложилась поколения историков, у которых идейное и организационное руководство Союзом в этот период ассоциируется преимущественно с А. Стамболийским.

Такой факт объясним. После поворотных событий в сентябре 1944 г. в Болгарии постепенно утвердился принципиально иной политический режим. Его отличительной чертой стала двухпартийная система. Одной из соправящих партий (пусть и номинально) стал БЗНС. Его руководство демонстрировало особую симпатию к радикальному течению в Союзе, где центральной фигурой был Стамболийский, особо акцентируясь на его революционных проявлениях и экспериментах. И хотя это руководство отмежевывалось от “сословной” теории и позволяло себе критику реформаторства “земледельческого” правительства во главе со Стамболийским в 1920–1923 гг., общая положительная тональность оставалась преобладающей. Такая ситуация способствовала насаждению стереотипа в подходе к прошлому “земледельческого” движения, чрезмерной абсолютизации в нем роли Стамболийского.

Появившиеся у исследователей в последнее время возможности выйти за установленные жесткие идеологические рамки позволяют предпринимать попытки уточнения и переосмысления некоторых этапов в истории БЗНС, а также же роли ее лидеров.

Союз создавался на рубеже XIX–XX вв. как профессионально-просветительская организация с задачей улучшения экономического положения болгарского села, повышения его общего культурного уровня [1. С. 464, 465, 470]. Имелась в виду профессиональная и общеобразовательная подготовка крестьянства, организация взаимопомощи.

У основателей Болгарского земледельческого союза (БЗС) (так он назывался до октября 1901 г.) – агрономов, учителей, других лиц, причастных к сельскому труду, не было единого подхода к будущему своей организации. С первых лет в ее руководство входили среди прочих Я. Забунов, Д. Драгиев и Ю. Пекарев, которые наиболее последовательно отстаивали превращение Союза прежде всего в организацию *политическую*. По их представлениям, первостепенной задачей этой организации должна была стать борьба за участие в представительной власти всех уровней и, соответственно, участие в законодательном процессе, который отвечал бы насущным нуждам трудовой части болгарского села.

Такая точка зрения противопоставлялась настойчивому стремлению других представителей руководства Союза сохранить его уже первоначальный статус – как сугубо просветительской организации [2. С. 17–21; 3. С. 36–37].

Создание БЗС было положительно воспринято в болгарском политическом мире. Каждая из существовавших на тот момент политических партий рассчитывала поставить новую организацию под свое влияние. На учредительном съезде Союза присутствовали представители руководства всех этих партий.

Однако все больше демонстрировавшиеся политические амбиции части основателей БЗС резко изменили отношение к нему болгарской политической

элиты. К этому времени политический ландшафт страны составляли пять партий справа. Их лидеры успели побывать в роли премьеров, депутатов Народного собрания, министров, а партийные функционеры – представлять власть на местном уровне. А потому через свои программные документы эти партии адресовывали различным категориям населения довольно эффективный популизм, который зиждился на объединительном, государственническом подходе к основным проблемам общества.

В поле зрения попадало в том числе и крестьянство. Оно, наряду с другими категориями населения, объединялось (как бы уравнивалось в социальном отношении) в рамках единого государственного организма. Такой подход, безусловно, служил задачам национальной консолидации в условиях незавершенности процесса оформления национальной государственности (Болгария все еще оставалась вассальным, автономным княжеством). По-видимому, не последнюю роль здесь играло и осознание политической элитой слабости материальных возможностей государства, не способного оказать серьезное покровительство ведущим отраслям национальной экономики и, в первую очередь, аграрному сектору.

Появившиеся в начале XX в. в левой части болгарского политического спектра “тесняки” поставили вопрос ребром: крестьянину помогать не нужно. Пусть пролетаризируется и вливается в ряды тех, кто за социальное освобождение через революционные методы борьбы.

Первые годы после учредительного съезда были критическими для БЗС. Периодически возникал вопрос о самом его существовании. Численный состав низовых организаций (дружб), а также их общее количество постоянно колебались. Даже по меркам Болгарии, где политические партии не отличались многочисленностью, эти показатели выглядели удручающими. По данным на 1899/1900 гг. Союз насчитывал 429 дружб. Спустя два года в 1901/1902 гг. их число снизилось до 73, куда входило лишь 820 чел. [4. С. 484].

В это время руководство БЗС решало весьма сложную, двуединую задачу организационного порядка – агитации среди крестьян с целью привлечения их в ряды Союза, а также придания ему в первую очередь политического характера.

На этом поприще очень быстро выделился Д. Драгиев, который к концу 1901 г. на III съезде теперь уже БЗНС стал в нем вторым лицом, заняв пост заместителя председателя его руководящего органа – Центрального управительного комитета (ЦУК). Едва переступивший 30-летний рубеж глубоко верующий сельский учитель с гимназическим образованием он очень быстро сделался заметным среди сподвижников в силу своего яркого ораторского таланта и исключительных организаторских способностей. Уже в 1899 г. Драгиев начал издавать газету “Справедливость”, где акцентировал внимание на тяжелом экономическом положении болгарского крестьянства. А с выходом в том же году Союзной газеты “Земеделска защита” (ред. Забунов) сразу же подключился к работе и в ней.

В 1899 и 1901 гг. отдельным изданием вышли первые работы Драгиева, в том числе такие, как “Голос, обращенный к болгарским земледельцам” и “Земледельческий союз и политика”, где речь шла об особой роли в обществе крестьянского сословия и необходимости его политического самовыражения.

Драгиев непосредственно участвовал в агитации среди крестьян в пользу их вступления в Союз, и с этой целью он объехал десятки сел различных околий страны.

В 1902 г. начинается стремительный взлет карьеры Драгиева как крестьянского лидера. На IV съезде БЗНС подает в отставку глава его ЦУК Забунов. Современники и исследователи единодушны в том, что смена руководства в БЗНС не сопровождалась борьбой и интригами. Выбор преемника был predetermined. Почти одновременно на Драгиева возлагались и обязанности ответственного секретаря (учредителя) нового центрального органа Союза газеты “Земледельско знаме”.

До конца 1908 г. – до X съезда БЗНС – Драгиев остается на посту бессменного главы его Управительного совета, по сути, главы Союза в целом. К этому времени БЗНС достиг весьма серьезных успехов на организационном и политическом поприще. Число дружб составило свыше 1100, а общая численность организации – 17 239 чел. [4. С. 484] (разумеется, с поправкой на практику чрезмерного завышения данных, приводимых партийными съездами). Однако тенденция численного роста Союза представляется бесспорной. Заслуги Драгиева здесь были несомненны. По его инициативе в Устав БЗНС было внесено положение об обязательном участии членов руководства Союза в агитационной деятельности крестьян с целью привлечения их в “земледельческое” движение [1. С. 489]. И огромным личным вкладом авторитетный Драгиев фактически закрепил это как норму для своих коллег.

В 1907 г. в работе “В чем спасение болгарских земледельцев” Драгиев обобщал свои уже обнародованные на страницах изданий БЗНС взгляды на возможности изменения ущемленного социально-экономического положения подавляющего большинства селян. Основной смысл его рассуждений сводился к следующему: крестьяне должны отказаться от поддержки уже изживших себя существующих политических партий и повернуться лицом к сословной организации, каковой является БЗНС, так как только он через свою парламентскую деятельность способен встать на защиту интересов села.

Успехи “земледельцев” на последовавших в мае 1908 г. выборах XIV Общественного Народного собрания (ОНС) были весьма внушительны. БЗНС и в этом достиг своего наивысшего довоенного показателя, получив 24 депутатских мандата.

В конце 1902 г. в качестве помощника редактора в “Земледельско знаме” был принят А. Стамболийский, энергичный 23-летний молодой человек. Он только что вернулся из Германии, где пытался изучать сперва философию, а затем агрономию. Стамболийский происходил из бедной крестьянской семьи. Окончив сельскохозяйственную школу в Садове, а затем винодельческое училище в Пловдиве, он до отъезда в Германию учительствовал в селах Пазарджикского округа. Поэтому проблемы болгарского крестьянина Стамболийскому были хорошо знакомы.

Молодой журналист сразу же обратил на себя внимание смелыми и яркими публикациями, которые по своему принципиальному содержанию не противоречили взглядам и идеям лидера БЗНС Драгиева. Опираясь на эти публикации, Стамболийский, уже после выхода упомянутой книги Драгиева, в 1909 г. издал объемный труд под названием “Политические партии или сословные организации?”, впоследствии признанный исследователями как основополагающая разработка сословной теории, что представляется небесспорным. К тому же в 1909 г. увидела свет и книга Драгиева “Зарождение, цель и развитие Земледельческого союза в Болгарии”.

Через два года после прихода в “Земледельско знаме”, ставший за это время его редактором Стамболийский резко продвинулся в Союзной иерархии. В 1904 г. он

уже занимает пост заместителя председателя Управительного совета (УС) Союза. И, оставаясь в таком качестве в течение нескольких лет, на какой-то период становится как бы тенью Драгиева.

Окружив себя сторонниками, наиболее видные из которых Ц. Церковски и А. Димитров (многолетние члены УС почти с момента основания БЗНС), экспансивный Стамболийский постепенно начинает вытеснять Драгиева с руководящих постов в Союзе. Такая задача была не из легких в силу большого авторитета Драгиева среди коллег, а также его широкой популярности в среде рядовых членов крестьянской партии.

Постепенно из состава УС выдавливаются многолетние и верные сподвижники Драгиева. А в 1907 г. по решению IX съезда БЗНС под непосредственным влиянием Стамболийского место пребывания центрального управления Союза – Постоянное присутствие – переносится из Стара Загоры, где проживал Драгиев, в Софию.

В следующем 1908 г. на X съезде Стамболийский делает резкий рывок в борьбе за преобладание в руководстве БЗНС. Он добивается пересмотра управленческой структуры Союза и, в первую очередь, упразднения поста председателя УС. Удар нанесен точно. Таким образом устранялся Драгиев как бесспорный глава УС и фактически признанный глава крестьянской партии в течение ряда лет.

По мере усиления позиций Стамболийского в БЗНС явно прослеживалась тенденция размыwania организационной структуры его руководящего органа в лице УС, который не только лишился своего единоличного председателя, но и многократно увеличивался численно (с 16 членов в 1901 г. – до 245 в 1911 г.) [1. С. 480, 507]. В итоге этот орган становился достаточно громоздким и аморфным, практически неспособным оказывать влияние на принятие важнейших решений стратегического и тактического характера.

Если исходить из принципиального содержания существовавших на тот момент основополагающих документов БЗНС, то ничего экстраординарного вроде бы не происходило. Ведь ими не предусматривалось создание института лидера (шефа) Союза. Ранее же появление *de facto* такого института было вызвано необходимостью выживания самостоятельной крестьянской партии. Однако по сути это, бесспорно, была жесткая борьба именно за руководящую роль в ней.

Правда, совсем обезличить Драгиева, как утвердившегося “земледельческого” лидера, было уже невозможно. За ним оставался пост редактора Союзного журнала “Земеделска мисъл”, а в сознании своих многочисленных соратников и рядовых членов Союза он прочно занял место «выдающегося созидателя (читай – организатора. – Т.М.) “земледельческого” движения» [5. С. 146].

И хотя в современной болгарской историографии известным болгарским исследователем Л. Огняновым была предпринята весьма успешная попытка объективного монографического освещения истории БЗНС до 1912 г. включительно, в том числе роли Драгиева в его становлении [2], на рубеже XX–XXI вв. это, к сожалению, не нашло достойного отклика в среде “земледельческих” авторов. Имя Драгиева в числе основателей и идеологов упорно не упоминается [6. С. 85].

Драгиев болезненно, но с достоинством переживал натиск со стороны более молодого и столь экспансивного коллеги, пытаясь постоянно следовать своему принципу “С Евангелием в жизни и в политике”, столь мало соответствовавшему тогдашней болгарской действительности, да и ситуации в руководстве соб-

ственной организации. Он старался не акцентироваться публично на своих трениях со Стамболийским.

Членами собственной партии и всем болгарским политическим миром они стали восприниматься как равноценные “земледельческие” лидеры. В эти годы и Драгиев, и Стамболийский пытались демонстрировать единство в вопросах идеологии и политики БЗНС.

Вступление Болгарии в Первую мировую войну однозначно негативно сказалось на состоянии всех политических сил страны, вынужденных действовать в жестких ограничительных рамках воюющей страны. БЗНС не составлял исключения. В этот период Стамболийский за выпады в резкой форме против царя Фердинанда, сделавшего выбор в пользу коалиции Центральных держав, был осужден на пожизненное заключение, при этом не утрачивал статус одного из лидеров своей партии.

Бурные события в потерпевшей военное поражение Болгарии в сентябре – начале октября 1918 г., когда примкнувший к руководству восстания солдатских масс сподвижник Стамболийского Р. Даскалов, провозгласив республику, объявил того председателем правительства, окончательно развели обоих признанных “земледельческих” лидеров по разные стороны баррикад. И хотя происходил стремительный взлет политической карьеры как Драгиева, так и Стамболийского (они стали министрами в правительствах “широкой коалиции”), Союз переживал кризис, поскольку в нем (в его руководстве) наметился явный раскол.

Стамболийский и его по большей части молодые и радикально настроенные сподвижники не отреклись от правомерности предпринятой попытки установления республики в Болгарии, население которой остро нуждалось в социальной и моральной реабилитации. Драгиев же резко осудил спонтанный подход к смене политического строя в стране, противопоставив себя как “эволюциониста” “революционному” окружению Стамболийского. С начала 1919 г. радикальное течение в Союзе, учитывая напряженную внутривнутриполитическую ситуацию, все больше вовлекалось в борьбу за власть через победу на возможных парламентских выборах, в то время как Драгиев не считал нужным форсировать события.

Окончательный развод становился неизбежным. Он произошел в начале июня 1919 г. на XV съезде БЗНС. Драгиев оказался в меньшинстве и под напором радикалов во главе со Стамболийским вынужден был с небольшой группой своих верных соратников отойти от крестьянской партии большинства. Стамболийский оставался в ней теперь уже в качестве единственного и бесспорного лидера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България. 1879–1918. София, 1992.
2. *Огнянов Л.* Българският земеделски народен съюз. 1899–1912. София, 1990.
3. *Вълов И.* Обречения на самота лидер. // Земя и прогрес. София, 1990, № 3.
4. Статистически годишник на Българското Царство. Година първа. 1909. София, 1910.
5. *Пекарев Ю.* История на земеделското организирано движение в България. Добрич, 1947. Т. I.
6. 100 години БЗНС. Юбилеен сборник. Пловдив, 2000.

ИОН БРЭТИАНУ. 1914–1916–1918 ГОДЫ

Ион Брэтиану-младший представляется политиком типично балканским. В ведении внешних дел ему были присущи железная хватка, умение торговаться с партнерами и выбивать у них уступки, а когда нужно – терпеливо выжидать выгодного момента. Все это сочеталось с пренебрежением ко взятым на себя обязательствам и опиралось на патриотизм, который можно назвать безоглядным. Во главу угла ставился успех для своей страны, без учета того, что он может быть кратковременным и обернуться крупными неприятностями в будущем. Соседей, как известно, не выбирают. Однако нет ничего неприятнее, чем сосед поверженный, затаивший обиду и готовый к мести.

Первая мировая война застала И. Брэтиану на посту главы правительства Румынии, а страну – в союзе с Германией и Австро-Венгрией. Брэтиану в доверительной беседе заявил, что в зал мирной конференции он должен войти под руку с победителем. Угадать последнего представлялось затруднительным. Мысли румынского премьера о территориальных приобретениях распространялись прежде всего на входившую тогда в состав Австро-Венгрии Трансильванию, в которой проживало 2 млн. румын. Коронный совет в Синае уклонился от выполнения союзных обязательств. Румыния встала на позицию выжидания. Из этого можно сделать единственный вывод – экономическая зависимость страны, а она была перенасыщена немецко-австрийскими капиталами, не означает политического подчинения. Брэтиану занялся длившимся два года торгом с Антантой (прежде всего с Россией), предъявив притязания на территории, выходявшие за рамки этнически румынских.

Следует воздать должное проницательности этого политика. Он не пошел по пути болгар и не поддался соблазну вступить в войну на австро-германской стороне в трагический для России (1915 г.) год великого отступления. Брэтиану договорился об исключительно выгодном для Румынии разграничении. Оставалось поставить подпись под договором. Но тут был разыгран небольшой политический фарс: министры, дотеле беспрекословно следовавшие за премьером, “взбунтовались” и отказались выразить согласие. По версии дипломатии Антанты, Брэтиану пригрозил коллегам отставкой, но те просили не оставлять их испытанным руководством. И глава кабинета сдался. Посланникам он заявил, что считает условия договора незыблемыми, вот только срок выступления придется отложить.

Момент наступил в 1916 г. Немцы застряли под Верденом. В мае войска Юго-Западного фронта осуществили знаменитый Брусиловский прорыв. Казалось, дни Австро-Венгрии сочтены, и Брэтиану пришел к выводу, что пора выступать. Будь это сделано в июне – последствия могли стать весьма пагубными для Габсбургской империи. Но Брэтиану, верный привычке выторговывать как можно больше уступок, медлил. Он хотел, чтобы англо-французская группировка сил предварила румынское выступление атакой в Греции на Салоникском фронте, русские – в Карпатах и взяли бы на себя оборону Румынии от болгар в Добрудже, а в это время сами румыны совершили бы победоносный марш по Трансильвании. Злую шутку сыграли с Брэтиану воспоминания о Второй балканской войне 1913 г., в которой он участвовал как майор запаса. Тогда румынская армия без выстрела дошла почти до Софии. Переложить основную тяжесть военных операций на союзников не удалось. Брэтиану затянул переговоры до августа. Австро-Венгрия оправилась от поражения, румынская армия

была разгромлена в полтора–два месяца, и две трети страны оказались оккупированными германскими, австрийскими, болгарскими и даже турецкими силами. Остановливать их наступление пришлось русским войскам, которые зимой и весной 1917 г. взяли на себя всю тяжесть операций. Всего на так называемом Румынском фронте была сосредоточена российская армия численностью более миллиона штыков и сабель.

Румыния обманула возлагавшиеся на нее надежды, вместо помощи общим усилиям, стала бременем для союзников. Брэтиану почувствовал это в январе 1917 г. на конференции Антанты в Петрограде: из вымогателя он превратился в просителя. Дальше дело пошло еще хуже. После Февральской революции начался развал российской армии, румынам пришлось брать тяжесть операций на себя. Их восстановленные вооруженные силы летом 1917 г. успешно сражались под Мэрешти и Мэрэшешти и сорвали наступление войск фельдмаршала А. Макензена. После Октябрьской революции русские войска стали массово покидать фронт. По распоряжению правительства Брэтиану и с ведома посланников стран Антанты румынские части напали на отступавшие дивизии формально еще союзной российской армии, разоружили солдат и загнали их в концентрационные лагеря. Брэтиану решил вступить в переговоры о перемирии с неприятелем. Его попытки добиться согласия на это держав Антанты, ссылаясь на безвыходное положение Румынии, провалились. Союзники оценивали ситуацию более оптимистично. Перемирие было заключено и тем самым произошло нарушение союзного договора от августа 1916 г., запрещавшего сепаратное мирное урегулирование.

В начале 1918 г. началась румынская интервенция в Бессарабии. Советское правительство резко протестовало, дело дошло до ареста посланника в Петрограде К. Дьяманди и еще нескольких дипломатов. Просидели они в Петропавловской крепости ровно сутки и были отпущены по ходатайству дипломатического корпуса. Советы порвали дипломатические отношения с Румынией, но войны объявлено не было. Более того, казалось, дело пошло к мирному урегулированию. Брэтиану счел целесообразным удалиться в отставку, а его преемник генерал А. Авереску в марте 1918 г. заключил с представителями советской власти соглашение о выводе румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев.

Но тут, после Брестского мира, началась немецко-австрийская оккупация Украины. Румыны забыли о данном обязательстве эвакуироваться из Бессарабии, и в апреле месяце произошло не признанное ни советской властью, ни белым движением включение этой области в состав Румынского королевства.

В мае 1918 г. был подписан Бухарестский мирный договор Румынии с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, который по тяжести условий можно сравнить с Брестским. Парламент этот договор утвердил, оставалось, с международно-правовой точки зрения, получить лишь подпись монарха под ратификационной грамотой. Король Фердинанд из рода Гогенцоллернов медлил и дотянул до того момента, когда стал очевиден развал коалиции Центральных держав. 9 ноября 1918 г. последовал ультиматум фельдмаршалу А. Макензену, командующему германскими войсками в оккупированной части Румынии (а не немецкому правительству) с требованием в 24 часа вывести армию из страны. Румынская олигархия отчаянно торопилась вступить вновь в войну. Срок ультиматума истек 10 ноября. А утром 11-го вступило в действие Компьенское перемирие. Вскоре из Германии поступил запрос: так в каких же отношениях находится она с Румынией – в состоянии войны или мира? Бухарест ответил: как все страны Антанты – в состоянии перемирия.

На мирную конференцию в Париж отправился Брэтиану, вновь взявший власть в свои руки. Встретили его в высшей степени неприветливо – налицо было явное нарушение союзных обязательств. Министр иностранных дел Франции Э. Пишон заявил ему: “Соглашение 17 августа 1916 года с правовой точки зрения перестало существовать”. Кажется, дела румынской олигархии плохи. Трое из “большой четверки”, заправлявшей на конференции, были настроены весьма критически (некоторое исключение представлял лишь француз Ж. Клемансо). Человек бычьего упрямства Брэтиану испортил отношения со многими участниками конференции и ушел в отставку с поста премьер-министра, предоставив другим расхлебывать кашу.

Удача пришла с другой стороны, благосклонно к румынским притязаниям отнеслись генералы во главе с маршалом Ф. Фошем. Дело объяснялось просто: в Венгрии в 1919 г. победила советская власть, а подавлять ее оказалось некому. Восстание на французской эскадре в Черном море, кампания под лозунгом “Руки прочь от Советской России”, проходившая в Великобритании во время советско-польской войны, показали, что население великих держав не желает воевать с Советами. А румынская олигархия предложила услуги своей армии, которые с готовностью были приняты, и подавила революционную Венгрию. Расплатились с румынами сполна, удовлетворив почти все их требования.

В начале 1920-х годов группа депутатов в парламенте подвергла резкой критике маршала А. Авереску за то, что тот капитулировал перед большевиками и согласился очистить Бессарабию. Ответ его заслуживает внимания: Румынии, маленькой стране, опасно ссориться со всеми соседями.

А так и произошло: с сербами поссорились из-за размежевания в Банате, с венграми – в Трансильвании, с русскими и украинцами – из-за Бессарабии, с болгарями – из-за Южной Добруджи. Мирное урегулирование 1919 г. обернулось перемирием на двадцать лет. Во Вторую мировую войну Румыния выступила на стороне нацистской Германии.

Можно, конечно, сказать, что и сейчас Румыния, за исключением Бессарабии и Южной Добруджи, сохранила почти все, приобретенное ею в 1919–1920 гг. Объясняется это отличающим румынское руководство умением лавировать в самой сложной обстановке. Страна покинула корабль нацистской Германии в августе 1944 г., когда подобный маневр был высоко оценен лидерами антигитлеровской коалиции, и не просто покинула, а вступила в ряды противников нацизма. Румынский король Михай I – герой августовского восстания – ныне единственный оставшийся в живых кавалер ордена Победы.

© 2005 г. Т.А. ПОКИВАЙЛОВА

РУМЫНСКИЙ КОРОЛЬ МИХАЙ I И РУКОВОДСТВО СССР. 1943–1944 годы

Проблема, обозначенная в заглавии, до сих пор остается малоразработанной в российской историографии, прежде всего из-за существовавшей ограниченности источниковой базы. Введение в последние годы в научный оборот новых до-

кументов из российских архивов, в частности, из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), позволяют рассмотреть некоторые ее аспекты, которые не получили отражения в исследованиях, в том числе и зарубежных авторов.

Время, когда царствовал румынский король Михай I, было весьма сложным, наполненным драматическими событиями с негативными последствиями как для самого монарха, так и для всего румынского общества. Михай I вступил на престол 6 сентября 1940 г. в условиях глубокого политического кризиса¹ в возрасте 18 лет в результате отстранения от престола его отца Кароля II военной хунтой во главе с генералом Ионом Антонеску. Последний возглавил фашистско-легионерское правительство, после подавления легионерского мятежа в январе 1941 г. стал единоличным правителем (кондукэторулом) румынского государства. Михай по сути был лишен реальной власти в стране.

В 1943–1944 гг., когда исход войны был предрешен победами Красной Армии на Восточном фронте, перед советским руководством встал вопрос о будущем послевоенном государственном устройстве Румынии. В тот период уже было ясно, что она войдет в сферу влияния СССР и его особых интересов в восточноевропейском регионе (см.: [1. С. 24, 31, 36]).

Вопрос о судьбе монархии в послевоенной Румынии активно обсуждался в Москве еще в конце 1943 – середине 1944 гг. В октябре 1943 г. в Комиссии НКВД СССР по подготовке проектов мирных договоров и послевоенного устройства во главе с заместителем Наркома иностранных дел СССР М.М. Литвиновым была составлена справка под названием “О будущем Румынии”. Ее подписали заведующий IV Европейского отдела НКВД СССР В.А. Зорин и старший референт отдела Н.Т. Федоров. Со ссылкой на позиции румынских эмигрантских кругов, находившихся в Великобритании и США, а также представителей правительств этих стран, авторы обосновывали целесообразность сохранения в Румынии конституционной монархии [2. Ф. 125. Оп. 33. П. 129. Д. 21. Л. 87–88].

Такой подход НКВД соответствовал общей концепции советского руководства в тот период: вопрос о пролетарских революциях и изменении государственного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на ближайшую перспективу не ставить [3]. В противном случае это неизбежно ухудшило бы отношения между СССР, Соединенными Штатами и Великобританией. Такой сценарий развития ситуации в условиях продолжающейся войны и сотрудничества с западными странами против гитлеровской Германии не устраивал советское правительство.

Что же касается кандидатуры будущего монарха, то в этом плане, как представляется, не было выраженных предпочтений. Рассматривались варианты сохранения находившегося на троне в период войны короля Михая I или замена его Каролом II.

Авторы справки отмечали, что среди румынской эмиграции “по вопросу о кандидатуре короля будущей Румынии имеются различные мнения... Румынский Национальный Комитет в Лондоне под руководством бывшего румынского посланника Румынии (В. Тиля. – *Т.П.*) выступает за то, чтобы на троне был восстановлен нынешний король Михай I... Позиция Англии в печати вы-

¹ Недовольство в обществе политикой Кароля II было связано с территориальными потерями Румынии в 1940 г., прежде всего Северной Трансильвании, которая под диктовку Гитлера и Муссолини по Второму Венскому арбитражу 30 августа 1940 г. отошла к Венгрии.

сказана не была... Ясно только, что Англия выступает против бывшего короля Кароля”, – читаем далее. “О планах США в отношении Румынии ничего определенного сказать нельзя” [2. Ф. 125. Оп. 33. П. 129. Д. 21. Л. 88–89, 99, 100].

В документе акцентировалось внимание и на других точках зрения. Приводилось, например, заявление бывшего коммерческого атташе Румынии в Лондоне Д. Матееску, который считал, что король Михай должен нести ответственность за участие страны в войне против союзников [2. Ф. 125. Оп. 33. П. 129. Д. 21. Л. 89], а также находившегося в США “Комитета свободной Румынии”, возглавляемого Леоном Фишером, который выступал “за возведение на престол короля Кароля”, “Союз защиты демократии” под руководством Кароля Давилы, сподвижника бывшего министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску, воспротивился этой кандидатуре.

Что же касается позиции самого короля Михая, то как следует из переписки английского посла в Москве Арчибальда Кларка Керра, располагавшего подобной информацией, и министра иностранных дел СССР В.М. Молотова, Михай I в условиях поражения Германии на восточном фронте, якобы, был готов покинуть Румынию и создать в нейтральной стране или на территории союзников “свободное румынское правительство”, поддерживающее антигитлеровскую коалицию. Однако и советская, и английская стороны в этом вопросе придерживались единой точки зрения о нецелесообразности подобной акции в виду ее бесполезности [2. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 29–35]. Основываясь на документальных источниках, в связи с этим следует отметить, что тогда ни король Михай, ни особенно его мать, греческая принцесса Елена, симпатии которой были на стороне Греции, не были активными сторонниками нацистской Германии.

Тем не менее, советское руководство, как свидетельствуют документы, не исключало возможности возвращения на трон и бывшего румынского короля Кароля II. Это также подтверждает и донесение наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии лично И.В. Сталину о содержании беседы, состоявшейся 22 мая с румынскими генералами – узниками советских лагерей для военнопленных “об их отношении к находившемуся в эмиграции бывшему румынскому королю Каролю и восприятию его со стороны различных политических кругов страны”. Так, со слов Л.П. Берии, «генералы Мазарини и Думитриу особо подчеркнули, что они будут сотрудничать с королем Каролем, но “только в том случае, если его будет поддерживать Правительство Союза ССР и что они отказываются действовать с ним, если короля будут поддерживать только Англия и США”. В то же время генерал Мазарини сказал, что возвращение короля Кароля в страну маловероятно... Его поведение в личной жизни (имеется в виду развод с королевой Еленой и любовная связь с еврейкой Еленой Лупеску), а также “его тенденции к диктатуре не дают мне возможности сохранить по отношению к нему искренние чувства”».

Кроме того, генералы опасались, что возникнет конфликт между отцом и сыном и особенно между Каролем II и его бывшей женой. По мнению же генерала Думитриу, король Михай в Румынии не имеет веса. “Это – ребенок без всякой власти. Михаилу придется покинуть страну, так как все политические партии, народ и армия поддерживать его не будут”.

Однако государственный переворот 23 августа 1944 г., главным действующим лицом которого стал Михай I, на короткий послевоенный период повлияли как на судьбу самого короля, так и монархии в целом. В этот же день по личному приказу Михая в его дворце был арестован Ион Антонеску. Румыния по-

рвала с гитлеровской Германией и перешла на сторону антигитлеровской коалиции. События развивались в условиях полного разгрома германских и румынских войск Красной Армией в ходе Ясско-Кишиневской операции и продвижения советских войск в глубь территории Румынии. Сложившаяся ситуация показывала, что иного выхода, чем тот, который Михай I избрал, у него не было. 26 августа 1944 г., по информации советского посла в Турции С.А. Виноградова, король заявил английскому офицеру де Шастелену, находившемуся до 23 августа в румынском плену, что “намерением его страны является установление прочных дружественных отношений в первую очередь с Советским Союзом без всякого посредничества прямо через Москву” [2. Ф. 0125. Оп. 32. П. 125. Д. 4. Л. 129].

В соответствии с восстановленным королевским декретом от 31 августа 1944 г. и Конституциями 1866 и 1923 гг. Румыния оставалась монархией. Однако она находилась в специфических условиях присутствия на ее территории частей Красной Армии и Союзной Контрольной Комиссии (СКК). За королем сохранялось право формировать правительство и подписывать декреты. Именно вокруг комплектования состава будущих правительств Румынии и назначения их премьер-министров развернулась впоследствии острая политическая борьба. Она достигла своей кульминации при отставке главы третьего по счету после 23 августа правительства генерала Н. Радеску и формирования нового прокоммунистического правительства во главе с лидером крестьянской организации “Фронт земледельцев” П. Грозой. Прямое вмешательство советских представителей и прибывшего в Бухарест в конце февраля 1945 г. заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского заставило Михая I 6 марта 1945 г. признать правительство легитимным. В нем представители компартии возглавили силовые министерства, а оппозиционные партии – Национал-царанистская (НЦП) и Национал-либеральная (НЛП) (до этого составлявшие большинство в предыдущих правительствах) – были по-сути оттеснены от власти. Король, таким, образом оказался подмятым советским руководством. Дело дошло до того, что в ответ “на просьбу” короля, решением Политбюро ЦК ВКП(б) по личному указанию И.В. Сталина к Михаяу были “прикомандированы” два офицера связи “хорошо подготовленные и знающие французский язык”, с целью “поддерживать непосредственный и постоянный контакт с СКК” [4. С. 135–136].

В то же время документы российских архивов показывают, что практически все политические деятели оппозиции, в том числе король и его окружение, не только находились в прямом и непосредственном контакте с советскими представителями, но и всячески подчеркивали свою лояльность советскому руководству, добивались его благосклонности и поддержки, что не мешало им сохранять связи с англичанами и американцами. У значительной части населения Румынии присутствовала определенная эйфория по поводу СССР, как державы-победительницы во Второй мировой войне.

Сам же король Михай пытался взять на себя роль объединяющего нацию фактора, что в условиях острейшего политического противостояния не всегда удавалось. Летом 1946 г. Михай I был награжден высшей наградой Советского правительства “Орденом Победы”.

Существенную роль в политической жизни страны играл субъективный фактор. Новый король был молод, увлекался спортом, опыта государственной деятельности у него практически не было; королевское окружение было неоднородным – с разными политическими пристрастиями, хотя и весьма существ-

венным влиянием на начинающего монарха. Это относили к лидерам партий (НЦП и НЛП), например, вошедшему в состав правительства П. Грозы в качестве министра иностранных дел Г. Татареску, а также другим политикам.

Находили пути для воздействия на короля и его окружение представители Великобритании и США в СКК в Румынии. Именно под нажимом Англии и США в августе 1945 г. разразился политический кризис, который получил название “королевской забастовки”. Король отказался подписывать указы правительства П. Грозы и требовал его отставки, что было поддержано англичанами и американцами на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) (сентябрь 1945 г.), потребовавшими признать правительство П. Грозы “непредставительным” и добиться его отставки. Кризис разрешился только в январе 1946 г., когда по решению Московского совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в правительство Румынии было введено по одному представителю от оппозиционных партий [4. С. 190–193].

Итак, документы российских архивов позволяют проследить многие неизвестные ранее аспекты взаимоотношений румынского короля Михая I, его окружения и советского руководства. В целом эти отношения, за исключением периодов политических кризисов, можно рассматривать как лояльные.

Есть основания утверждать, что вплоть до парламентских выборов 1946 г. и заключения мирного договора с Румынией в феврале 1947 г. советское руководство вопрос о ликвидации монархии в Румынии не ставило. Кардинальное изменение внутренней ситуации и международных условий к осени 1947 г., роспуск оппозиционных НЦП и НЛП, переход основных рычагов власти в руки коммунистов, развязывание “холодной войны” и обострение отношений между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции в борьбе за сферы влияния в Восточной Европе в конце 1947 г. создали условия для отстранения от власти в Румынии короля Михая и замены монархии республикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 1999. Т. 1. 1944–1948.
2. Архив Внешней Политики Российской Федерации.
3. Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999.
4. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.

© 2005 г. А. С. СТЫКАЛИН

ВОПРОС О ВЕНГЕРСКОМ МЕНЬШИНСТВЕ В РУМЫНИИ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ 1950-х ГОДОВ

Установление в Венгрии и Румынии к концу 1940-х годов коммунистических режимов и принадлежность обеих стран к одному военно-политическому лагерю, формировавшемуся под эгидой СССР, ускорили видимую нормализацию издавна отягощенных грузом трансильванской проблемы двусторонних отно-

шений, тем более, что в Москве явно не хотели раздувания конфликтов в стане своих союзников (о сути венгеро-румынских противоречий вокруг Трансильвании см.: [1–3]). Решив не в пользу Венгрии спорный вопрос о ее послевоенных границах, Парижский мирный договор 1947 г. был воспринят общественным мнением страны как дипломатическая неудача и все же не вызвал такого же шока, как Трианонский договор 1920 г., лишивший Венгрию около двух третей территории, принадлежавшей “короне святого Иштвана” и в эпоху австро-венгерского дуализма управлявшейся из Будапешта. Роль хортизма в войне оставляла Венгрии более чем слабые надежды на благосклонное отношение к своим притязаниям со стороны держав-победительниц и на признание ими правомерности хотя бы малой части территориальных приращений, осуществленных при поддержке фашистских Германии и Италии в 1938–1941 гг. Некоторые иллюзии новой венгерской политической элиты на получение небольшой приграничной полосы, питаемые прежде всего почти аналогичной ролью Румынии в войне, были полностью развеяны на Парижской мирной конференции вследствие последовательно прорумынской позиции сталинского руководства, отдававшего предпочтение прокоммунистическому правительству П. Грозы перед левоцентристским венгерским коалиционным правительством. Западные державы проявляли поначалу некоторую склонность пойти на уступки в пользу Венгрии, но в конце концов, разочаровавшись в возможности изменить вектор общественно-политического развития этой страны, поддержали позицию СССР в обмен на выполнение их требования о включении в правительство П. Грозы представителей двух ведущих оппозиционных партий. Заключение 24 января 1948 г. договора с Румынией явилось для Венгрии признанием не только status quo в вопросе о границах, но и компетенции правительства РНР в решении проблем почти двухмиллионного венгерского меньшинства.

Последующей внешней нормализации отношений двух стран не в последнюю очередь способствовал тотальный контроль венгерских коммунистов над прессой и общественной жизнью, с конца 1940-х годов позволявший пресекать любые публичные проявления ирредентистских настроений, способные вызвать неудовольствие Бухареста, а главное, Москвы. Более того, в угоду единству “народно-демократического лагеря” из венгерской прессы надолго исчезают сколько-нибудь критические замечания о национальной политике в Румынии.

Между тем, коммунистический режим в Румынии в полной мере унаследовал от своих правоавторитарных предшественников крайне щепетильное и настороженное отношение даже к самым умеренным проявлениям венгерского национализма в Трансильвании. Призрак великомадьярского ревизионизма, то и дело мерещившийся официальному Бухаресту, продолжал сказываться на отношениях двух стран. Так, в начале 1950-х годов румынская сторона опротестовала предполагаемое включение в подготовленное к изданию в Будапеште собрание сочинений великого венгерского поэта межвоенной эпохи А. Йожефа трех стихотворений, отразивших болезненную реакцию венгра на отторжение Трансильвании [4. 171 л.]. Еще более резкий отклик – демонстративный отзыв посла – вызвало выступление в прессе в 1955 г. писателя П. Сабо, выразившего аналогичные ностальгические настроения по поводу Трансильвании [4. 196–197 л.]. Как явствует из записки МИД СССР “О румыно-венгерских отношениях в связи с Трансильванией” (сентябрь 1956 г.), в 1954–1956 гг. румынский лидер Г. Георгиу-Деж неоднократно жаловался советским дипломатам на двусмысленные высказывания венгерских официальных лиц, включая руково-

дителя правящей партии М. Ракоши, дававшие якобы основания заподозрить их в непризнании послевоенных границ [5. Папка 191. Д. 38. Л. 56–60]. О том, насколько нежелательными считали в Бухаресте контакты этнических венгров Румынии со своими соотечественниками в ВНР, лучше всего говорит тот поразительный факт, что секретарь парторганизации одно время существовавшей в РНР Венгерской автономной области ни разу в жизни не был в Венгрии [6. С. 196–197].

Общественный подъем, развернувшийся в Венгрии под влиянием XX съезда КПСС, сопровождался публичной постановкой ряда ранее запретных вопросов, в том числе и о положении венгров в Румынии. Инициатива здесь принадлежала отнюдь не руководству партии, а его оппонентам из числа коммунистов-реформаторов. 9 сентября 1956 г. в главной партийной газете “Szabad Nép” была опубликована статья П. Панди “О наших общих делах”. Как отмечал публицист, “вопрос о румынских венграх оказался в списке щекотливых проблем, которые не принято поднимать и даже простое упоминание о которых может повлечь за собой обвинение в национализме. Боязнь оказаться заподозренным в национализме привела к какому-то подчеркнутому псевдоравнодушию по отношению к венграм”, живущим в других странах. Между тем, такое показное равнодушие к “извращениям сталинской эпохи” в национальной политике Бухареста не только оставляет нерешенными существующие проблемы, но и “дает пищу как венгерскому, так и романскому шовинизму”. В статье выражалось недоумение по поводу роспуска ряда общественных организаций румынских венгров, говорилось о необходимости оживления культурного обмена, ставился вопрос о восстановлении в Румынии ряда снесенных после 1920 г. памятников деятелям венгерской истории и культуры – Ш. Петефи на месте его гибели в 1849 г., “арадским мученикам” (героям революции 1848–1849 гг., казненным в г. Араде после ее подавления). Культура румынских венгров в статье называлась органической частью современной венгерской культуры.

Статья Панди вызвала крайне негативную реакцию румынского руководства, квалифицировавшего эту публикацию как “открытый призыв к ревизии вопроса о Трансильвании” [7]. Во избежание более шумных демаршей со стороны Бухареста венгерским лидерам пришлось на соответствующей пресс-конференции отмежеваться от позиции, прозвучавшей со страниц главной партийной газеты [5. Папка 188. Д. 10. Л. 179]. С немалой настороженностью публикация была воспринята и в Москве, где явно опасались возникновения трещины в социалистическом содружестве. В докладной МИД СССР в ЦК КПСС отмечалось, что появление статьи не случайно, а свидетельствует “о наличии серьезных националистических тенденций в отношении Трансильвании среди некоторых слоев венгерского населения и прежде всего в кругах венгерской интеллигенции” [5. Папка 191. Д. 38. Л. 55]. В качестве дополнительного примера в донесениях советских дипломатов приводились высказывания некоторых венгерских коммунистов (иногда высокопоставленных) о том, что Будапешт, якобы имеющий право на Трансильванию, лишили ее только “в наказание” за незавидную роль Венгрии как последнего сателлита фашистской Германии, позже других ее европейских союзников вышедшего из войны.

Перемены в Венгрии, наглядно проявившиеся в оживлении общественного интереса к положению соотечественников в соседних странах, были восприняты руководством РНР как угроза, оно не было склонно даже к самым робким шагам по пути реформ и боялось не только “заражения” румынской интелли-

генции идей либерализации социализма, но и активизации движения венгерского меньшинства за обеспечение своих прав. Стремясь оградить страну от нежелательных либеральных веяний, Г. Георгиу-Деж и его окружение стали наращивать обороты массивной пропагандистской кампании, игравшей на антивенгерских настроениях части населения, вызванных мнимыми опасениями ирредентизма. Своего апогея эта кампания достигла с началом венгерского восстания 23 октября, заставившего румынских лидеров принять широкий комплекс мер по нейтрализации его влияния. Дабы избежать волнений среди студенчества – одной из самых динамичных и политически активных социальных прослоек – приостанавливались занятия в университетах. Усилился пограничный контроль. Войска были приведены в состояние повышенной боеготовности. В целях координации действий, направленных на подготовку должного отпора оппозиционным выступлениям в самой Румынии, был создан особый чрезвычайный орган во главе с влиятельным членом Политбюро ЦК РРП министром обороны генералом Э. Боднэрашем (его заместителем был будущий партийный лидер Н. Чаушеску). В ряде городов приступили к формированию “рабочих дружин” из преданных режиму коммунистов.

Требования нормализации положения венгров в Трансильвании занимали более чем периферийное место в программных заявлениях венгерской революции. В самой Румынии среди участников подпольного венгерского национального движения идеи независимой Трансильвании (и реже, присоединения Трансильвании к Венгрии) имели некоторое распространение, однако не они определяли суть выступлений демократической оппозиции. Вопреки усилиям официальной пропаганды солидарность с борьбой восставшей венгерской молодежи за национальный суверенитет проявляли не только трансильванские венгры, но и румыны, подвергнутые за это нещадным репрессиям. Принятие властями жестких мер сочеталось вместе с тем с определенными уступками в целях умиротворения масс – так, в ноябре 1956 г. Великое Национальное собрание РНР объявило об отмене прежних социальных ограничений при участии в выборах органов власти.

1956 год положил начало процессу формирования румынской модели “национального коммунизма”, сочетавшей жесткую внутреннюю политику со стремлением к более независимому внешнеполитическому курсу, пересмотру характера отношений между Бухарестом и Москвой. Это стремление имело мало общего с идеями национально ориентированных венгерских коммунистов-реформаторов из окружения Имре Надя. Явно не принимая проектов демократического обновления социализма, команда Дежа видела в большей независимости Румынии лишь средство сохранения и упрочения собственной власти. Недовольный XX съездом КПСС и смертельно напуганный венгерским восстанием, Георгиу-Деж стал все более целенаправленно создавать механизмы противодействия влиянию извне, больше заботиться о расширении поля для самостоятельных маневров на тот случай, если либерализация социализма в других странах (в первую очередь, конечно, в СССР) пойдет настолько далеко, что составит угрозу властным позициям румынского руководства. Эта линия дополнялась сохранявшейся установкой на то, чтобы постоянно демонстрировать Москве прочность “социалистических завоеваний” в Румынии. Жесткие репрессии, предпринятые правящим режимом внутри страны против тех, кто выразил симпатии венгерской революции, были призваны показать советским лидерам: за Румынию они могут быть спокойны, там существует прочная

коммунистическая диктатура (это обстоятельство было принято во внимание, когда Советский Союз в 1958 г. осуществил вывод войск из Румынии, включив эту акцию в пакет своих мирных инициатив, адресованных Западу).

Начатый Дежем курс после 1965 г. был продолжен и закреплен Н. Чаушеску. По справедливому замечанию Н. Калашниковой, “политика особого внешнеполитического курса стала на деле не более, чем выражением национально-эгоизма как средства поддержания устоев прежних государственно-партийных институтов” [8. С. 207].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.
2. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. М., 2000.
3. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004.
4. Magyar Orszagos Leveltar. 276 f., 333 o.e.
5. Архив внешней политики РФ. Ф. 077. Оп. 37.
6. “Любям свойственно ошибаться”. Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 5–6.
7. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 484. Л. 37.
8. *Калашникова Н.Ю.* Румыния 1989: конец “золотой эпохи” // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.). М., 1991.

© 2005 г. А. Б. ЕДЕМСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИСОВЕТСКИХ ОЦЕНОК РУКОВОДСТВА ЮГОСЛАВИИ: ОТ КРИТИКИ “СТАЛИНСКОЙ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ДЕСПОТИИ” К “СЕКРЕТНОМУ ДОКЛАДУ” Н. ХРУЩЕВА (1950–1956 гг.)

Негативное отношение к общественно-экономической системе Советского Союза сформировалось в югославской общественной мысли на поздних стадиях советско-югославского конфликта 1948 г. Отказ югославского руководства от развития страны по советской модели в начале 1950-х годов потребовал рационального объяснения причин конфликтных отношений с советским блоком, которые стали находить в искажении советским руководством (прежде всего Сталиным) марксистско-ленинского учения, приведшем к серьезным деформациям в развитии СССР. Наиболее последовательный и обстоятельный разбор советской системы был сделан М. Джиласом в нескольких статьях и лекциях, объединенных в 1950 г. в брошюре “Современные темы”. Их автор, “человек в КПЮ с партбилетом под № 4”, ответственный за агитационно-пропагандистскую работу, доказывал, что в СССР сложился государственный капитализм, управляемый “иерархически дифференцированной кастой бюрократов” и призывал к

продолжению “творческого применения марксизма-ленинизма в югославских условиях” [1. С. 18–20, 45]. Во время VI съезда Коммунистической партии Югославии (КПЮ)–Союза коммунистов Югославии (СКЮ) (ноябрь 1952 г.) позиция Джиласа получила широкую поддержку во многих выступлениях, а в резолюции форума отмечалось, что “Советский Союз играет роль новой агрессивной империалистической силы, претендующей на мировую гегемонию” [2. С. 276].

Весной 1953 г. в Югославии с неподдельным интересом регистрировали малейшие изменения в советской действительности. 9 марта в Белграде получили телеграмму из посольства Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) в Москве, в которой сообщалось о складывающемся “впечатлении, что Сталин начал мешать как только умер” [3. D. 1. 45300]. В донесениях из посольства в Москве и аналитических справках внешнеполитических служб (разведка была с ними тесно интегрирована) давались развернутые характеристики действий постсталинского руководства. Особое внимание привлекали такие его крупные шаги, как пересмотр “дела врачей”, массовая амнистия, кадровые перестановки в центральном аппарате и в республиках, структурные реформы в органах власти, внешнеполитические меры и т.п. Действия “коллективного руководства” Советского Союза воспринимались как “следствие реалистичной оценки положения, которое может быть исправлено только... ослаблением оков, наложенных на народ в период сталинской деспотии”. Предполагалось, что оно “... желает отмежеваться от тех самых непопулярных методов, повседневно применявшихся во время правления Сталина”. Вместе с тем указывалось на поверхностный, “фасадный” характер изменений, происходящих “только там, где дело идет о методе, о тактике...”, и предсказывалась неизбежность глубоких перемен, ибо “потребности, желания и стремления сохранить суть бюрократического антисоциалистического общественного строя СССР” находятся в противоречии с “объективными возможностями режима ... предотвратить противодействие экономических и общественных факторов, возникающих постоянно из переполняющих строй противоречий” [3. D. 9. 46644]. В большинстве случаев, при характеристике событий в СССР в основном применялись термины “деспотия Сталина”, “советская бюрократия”. Термин “сталинизм” употреблялся только в тех документах, создатели которых были знакомы с новейшими работами ведущих западных советологов (Дж. Кеннана, И. Дейчера и др.) и нередко, так как материалы шли с пометкой “для внутреннего пользования”, заимствовали из них идеи или даже целые абзацы, не затрудняя себя соответствующей ссылкой.

Необходимость официальной оценки высшим руководством Югославии заговора в Президиуме ЦК КПСС против Л. Берия 26 июня 1953 г. заставила югославских экспертов глубже оценить ход событий в Советском Союзе с марта по июнь 1953 г. Авторы соответствующей записки называли период с марта до конца июня той фазой в политической эволюции СССР после Сталина, когда “сторонники реформы внутри страны и примирительного отношения к загранице были сильнее”, а “закоренелые сторонники сталинизма и противники ослабления международной напряженности были вынуждены оставлять одну позицию за другой”. По мнению авторов, Берия “в последний период своей деятельности представлял удивительный парадокс полулиберального шефа полиции в тоталитарном государстве”. При этом они выразили сомнение в представленной советским руководством трактовке его устранения, проведенного по схеме “классического водоворота” сталинских чисток 1930-х годов: “Обви-

нения против Берии были полны абсурдных и демонических преувеличений, стремившихся убедить, что человек, которому была доверена внутренняя безопасность России во Второй мировой войне – агент иностранного империализма”. Впрочем, многочисленные изменения в Советском Союзе в первые месяцы после смерти Сталина в Белграде не связывали исключительно с деятельностью Берии, считая, что и после 26 июня там “не исчезли те силы, которые принудили правящую группу к проведению реформ” и “...никакие дворцовые интриги, никакие удары или контрудары, ни даже кровавые чистки не могут устранить эти основные факторы, продолжающие действовать вопреки инерции сталинизма ... Настроения общественности и требования общества рано или поздно вновь откроют дорогу к реформам” и очередные реформаторы будут удачнее, чем их предшественники “в либеральной атаке 1953 г.” [3. D. 7. 418221].

В другом аналитическом материале, формат которого дает основания полагать, что он готовился в аппарате внешнеполитического ведомства ФНРЮ для высшего руководства страны, были особо перечислены изменения в СССР весны 1953 г. В частности, отмечалось, что “ситуация после смерти Сталина требовала или поддержания режима посредством усиленного террора, или обещания радикального смягчения полицейской системы”. Развитие событий пошло по второму пути, когда “...велась борьба против культа личности ... указывалось на необходимость использования научных достижений Запада”. Дезавуирование Сталина, – отмечалось в записке, – началось с отбрасывания его схемы руководства государством и партией, развертыванием борьбы против культа личности посредством “коллективного руководства”, в тезисах ЦК проведен пересмотр истории ВКП(б), принят ряд мер прямо противоположных позиции Сталина во внешней и внутренней политике, к числу которых авторы документа относили и “нормализацию” отношений с Югославией [3. D. 8. 418227].

19 июля 1953 г. в выступлении Э. Карделя, наиболее влиятельного после Тито руководителя ФНРЮ, была дана официальная оценка событий в советском лагере. Намеренно упустив тот факт, что Берия возглавил НКВД только в самом конце 1938 г. и не занимался оперативным руководством силовыми ведомствами после 1945 г., сконцентрировавшись на организации проектов, обеспечивших мощный технологический прорыв Советского Союза на передовых направлениях мировой науки и практики, Кардель связал вместе сталинский режим, Берию и усиление с марта 1953 г. МВД СССР. “В царстве сталинского бюрократического деспотизма... социалистические силы становятся все активнее и начинают ломать стену государственного капиталистического деспотизма”, – констатировал он, назвав устранение Берии “падением НКВД – столпа тирании Сталина”. Оговорив, что вне зависимости от “целей, которые преследуют Маленков и люди его группы, до какого предела они пойдут и будут ли вынуждены перейти к разрушению сталинской системы”, Кардель назвал “позитивным уже то, что новые люди не могут укрепиться во главе государства иначе, чем в результате подрыва НКВД – опоры сталинского деспотизма”. Варианты дальнейшего развития событий, согласно Карделю, зависели от выбора новым советским руководством опоры для своих действий: “...или новое НКВД и военная клика, или трудящиеся массы. В первом случае кризис системы будет только углубляться и обостряться, во втором – неизбежны уступки трудящимся и большая демократизация” [4. 1953. 20 VII].

Тезис о возможности демократизации советской тоталитарной системы получил дальнейшее распространение в югославском руководстве в конце 1953 г.

после подготовки в аппарате ЦК СКЮ реферата книги западного советолога И. Дейчера “Россия после Сталина”, где приводились три вероятных варианта развития СССР: возвращение к сталинистской форме диктатуры; установление военного режима; “демократическая регенерация”, определяемая автором как “постепенная эволюция режима к социалистической демократии через отказ от практики правления, при которой все полномочия и вся полнота принятия решений находятся в руках одного вождя”. В работе делался вывод, что развитие событий пойдет по среднему пути, “где-то между военной диктатурой и демократической эволюцией” [5. 119/II–36].

Решение о “политическом устранении” Джиласа на заседании Исполкома ЦК СКЮ 12 января 1954 г., в ходе которого его взгляды на СССР даже не упоминались [5. III/62a], и его осуждение на пленуме ЦК СКЮ (16–17 января 1954 г.) привели к первому серьезному (хотя и полуопосредованному) контакту между руководителями двух партий и стран, состоявшемуся в виде встречи В. Молотова с послом ФНРЮ в Москве Д. Видичем 21 января 1954 г. Подтекст беседы для советской стороны заключался в том, что именно Джилас был самым последовательным и глубоким критиком советской системы и ее проявлений. Видич с оговоркой (“лично от себя”), но применяя местоимение “мы”, означавшее в том контексте югославское руководство или ЦК СКЮ, заметил, что “нам не нравились идеи Джиласа и тот путь развития, который он предлагал для Югославии. Именно по этой причине его идеи были недвусмысленно и решительно осуждены Центральным Комитетом коммунистической партии Югославии”. Молотов не задал собеседнику вопрос о том, нравилась ли ЦК СКЮ критика Джиласом советского устройства, и, вместо более глубокого выяснения взглядов югославской стороны на возможность ее отказа от жестких формулировок в отношении советской системы, свел окончание беседы к скрытой пикировке [6]. Неизменность югославской позиции была подтверждена Тито на пленуме ЦК СКЮ в марте 1954 г., где он использовал для характеристики СССР все определения времен конфликта и VI съезда СКЮ [5. II/12 L. 7, 161]. Эта часть его речи без какой-либо редактуры появилась в югославской печати [4. 1954. 31 III].

Несмотря на это советское руководство после затянувшихся дискуссий в мае–июне 1954 г. в первом письме к ЦК СКЮ от 22 июня 1954 г. предложило югославской стороне урегулировать отношения между КПСС и СКЮ, объяснив конфликт 1948 г. действиями Джиласа и Берии [5. 119/I–48].

При обсуждении письма ЦК КПСС на заседании Исполкома ЦК СКЮ 19 июля 1954 г. было выдвинуто два варианта действий: и предложение урегулировать межгосударственные отношения, но “ни в коем случае не признавать, что они марксисты и социалисты”, и более гибкий вариант Карделя, считавшего необходимым продолжить критику “бюрократической государственно-капиталистической системы”, но “пойти на нормализацию межгосударственных отношений, не отказываясь от сотрудничества с КПСС, ибо мы сотрудничаем с разными социалистическими партиями”. Выслушав предложения, Тито уклонился от конкретизации и лишь заметил, что “в СССР существуют скрытые социалистические силы. Процесс заметен, и в нем следует играть некоторую роль” [5. III / 62-a].

В ответе Исполкома ЦК СКЮ 11 августа 1954 г. на первое письмо ЦК КПСС проявилось стремление югославского руководства навязать понимание теоретических корней конфликта 1948 г. как неизбежного порождения советской системы. В Белграде пытались уйти от персональных оценок, указав, что причины разрыва не заключались в действиях отдельных лиц, к примеру Джиласа,

“роль которого в нашем руководстве никогда не была решающей”. Ссылка в послании на решения последних съездов югославских коммунистов, с одной стороны, подтверждала их приверженность социалистическому выбору (упоминание V съезда), а с другой – показывала, что причины конфликта, по мнению авторов письма, заключались во внутреннем устройстве Советского Союза и его внешней политике. Общим примирительным тоном авторы письма оставили адресатам надежду на дальнейшее обсуждение темы, ибо в этот момент для югославских лидеров главным было не признание Москвой ответственности Сталина за конфликт, но согласие советских лидеров с социалистическим характером режима в Югославии. По всей вероятности, строки письма от 22 июня о том, что отношения между КПСС и СКЮ должны развиваться на основе “принципов марксизма-ленинизма и принципов невмешательства во внутренние дела”, явились достаточно привлекательной приманкой, которую забросил югославам Хрущев. Поэтому в тексте ответа появились слова о том, что руководство Югославии “принципиально не против контакта между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, так как СКЮ никак не отвергает сотрудничество с теми организациями и движениями, которые хотят бороться за мир и взаимодействие между народами, а тем более он не отвергает сотрудничество с социалистическими движениями и партиями” [5. 119/1–50]. Данное высказывание было свидетельством существенного изменения в отношении югославского руководства к советскому режиму, несмотря на то, что КПСС не была названа коммунистической партией.

В ходе начавшихся личных встреч представителей двух стран и партий (в декабре 1954 г. и мае–июне 1955 г.) дискуссия от общих концепций постепенно свелась к характеристике деятельности Сталина. На первой такой конфиденциальной встрече, состоявшейся в декабре 1954 г. во время пребывания в Москве югославской торговой делегации во главе с М. Тодоровичем, советские руководители почти в полном составе тайно приехали в Посольство ФНРЮ. Хрущев как будто не был знаком с ответным письмом ЦК СКЮ от 11 августа, повторил уже отвергнутую Белградом аргументацию. “У вас был свой Джилас, у нас – Берия. Сейчас мы расправились с ними и имеем все возможности объединиться в единый социалистический фронт”, – заявил Первый секретарь ЦК КПСС. В ответ Тодорович решительно возразил: “Социалистический фронт мы понимаем различно, включая туда тех ... кто за социализм, но не приемлет социализм сталинистского типа”. Услышав это, Хрущев вскопчил и, как показалось участникам встречи, почти прокричал: «нет понятия “сталинизм”. Сталин был ленинец! Мы, все здесь присутствующие, были его соратниками и учениками. Он жил и умер как коммунист! Мы с ним вместе выстоим или пропадем!» [7. С. 122].

Тема Сталина и сталинизма стала камнем преткновения между сторонами во время визита советской делегации в Югославию в мае–июне 1955 г., когда Хрущев то продолжал играть роль “сталинского сокола”, произнося гневные речи в защиту Сталина в Любляне и Загребе, то (как, например, во второй день переговоров в Белграде) неожиданно соглашался с тезисом о его ошибках вследствие болезни [8. С. 460–461]. В устном отчете о визите на заседании Президиума ЦК КПСС 6 июня 1955 г. Хрущев уверял коллег в непреклонности жесткой позиции делегации: “И о Сталине сказали (Сталина не допустим ронять)” [9. С. 48].

Несмотря на безмерное упорство Хрущева в вопросе о Сталине, югославское руководство было последовательно в проведении заявленного Й. Броз Тито 19 июля 1954 г. курса на поддержку антисталинских сил в СССР. Высказывания высшего руководства ФНРЮ и СКЮ, как на публике, так и на закрытых заседаниях ЦК СКЮ и в конфиденциальных встречах с представителями Запада, были выдержаны в едином ключе. В частности, даже в отчете госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса Президенту США Д. Эйзенхауэру 7 ноября 1955 г. о встрече с Тито было отражено мнение югославского лидера о том, что Булганин и Хрущев, в отличие от Сталина, стараются проводить новую и более приемлемую политику, но “в Советском Союзе сохраняется вязкая сталинистская среда, состоящая из тех, кто заражен в молодости сталинизмом”, что сохраняет “опасность их победы и возобновления жесткой политики” [10. Р. 698–699].

Ознакомление югославской стороны с “секретным докладом” XX съезду КПСС, полученным послом Видичем от Хрущева вскоре после его прочтения, придало эволюции югославских взглядов на СССР новый импульс. 15 марта 1956 г. Й. Броз Тито определил общую позицию: не следует из ложной скромности отречься от “своей позитивной роли... в прелюдии к тому, что сейчас там происходит... Мы можем смело утверждать, что Югославия сыграла решающую роль в разрушении старой системы”. Вместе с тем Тито указал на тенденцию замалчивания в докладе этой роли Югославии, посчитав, что в Москве “желают нашу роль оспорить” [5. II/14].

Как свидетельствует протокольная запись заседания Исполкома ЦК СКЮ 2 апреля 1956 г., Тито последовательно повторил свой подход, подводя итог последних двух лет: “В отношениях с СССР мы не ошиблись в нашей ориентации на то, чтобы с самого начала помогать антисталинистским силам, которые пошли на соглашение с нами”. Напомнив о “некоторой настороженности”, появившейся после визита советской делегации в мае–июне 1955 г. (не называя ее причин, но имея в виду, очевидно, резкие высказывания Хрущева в защиту Сталина), Тито посчитал, что после XX съезда ситуация изменилась. “Нам совершенно ясно, что дело не в маневре и тактике со стороны русских, а в их внутривнутриполитической потребности. Необходимо оказать поддержку группе Хрущева, – заметил он. – Они находятся в сложном положении и внутри страны сталкиваются с сопротивлением бюрократии”. Ввиду этого Тито подчеркнул, что сдержанная политика Югославии в отношении СССР на руку “бюрократическим сталинистским силам в СССР” [5. III/66]. Непосредственным следствием этого взгляда стали подтверждение решения о визите Тито в Советский Союз и восстановление официальных отношений между СКЮ и КПСС в июне 1956 г., закрепленное Московской декларацией, победной для Хрущева по форме, но с сохранением всех оговорок, выгодных югославской стороне, по сути.

Для югославского руководства “секретный доклад” Хрущева XX съезду не имел определяющего значения (как по его теоретической оснащенности, так и в связи с тем, что он не был опубликован в СССР до конца 1980-х годов). Несмотря на то, что после 1956 г. в официальных оценках советского режима были опущены все полемические формулировки (включая тезисы VI съезда СКЮ), возникшие в ответ на обвинения в резолюциях Коминформа 1948–1949 гг., югославская политическая элита до конца 1980-х годов продолжала придерживаться прежних подходов, открыто заявляя об этом лишь в кризисные периоды двусторонних отношений, как правило, через высказывания отдельных публицистов и журналистов.

1. *Джилас М.* Савремене теме. Београд, 1950.
2. Борба комуниста Југославије за социјалистичку демократију. VI конрес КПЈ (Савеза комуниста Југославије). Београд, 1952.
3. *Diplomatski arhiv Sekretarijata inostranih poslova.* Beograd. Politicki arhiv. 1953. SSSR-F84.
4. “Борба”. Белград.
5. *Arhiv Jugoslavije (Beograd).* F. 507. IX.
6. Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 109–110.
7. *Osolnik B.* Med svetom in domovina. Spomini 1945–1981. Maribor, 1992.
8. *Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955.* Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999.
9. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновыи протокольные записи заседаний. Стенограммы.
10. *Foreign Relations of the United States, 1955–1957.* Washington, 1989. Vol. XXVI.

© 2005 г. *И. В. АНУФРИЕВА*

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ХОРВАТИИ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ В 60–70-х ГОДАХ XX ВЕКА

Период 60–70-х годов XX в. в истории Социалистической республики Хорватии (СРХ) имеет несколько устойчивых характеристик. В начале 1970-х годов в документах Центрального Комитета Союза коммунистов Хорватии (ЦК СКХ), Центрального Комитета Союза коммунистов Югославии (ЦК СКЮ), президиумах данных организаций, в заявлениях И.Б. Тито события в этой республике характеризовались как “разгул национализма”. Позднее утвердилось название “Маспок”, что в переводе с хорватского языка означает “массовое движение”. В начале 1990-х годов стали говорить о “хорватской весне”.

В национальной историографии очень часто добавляют “так называемый Маспок”. Такое понятие не в полной мере устраивает исследователей. Долгое время считалось, что “Маспок” выражал все то, что происходило в Хорватии в 60–70-е годы XX в. Сейчас, спустя десятилетия, в свете новых данных и новых подходов к исследованию стало актуальным уточнение этого понятия. Всесторонний анализ дает основание назвать процессы в Хорватии в тот период “национальным движением”, подчиненным задаче расширения элементов хорватской государственности.

В связи с путаницей в определениях, возникали сложности при выявлении участников “Национального движения”. Я считаю, что оно складывалось из нескольких составляющих:

Во-первых, непосредственно сам “Маспок”. Его участники – представители интеллигенции, общественные и политические деятели, выступавшие с программой глубоких преобразований в Хорватии, вплоть до ее полного суверенитета.

Вторая составляющая “Национального движения” – часть хорватского руководства, которая симпатизировала национально настроенным реформаторам и поддерживала их. Правда, делала она это по-своему, стараясь не выходить за границы партийной дозволенности.

Третья составляющая “Движения” – радикальные националисты, которые официально не поддерживали “Маспок”, часто выступали с его критикой, но при этом использовали его национальную направленность в своих целях.

К четвертой составляющей “Движения” относятся эмигрантские круги, которые многие хорватские авторы называли наиболее яростными и жесткими. Эта часть движения занималась конкретной антигосударственной деятельностью. Представители эмиграции тесно взаимодействовали с хорватскими националистами, оказывали им финансовую помощь, поддерживали и развивали националистические идеи на страницах зарубежной прессы.

И, наконец, пятая составляющая “Национального движения” – молодежное движение. Руководство Хорватии, особенно участники “Маспока”, призывали молодые кадры к большей активности и сотрудничеству. Эта составляющая “Движения” была наиболее радикальной, она поддержала и планы “Маспока”, и лозунги националистов.

К важным источникам по истории Хорватии начала 1960-х годов относится сборник документов “Югославия в Хорватии” [1], в котором подробно описано расширенное заседание Комиссии ЦК СКХ по вопросам истории. Благодаря этим новым данным, есть основание рассматривать начало важных процессов в общественной и политической жизни Хорватии в более широких временных рамках, а именно, с конца 1963 г., а не с 1967 г., как это делалось раньше.

На рубеже 1963–1964 гг. ЦК СКЮ обратился с просьбой выработать замечания ко второму изданию “Очерков истории СКЮ”. В заседании приняли участие самые влиятельные и уважаемые представители партии: Владимир Бакарич, председатель правительства и Исполнительного веча Сабора, а с 1953 г. – председатель Сабора Народной Республики Хорватии (НРХ) и председатель Социалистического Союза трудового народа Хорватии (ССТНХ); Анка Берус, член Исполнительного веча Союзной Народной скупщины, член ЦК; Марко Белинич, член Центрального веча Союза профсоюзов Югославии, депутат Народной скупщины; Родолюб Чолакович, председатель правительства до 1948 г., с 1953 г. – член Исполнительного Союзного веча и многие другие. Впервые после окончания войны была поднята тема исторического развития хорватов в составе Югославии, которая раньше не звучала или намеренно замалчивалась. По сути, это была попытка пересмотреть уже, казалось бы, устоявшиеся стереотипы и сместить акценты, например, роли Мачека и Цветковича в хорватской истории. Члены Комиссии попытались поставить под сомнение факт предательства со стороны этих людей, выдвигались предложения полностью их реабилитировать.

Так, М. Цветкович, председатель Союзного Веча Народной скупщины, заявил: “Договор Цветкович–Мачек можно подвергнуть объективной исторической критике, но одно точно, что это было судьбоносное событие в предвоенное время. Договор о разделении полномочий между хорватской и сербской буржуазией раньше оценивался как реакционный, и после войны сохранилась его негативная оценка. Однако не нужно забывать, в каких условиях и почему был принят этот пакт, под каким давлением, во время каких событий, в условиях войны, католизации населения и, наконец, обновления и усиления влияния Коммунистической партии” [1. С. 36–37]. Такие заявления стали основой для пересмотра Соглашения 1939 г. Появилась ностальгия по политическим успехам хорватов в рамках Югославии.

И. Рукавина, представитель министерства обороны, глава Высшей военной академии, заявил, что Мачека “вынудили взять власть... и заставили провозгласить независимую Хорватию”, но он, якобы, отказался выполнить такое требование. Это была очень серьезная коррекция устоявшихся представлений.

Еще дальше пошел Ф. Туджман, возглавлявший с 1961 г. Институт истории рабочего движения (ИИРД). Он настаивал на том, что политику Цветковича–Мачека нужно рассматривать в реальном международном контексте. Туджман обращал внимание на существование пакта между Германией и СССР. “Это первое правительство находилось под давлением международных событий и внутренних обстоятельств”, – утверждал он [1. С. 49]. Стремление к обобщению исторических событий, рассмотрение их в глобальном масштабе, апелляция к общеевропейским и мировым процессам и, как результат, недостаточное внимание, а часто и просто искажение конкретных исторических фактов, становятся традиционными для хорватской националистической историографии. Подобная тенденция сохранилась и в последующий период.

На заседании Комиссии сложилась очень напряженная обстановка. Текст стенограммы отражает атмосферу обсуждений. В частности, В. Бакарич, представлявший высшее руководство Хорватии, постоянно прерывал Ф. Туджмана, не давая ему закончить фразы, резко переводил разговор на другую тему, ограничивал время обсуждения того или иного вопроса. 25 лет спустя Туджман охарактеризовал ситуацию так: “Вокруг Института собрались революционеры – И. И. Рукавина, В. Холевац, И. Шибл, П. Грегориц из далматско-чиновничьих кругов. Это было расценено как создание параллельного ЦК” [1. С. 144].

На заседании также была предпринята попытка пересмотреть роль ХКП в истории Хорватии, поставить под сомнение право на исключительную роль КПЮ в политической жизни общества. Сербский автор Г. Бабиц считает, что ХКП в период до 1929 г. была “бесспорной ведущей силой хорватского народа”. В то время как КПЮ находилась на нелегальном положении, была ослаблена и “занимала неправильную позицию” в отношении национального вопроса [1. С. 176]. В. Бакарич в процессе работы над дополнениями к “Очеркам истории СКЮ” заявил: “Я уверяю, что в 1937 г., когда мы создавали КПХ, никакого определенного направления, отдельной программы, ни по крестьянскому, ни по национальному вопросу, у нас еще не было, кроме того, что требовалось ее создать. Новая партия полностью копировала ХКП” [1. С. 121].

Возвеличивание роли национальной хорватской партии, обсуждение национального вопроса привели в начале 1960-х годов к идеализации исторического прошлого хорватов и поиску примеров унижения, притеснения и оскорбления, в основном, с сербской стороны. Ш. Шенович попытался выделить исключительный вклад хорватов в народно-освободительную войну: “Борьба за освобождение в Хорватии началась уже в 1942 г. В то время, когда освободительная борьба в Сербии, Черногории, Герцеговине была в стагнации. Хорватия со Словенией и Боснией стала центром народно-освободительной войны и социалистической революции во всей Югославии” [1. С. 129].

Напряжение нарастало с каждым выступлением. Я.И. Блажевич заявил, что хорватский народ долгое время угнетался и что у сербских коммунистов не было никаких проблем, кроме классовых, в отличие от хорватских коммунистов, которым предстояло решать еще и национальный вопрос. В. Бакарич согласился с тем, что до войны тот являлся “единственным нерешенным вопросом” в Югославии, но при этом добавил, что “необходимость противостоять фашизму

в Европе определила интернациональные задачи и не принимала во внимание внутреннее положение вещей в самой Югославии” [1. S. 29]. Он сумел свести к минимуму обсуждение национального вопроса, а на попытки сотрудников ИИРД озвучить его вновь заявил: “Институт в Загребе, которому благоволит ЦК СКХ, является представителем националистических взглядов. Это наша самая точная его оценка” [1. S. 98].

В газетах о заседании Комиссии ЦК СКХ по вопросам истории не сообщалось. Только через несколько дней в “Комунисте” появилась статья М. Груич “Националистический поворот Института” с критикой позиции сотрудников. Г. Бабич в своем сборнике документов “Югославия в Хорватии” привел слова З. Бркича, секретаря ЦК: “Впервые случилось, что Бакарич остался в меньшинстве. Он этого не простит” [1. S. 146]. Для В. Бакарича и его сторонников глубокий пересмотр истории Хорватии в явном националистическом контексте стал неожиданностью. Позднее подводя итоги событиям в Хорватии, он отмечал, что рост национализма начался еще в 1952 г., но “особенное его усиление произошло в начале 60-х годов” [2. S. 218].

В последующие годы националисты использовали в основном периодические издания. Эта встреча – один из немногих примеров выражения позиции националистов в Хорватии после 1945 г. по вопросам исторического развития, роли хорватов в истории Югославии. Ход, атмосфера и результаты этого заседания, учитывая дальнейшие события в Хорватии, дают основание полагать, что обсуждение вопросов истории стало началом “Национального движения” 60–70-х годов XX в. в Хорватии, и непосредственными его участниками, в первую очередь, выступили представители высшего республиканского руководства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Babič G. Jugoslavija u Hrvatskoj. Beograd, 2000.*
2. *Bakarič V. Društvene klase, nacija i socijalizam. Zagreb, 1976.*

© 2005 г. *Е. Ю. ГУСЬКОВА*

В. КОШТУНИЦА – ЛИДЕР НОВОЙ ЮГОСЛАВИИ (СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ) ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Конец XX – начало XXI в. ознаменованы на Балканах бурными событиями, связанными с распадом многонациональной федерации, созданием новых государств. В условиях знаковых перемен в ряде республик появились новые политические лидеры, в некоторых – старые кадры возглавили демократические преобразования. В Сербии среди новых лидеров выделился Воислав Коштуница, за которого в 2000 г. проголосовало более половины избирателей как за нового президента республики.

Биография Воислава Коштуницы не богата событиями. Он родился в марте 1944 г. в Белграде в семье юриста, пошел по стопам отца и закончил юридический факультет в 1966 г. В 1970 г. защитил кандидатскую, а уже в 1974 г. – док-

торскую диссертацию. Работал на юридическом факультете Белградского университета, в Институте общественных наук, Институте философии и общественной теории. Его работы посвящены вопросам конституционного права, политической теории и философии. В. Коштуница активно занимался наукой, был членом редколлегий и главным редактором ряда научных журналов, таких как: “Философия и общество”, “Теория” и др. Никогда не был членом Союза коммунистов Югославии. В 1980-е годы вместе с оппозиционерами Д. Чочичем, К. Чавошким и другими вошел в Комитет защиты свободы мысли и высказываний.

В 1989 г. с группой товарищей на своей квартире В. Коштуница участвовал в создании Демократической партии (ДП). Он был депутатом парламента в Скупщине Сербии с 1990 по 1997 г. В 1992 г. среди лидеров партии возникли разногласия по вопросу объединения в едином оппозиционном блоке. В. Коштуница тогда был одержим идеей создания демократического движения, которое могло бы переменить власть. Лидеры ДП Драголюб Мичунович и Зоран Джинджич были категорически против вхождения в оппозиционный блок, и тогда В. Коштуница вышел из ДП и создал Демократическую партию Сербии (ДПС), став ее председателем. Партию В. Коштуницы отличало присутствие в программе “национального момента”: в условиях кризиса, блокады, войны в Боснии и Герцеговине (БиГ) и Хорватии ДПС не настаивала на реализации идеи гражданского общества, а выступала за неприемлемость плана Вэнса – Оуэна для БиГ, за объединение сербского народа. Но решать этот вопрос должен был, по мнению В. Коштуницы, сам сербский народ в Боснии и Герцеговине.

Идея объединения оппозиционных сил была осуществлена В. Коштуницей в 1992 г. созданием Демократической оппозиции Сербии (ДЕПОС). 16 мая 1992 г. перед декабрьскими выборами в Скупщину был сформирован новый блок оппозиционных партий ДЕПОС. Сюда вошли Сербское движение обновления (СДО), Новая демократия и ряд мелких партий (всего 14). Однако блок так и не смог стать ведущей политической силой. ДЕПОС базировался на трех китах: религии, антикоммунизме и монархической ориентации. Но в сербском народе ни один из этих пунктов тогда не мог иметь большого успеха. Вук Драшкович (лидер СДО), заняв в оппозиции ведущее место, считал ДЕПОС продолжением своей партии, чем вызывал недовольство других [1. С. 10].

Не оставив идею создания сильной оппозиции, В. Коштуница откликнулся в январе 1995 г. на призыв лидера радикалов В. Шешеля договориться о совместных действиях на местных и республиканских выборах, а также о создании Объединенной оппозиции. 13 февраля 1995 г. представители трех партий – Сербской радикальной партии (СРП), ДП и ДПС подписали договор о межпартийном сотрудничестве на уровне местных органов власти.

Накануне выборов в союзную Скупщину 3 ноября 1996 г. оппозиция (ДП, ДПС, СДО, Гражданский Союз Сербии) объединилась в блок под символическим названием “Вместе”. Оппозиция неожиданно для центра одержала убедительную победу во втором круге выборов в местные органы власти в ряде крупных городов и общин – Белграде, Нише, Крагуеваце, Нови-Саде, Чачаке, Ужице и др. Хотя для устоев правящей элиты Сербии политическая окраска власти в общинах и городах принципиального значения не имела, ибо реальная власть находилась в республиканской и союзной скупщинах, было сделано все, чтобы отменить по просьбе Социалистической партии Сербии (СПС) результаты второго круга в 352 избирательных участках (3.5%) из 10076 по всей Сер-

бии. Формальные причины на это были: или кандидат продолжал агитацию непосредственно на выборах, или обнаружилось расхождение в количестве опущенных бюллетеней и списках избирателей, или же агитационные плакаты находились на расстоянии меньше, чем 20 м от избирательного участка и т.д. Именно в это время В. Коштуница впервые вышел вместе с оппозицией на митинги протеста, хотя и не был активен. Тогда писали, что он, хотя и вместе, но все-таки врозь [2]. В. Коштуница заявил, что участие ДПС в коалиции “Вместе” не принесло партии успеха. Больше всего его разочаровала позиция партнеров по сербскому национальному вопросу.

Изнурительное политическое противостояние было наполнено ожиданием компромисса. Первый шаг ждали от властей. Побывавшая в Белграде делегация ОБСЕ высказала рекомендации политическим структурам Сербии признать результаты выборов в тех округах, где победила оппозиция. 11 февраля Скупщина Сербии одобрила законопроект, подтверждающий победу оппозиции на муниципальных выборах в 14 городах, включая Белград.

На выборах в сентябре 2000 г. В. Коштуница был избран президентом Союзной Республики Югославии (СРЮ). Баллотировавшись в президенты, он говорил: “Я выступаю кандидатом для того, чтобы до конца вести борьбу за победу идеи демократического разделения власти на законодательную, судебную и исполнительную над идеей тоталитарного единства власти, где все сконцентрировано в руках одного человека” [3].

Выступая на предвыборном митинге, Коштуница обвинял С. Милошевича в том, что тот ощущает себя королем, который не думает о государстве и народе. Именно тогда В. Коштуница создал имидж обычного, среднего человека, который не мечтает о власти, а лишь хочет жить в демократическом европейском государстве, свободном во всех отношениях. Он даже подчеркивал, что это должна быть страна среднего уровня во всем – в экономике, в банковской системе, в торговле, даже в снабжении товарами потребления, в сотрудничестве с международными организациями, настраивал народ на спокойную жизнь без эксцессов [4].

“С момента переворота 5 октября Коштуница добился ряда внешне неброских, но крайне важных успехов на пути формирования новой политической инфраструктуры Сербии. К числу таких достижений, несомненно, относятся взятие под контроль революционной стихии и удержание процесса перехода власти в мирных и конституционных рамках” [5]. Первые дни после прихода к власти Коштуница следовал своим теоретическим установкам. Он достиг компромисса со сторонниками Милошевича в федеральном и сербском руководстве, а также верхушке армии и спецслужб. Президент переломил давление наиболее активных деятелей оппозиции, выступавших за радикальную чистку во властных и силовых структурах. Формирование переходного правительства Сербии и назначение досрочных выборов в республиканскую Скупщину на 23 декабря позволили максимально сократить переходный период и способствовали стабилизации обстановки в стране.

ЦРУ очень внимательно отнеслось к личности В. Коштуницы. Американская администрация его поддержала, но он для них не был ясен до конца, в отличие от Милошевича, которого они считали “скрытым русофилом”, сильным и хитрым [6]. После внимательного изучения досье югославского президента, ЦРУ определило для себя, что Коштуница обладает теми чертами, которые Запад десятилетиями искал в лидере в Восточной Европе: никогда не был чле-

ном компартии, религиозен, “демократ-экстремист”. В его досье было написано: “Нетипичный серб, нетипичный государственный из страны Восточной Европы, который не укладывается в схему о бывшем коммунисте, который демократизировался” [6]. От других политиков новой волны, пришедших к власти осенью 2000 г., В. Коштуницу отличала достаточно четкая правовая программа, которая разрабатывалась на долгую перспективу и основывалась на строительстве правовых институтов.

Проблема Косова – важный элемент национальной программы нового президента СРЮ. Ее решить за время президентства так и не удалось, хотя, судя по высказываниям, позиция по Косову В. Коштуницей была выработана.

Глава югославского государства косовскую проблему оценивал как “крупнейшую европейскую проблему”, отмечая, что события в Космете предупреждают о том, что “старая балканская история о насилии и этнической чистке все еще не закончена”. По его мнению, ЕС и европейские государства должны внести существенный вклад в как можно более последовательное выполнение резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН по Косову и Метохии, потому что “без выполнения этой резолюции до последней запятой не будет мира ни в Косове, ни на Балканах, ни в Европе” [7]. Он полагал, что резолюция № 1244 до сих пор являлась “мертвой буквой на бумаге”, с учетом того, что ее основная политическая цель – сохранение полиэтничного характера края и безопасности для всех ее граждан не реализована, поскольку в Космете все еще “господствует террор необузданных политических appetитов и изгнание одного коренного народа”, а насилие то и дело развязывается, “переступая границу Косова и расширяясь на остальную часть южной Сербии” [7].

Уже позже, в конце своего президентства, когда проблема Косова обострилась до предела, В. Коштуница подчеркивал, что говорить о необходимости признания независимости Косова абсолютно невозможно. “Такие заявления, особенно когда их делают представители международного сообщества, а не только албанские политические лидеры, преждевременны и опасны, потому что вносят дополнительное беспокойство в и без того хаотичную ситуацию, в которой гражданская миссия ООН и международные миротворческие силы далеко не все держат под контролем” [8]. Первоначально следовало бы выполнить положения резолюции в том, что касается безопасности, полного соблюдения прав человека и национальных меньшинств, свободы передвижения, возвращения изгнанных сербов и других неалбанцев. Необходимо также внести ясность в судьбу заложников и без вести пропавших. Как человек, уважающий право, он верил и органам международных организаций, которые стояли за решениями вопроса о Косове. “Это проверка состоятельности международного сообщества, которое и приняло резолюцию 1244” [8].

В. Коштуница – верующий человек. Его первый визит в Москву в октябре 2000 г. ознаменовался подчеркиванием близости наших православных церквей.

Касаясь церковных аспектов московских встреч Коштуницы, В. Путин охарактеризовал их как “существенный элемент поддержания особого отношения между нашими государствами”, отметив, что “это не нуждается в объяснении, это можно только приветствовать” [9]. Сербская Церковь встала на сторону Коштуницы с самых ранних этапов его политической деятельности. Несомненно, что поддержка Патриархом Павлом и сербской монашеской общиной Афона сыграла огромную роль в принятии нового президента сербским народом [9].

Отношение В. Коштуницы к церкви выразилось и в том, что сразу после выборов он поставил вопрос о введении богословия в школах. По его мнению, это – проявление свободы вероисповедания. И нужно в Югославии исправлять положение, которое существовало в стране более пятидесяти лет. Он полагал, что решать этот вопрос надо вместе со школой [10].

По вопросам внешней политики позиция В. Коштуницы опиралась на пример ЕС. Президент СРЮ полагал, что балканские страны хотят “на этом миниевропейском просторе повторить историю европейской интеграции по примеру ЕС” [7]. “Содействие Союза лишь укрепило бы и ускорило наши начальные, все еще неуверенные и, в самом деле в смысле содержания, неопределенные и нерешительные шаги”, считал Коштуница, полагая, что “после демократических преобразований... страна выразит полную готовность включиться в европейские интеграционные процессы” [7].

В. Коштуница приехал в Москву вскоре после занятия высокой должности – уже в октябре 2000 г. Это было особенно важно, так как во время демонстраций 5 октября с балкона горящего югославского парламента В. Коштуница заявил, что “для построения демократического общества Сербии не нужны ни Америка, ни Россия” [11]. Тем не менее его первым официальным международным контактом на высшем уровне стала встреча с В. Путиным. Коштуница приехал в Россию за поддержкой, которая была необходима президенту Югославии для уравнивания западного давления на Белград как по вопросу Косова и Боснии (Коштуница уже открыто выступил против политики ревизии Западом Дейтонских соглашений и поддержал на предстоящих выборах в Боснии Сербскую демократическую партию – партию Радована Караджича), так и во внутривластной жизни Сербии [5]. В своем совместном заявлении стороны подтвердили традиционные принципы “дружбы, уважения и сотрудничества” России и Югославии во всех сферах, а также приверженность положениям резолюции № 1244 ООН. Особо было отмечено и стремление сторон к скорейшему восстановлению демократической СРЮ во всех международных организациях [11]. В Москве Коштуница встретился не только с президентом России, но и с министром иностранных дел И. Ивановым, а также с вице-премьером В. Христенко и начальником управления президента по внешней политике С. Приходько.

Одной из основных тем на переговорах в Москве стали расчеты за поставки российского газа. Плачевное состояние югославской экономики после многолетних санкций, натовских бомбежек, а также в результате экономической политики прежнего режима заставляло Белград искать взаимоприемлемые варианты реструктуризации газовой задолженности и продолжения российских поставок. С приближением зимы вопрос этот приобретал для Сербии первостепенное значение, и от того, насколько успешно В. Коштунице удастся решить эту проблему, во многом зависел исход досрочных выборов 23 декабря [5].

“Я очень удовлетворен этими беседами, и у меня создалось впечатление, что мы сможем и будем развивать наши отношения на очень доброй основе”, – заявил В. Путин, выступая по итогам своей встречи с В. Коштуницей вместе с ним же перед журналистами в Гербовом зале Кремлевского дворца [11]. В этой связи немаловажными стали слова В. Коштуницы о необходимости российского присутствия на Балканах как стабилизирующем факторе. “Югославия не будет больше пороховой бочкой на Балканах, как это было до сих пор”, – с уверенностью заявил он, подчеркнув, что мир на Балканах невозможен без учас-

тия Югославии. И существенную роль в этом, по словам В. Коштуницы, должна сыграть Россия: “Необходимо, чтобы во всех перекрещивающихся стратегических и геополитических влияниях на Балканах существовал элемент, означающий российское присутствие”. При этом, однако, президент СРЮ подчеркнул, что не только российское, но также европейское и американское присутствие в совокупности должно гарантировать на Балканах, прежде всего в Боснии и Косово, баланс этих влияний. Это в какой-то степени подтверждает прежние слова Коштуницы о том, что у Сербии не может быть друзей среди великих держав – все они так или иначе попытаются установить свой контроль в стратегически важной точке Балкан [11].

Позже Президент Коштуница говорил: “Отношения между Россией и Югославией константны, неизменны. Югославия принадлежит к тем странам на этом пространстве, а правильное сказать, выделяется как страна, которая считает, что в какой-то степени русское присутствие – это альфа и омега стабильности и равновесия на Балканах и на Юго-Востоке Европы” [12]

В. Коштуница выступал за мирное решение споров между Сербией и Черногорией. Подчеркивая, что Югославия продолжит предпринимать “решительные шаги в направлении обеспечения начатых демократических процессов и в построении новых политических институтов”, он полагал, что в последующей “внимательной” и “терпеливой” реконструкции нынешнего федерального государства “важнее всего обеспечить общепринятую демократическую процедуру изменения союзных институтов, а тем самым и нынешней Конституции СРЮ”.

Ни одно из двух возможных решений – построение совместного государства или его раздробление – “не представляло бы конец света, хотя хорошая интеграция по самому определению более стабильный вариант, чем атомизация”, констатировал Коштуница. Он отмечал, что важнее всего оговорить процедуру и “правила игры”, следуя современному европейскому опыту, для того чтобы народ Югославии самостоятельно и ответственно принял это “судьбоносное решение” [8].

В. Коштуница поддержал идею создания нового государства Сербии и Черногории. “Если смотреть рационально, то предложенный документ – лучшее, что можно было сделать с учетом унаследованного балласта сложных, не решаемых годами проблем” [8]. Поэтому он полагал, что с любой точки зрения – исторической, экономической, социальной решение Сербии и Черногории остаться вместе – самое целесообразное. Однако жизнеспособности нового государства не может помочь ни одно решение на бумаге, она зависит от воли и терпения не только главных политических сил, но в большой степени – от воли граждан.

После того как 4 февраля 2003 г. перестала существовать Югославия и на ее обломках начали формироваться органы нового государственного содружества “Сербия и Черногория”, В. Коштуница лишился своей президентской должности и почти год оставался лишь лидером Демократической партии Сербии. После парламентских выборов в Сербии 28 декабря 2003 г. В. Коштуница стал премьер-министром, сформировал правительство и начал новый этап демократических реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлович Р. Да ли су се Коштуница и Драшковић коначно разишли // Политика. Београд, 1994. 19 мај.
2. Ko je dr Vojislav Kostunica? // www.nedeljnitegraf.co.yu.

3. Коштуница В. Интервју 11 дец. 2002 г. // www.znasrbija.org
4. Коштуница В. Речь на митинге 20 сентября 2000 г. // <http://www.dss.org.yu>
5. Энгельгардт Г. Новые югославские власти заинтересованы в масштабном сотрудничестве с Москвой // Независимая газета. 2000. 27 октября.
6. Šta SAD misle o novom jugoslovenskom predsedniku // Blic. Beograd, 2000. 25 XII.
7. Коштуница В. Космет – крупнейшая европейская проблема // Информационный бюллетень Посольства Союзной республики Югославии. 2000. 25 ноября.
8. Слабынько А. Воислав Коштуница: “Независимость Косова абсолютно нереальна” // Независимая газета. 2003. 13 января.
9. Крымин А., Энгельгардт Г. Религиозный аспект визита Коштуницы в Москву // Независимая газета. 2000. 1 ноября.
10. Koštunica V. Intervju // www.nin.co.yu
11. Фокина К. На встрече в Кремле с Воиславом Коштуницей Владимир Путин обещал возобновить поставки энергоносителей в Югославию // Независимая газета. 2000. 28 октября.
12. Коштуница: Мы все еще находимся под давлением и шантажом // Общая газета. 2002. 8 февраля.

© 2005 г. М. Л. ЯМБАЕВ

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ 2001 г. В МАКЕДОНИИ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ И РЕГИОНЕ

Македония была провозглашена суверенным демократическим государством Конституцией 17 ноября 1991 г. Она – единственная из югославских республик – совершила бескровный выход из Союзной Федеративной Республики Югославии и некоторое время считалась “оазисом мира” на ее бывшей территории. Но уже тогда там давал о себе знать так называемый албанский фактор. В начале 1990-х годов в Македонии прошли массовые албанские демонстрации. В местах компактного проживания албанцев открыто игнорировались государственная символика республики, ее институты. Между тем, уже в первом правительстве независимой Македонии в 1991 г. албанцы были представлены четырьмя министрами. По утверждению их лидеров, албанцы составляют в Македонии не менее одной трети от общего числа жителей. Рождаемость албанцев там постоянно растет. В 1981 г. она составляла 19%, а в 1994 г. уже 23% и это примерно в шесть раз выше, чем у македонцев [1. С. 63; 3. С. 89–90].

В октябре 1998 г. по итогам выборов в парламент было сформировано коалиционное правительство из представителей победившей партии Внутренней македонской революционной организации – Демократической партии македонского национального единства (ВМРО-ДПМНЕ) и Демократической партии албанцев (ДПА) [2. С. 87–88].

Ситуация обострилась в связи с агрессией НАТО против Югославии весной 1999 г., когда в Македонию хлынул поток албанских беженцев (от 240 тыс. до 370 тыс. человек, по разным оценкам), а вместе с ними боевики и потоки оружия. Размещенные в Косово Международные силы безопасности (КФОР), которые по идее должны были бы воспрепятствовать переходу бандформирова-

ний в Македонию, не сделали этого, что должно было заставить задуматься – есть ли это провал официально заявленной миссии КФОР или проявление определенной стратегии “сильных мира сего”. В феврале 2001 г., после первых серьезных провокаций боевиков из так называемой Освободительной национальной армии (ОНА) или Армии национального освобождения (АНО) против сил безопасности Македонии, политический советник КФОР Ш. Саливан заявил в Приштине корреспонденту Франс Пресс, что КФОР рекомендовал Македонии не применять оружия в отношении албанских экстремистов [3. 2001. 1 III]. Силы НАТО не только не защитили население страны от агрессии албанских сепаратистов весной–летом 2001 г., а наоборот – вывозили боевиков, окруженных армейскими подразделениями Македонии, еще раз подтвердив закрепившуюся среди македонцев расшифровку аббревиатуры НАТО как “Новая албанская террористическая организация”.

В марте произошли прямые вооруженные столкновения боевиков и сил безопасности Македонии. Интересно, что ее министр иностранных дел албанец (!) С. Керим призвал создать буферную зону на границе страны с Косово после того, как в ходе столкновения с албанскими повстанцами были убиты трое македонских солдат. В стране буквально через несколько дней прошло заседание новой политической партии албанцев – Национальной демократической партии, которую возглавил бывший политзаключенный Ф. Баджрами. Ее лидеры выдвинули требования децентрализации государственных функций, изменения Конституции, делая акцент на том, что новая партия будет бороться за расширение прав албанского населения и признание албанского вторым государственным языком [4. 2001. 5 III; 12 III].

Руководство НАТО осудило действия экстремистов, но отказало в помощи властям Македонии. Это было воспринято как пощечина официальному Скопье, предоставившему территорию страны для операции НАТО в Косово [3. 2001. 22 III]. Албанцы поняли жест альянса. Они отвергли условия ультиматума, предъявленного им македонским руководством, в течение 24 часов покинуть территорию республики или сложить оружие.

Ситуация в стране обострялась, и премьер Л. Георгиевский прямо заявил: “То, что происходит в Македонии – это война” [3. 2001. 8 III]. В середине июня с позором был отправлен в отставку начальник македонского Генштаба Й. Андревский. Он “делился” с представителями американской организации Military Professionals Resources Inc (MPRI) информацией о состоянии армии и планах ее действий. Данная организация с согласия Генштаба занималась подготовкой ряда подразделений македонской армии. Однако неожиданно выяснилось, что все получаемые MPRI сведения об этой армии передавались албанским боевикам. О деятельности MPRI известно не так много. В европейской прессе появлялись данные о том, что ее сотрудники – бывшие офицеры американской армии, связанные с Пентагоном, выполняющие по его заданию “деликатные” миссии в разных регионах мира. Они участвовали в подготовке сепаратистов Освободительной армии Косово (ОАК) [3. 2001. 22 VI]. В конце июня 2001 г. стал очевидным факт присутствия американских офицеров в рядах воюющих на территории Македонии боевиков [3. 2001. 5 VII].

На пресс-конференции в Люксембурге в июне 2001 г. один из лидеров боевиков заявил, что АНО не будет разоружаться до окончательного соглашения о правах албанцев в Македонии. Он предложил, чтобы эти права обеспечивались НАТО, которая с этой целью развернет свои силы по всей стране [3. 2001. 27 VI].

В июне 2001 г. лидеры основных политических партий Македонии продолжили переговоры об урегулировании межэтнического конфликта в стране. В центре внимания находился мирный план, предложенный президентом Борисом Трайковским¹. Правительство и албанские сепаратисты достигли соглашения, позволявшего восстановить водоснабжение мирного населения в городе Куманово. Правительство сообщило, что закупило на Украине четыре боевых вертолета МИ-24 и четыре самолета СУ-25 [4. 2001. 25 VI]. В середине июня Б. Трайковский согласился на изменения в Конституции, предусматривающие признание албанцев государствообразующей нацией. В печати сообщалось, что премьер Л. Георгиевский считался на западе “ястребом”, так как отказывался идти на уступки боевикам. Во время одного из очередных споров между президентом и премьером и его сторонниками Трайковский воскликнул: “Я не хочу в Гаагу!” [3. 2001. 1 VIII].

Пересмотром македонской Конституции занялись спецпредставитель ЕС бывший министр обороны Франции Ф. Леотар и Р. Бадинтер. Тем временем возобновились начавшиеся в конце июня перестрелки в районе города Тетово между боевиками и македонскими силами безопасности [4. 2001. 9 VII].

Наконец, 6 августа в Охриде при посредничестве верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности Х. Соланы было решено подписать окончательное соглашение о мирном разрешении конфликта. Албанцы согласились по последнему спорному вопросу – формировать местную полицию в соответствии с процентным соотношением населения в конкретном населенном пункте, при подчинении ее государственным органам, а не местным властям.

8 августа боевики, нарушив перемирие, напали на армейскую колонну, убив 10 македонских солдат. Это вызвало волну возмущения среди славянского населения Македонии. В ночь с 8 на 9 августа прошли акции протеста в Скопье и в городе Прилеп. В Скопье были разгромлены лавки, принадлежащие албанцам. В Прилепе сожжена мечеть. 9 августа власти отдали приказ об операции по уничтожению группировки боевиков. Представитель ЕС в Македонии Ф. Леотар в интервью французскому радио выразил опасение, что мирные переговоры, которые, по его словам, были близки к успешному завершению, могут сорваться. Между тем, 12 августа трое македонских полицейских были убиты и двое ранены в результате нападения албанских боевиков на подразделение полиции в селении Требош на севере Македонии. Совет безопасности Македонии призвал принять в стране чрезвычайные меры. А 31 августа в столице сотни македонцев продолжали блокировать здание парламента, который из-за этого не мог приступить к обсуждению конституционных поправок, расширяющих права албанского населения. Х. Солана объявил, что ЕС направит в Македонию еще 10 своих наблюдателей – в дополнение к 19, которые уже находились в стране [4. 2001. 9, 31 VIII].

В результате договоренностей стал возможен ввод в республику более 3 тыс. военнослужащих НАТО с целью контролировать процесс добровольной сдачи оружия боевиками – операцию “Основной урожай”, продолжавшейся до

¹ Он обучался в США, принял протестантизм, стал пастором Методистской церкви, получил 53% голосов на президентских выборах “благодаря консолидированному голосованию албанской общины” [5. С. 61]. Погиб в авиакатастрофе в феврале 2004 г.

конца сентября. В результате войны Македонии, по разным оценкам, был нанесен ущерб 600–700 млн. долларов или 1/5 ее ВВП.

Поправки в Конституцию удалось принять только 16 ноября (поочередно македонские и албанские партии в парламенте устраивали бойкот голосования). Межэтнический конфликт формально был прекращен. Статус государственнообразующей нации получили, наряду с македонцами, албанцы, турки, сербы, боснийцы, влахи, цыгане и представители других национальных меньшинств. Албанский язык стал официальным в населенных пунктах, где проживает более 20% албанцев, разрешено его использование в парламенте [6. 22 XI. S. 53].

Л. Георгиевский открыто заявил: “Всем ясно, что новая Конституция Македонии принята под огромным военным и экономическим давлением. Авторы кровавого сценария, который последние десять месяцев воплощался в Македонии, слишком сильны, чтобы мы могли им противостоять. Это, конечно, не албанцы из Македонии, а некто намного более сильный” [4. 2001. 12, 16 XI; 3. 17 XI].

В соответствии с соглашением об урегулировании этнического конфликта, утвержденным парламентом Македонии, 5 декабря 2001 г. президент амнистировал 11 македонских албанцев – членов АНО. Министр юстиции Иджет Мемети предложил амнистировать 88 участников АНО, отбывающих заключение по обвинению в причастности к террористической деятельности [4. 2001. 26 XI; 5 XII].

В конце января 2002 г. парламент утвердил закон о самоуправлении, расширяющий права местной власти. Однако на практике новый закон означает, что в течение нескольких лет, пока он будет реализовываться, административные посты должны оставить около 20 тыс. чиновников, а их места занять албанцы. Заметим, что в 2001 г. безработица в Македонии превышала 40% [4. 2002. 25 I; 7. 22 XI. S. 53].

В феврале 2002 г. Министерство обороны страны обвинило албанских повстанцев в подготовке нового мятежа весной наступившего года. А. Ахмети, лидер официально распущенной АНО, легализовавшейся в виде Демократической Унии (или Союза) за Интеграцию (ДУИ), отверг выдвинутые обвинения. В Скопье и Охриде были арестованы несколько местных жителей-албанцев, подозреваемых в контрабанде наркотиков и оружия для финансирования подпольной деятельности мятежников. Как отмечали некоторые наблюдатели, “македонские власти едва ли решатся на арест Ахмети, не получив зеленый свет от НАТО и ЕС, выступающих главными поборниками албанских прав и жестко контролирующими мирный процесс” [4. 2002. 23 II].

В марте 2002 г. парламент Македонии одобрил закон об амнистии для бойцов албанских отрядов, которые вели в прошедшем году боевые действия против правительственных войск.

26 апреля 2002 г. в столице Македонии – Скопье несколько тысяч человек участвовали в демонстрации протеста против деятельности Гаагского международного трибунала по военным преступлениям. Демонстранты требовали от властей страны гарантий того, что ни один гражданин Македонии не будет выдан ему [4. 2002. 27 IV].

26 мая 2002 г. на севере Македонии военный патруль подвергся обстрелу из гранатометов и легкого стрелкового оружия. Инцидент произошел в деревне Танушевцы, вблизи границы с Косово. В те же дни Совет Безопасности ООН подверг критике попытку парламента края Косово оспорить соглашение о границе между Македонией и Югославией [4. 2002. 26 V].

Август 2002 г. прошел в Македонии в напряженной политической обстановке. Так, были убиты несколько полицейских и боевиков, совершено нападение на офис ДУИ в Скопье. Наконец, заявила о себе новоявленная Албанская национальная армия – террористы захватили не менее пяти заложников на западе страны, которые после непростых переговоров были освобождены [4. 2002. 14, 26, 28, 30 VIII; 3. 2002. 2 IX].

На парламентских выборах правящая партия ВМРО-ДПМНЕ Л. Георгиевского потерпела поражение. Большинство получила коалиция “Вместе за Македонию”, возглавляемая Социал-демократическим союзом Македонии (СДСМ) Б. Цервенковского. СМИ сообщали о “позорном поражении” ДПА А. Джафери. Албанцы поддержали партию А. Ахмети ДУИ. Своеобразный состав приобрело сформированное в октябре 2002 г. новое правительство. Например, заместитель министра внутренних дел Ф. Дехари, по данным независимой македонской газеты “Дневник”, до вооруженного конфликта 2001 г. дважды посещал Приштину. Там прошел полный курс боевой подготовки под “крышей” “Корпуса по защите Косово”. Вернувшись, Дехари создал собственный отряд. С началом конфликта он был поставлен во главе охраны А. Ахмети. Все пять албанских министров нового правительства, в том числе и вице-премьер, курирующий вопросы внутренней политики, представляли ДУИ. Вице-премьер М. Джафери ранее был координатором комитетов поддержки ОНА, действовавших в Западной Европе. Министр здравоохранения Р. Селмани, закончивший медицинский факультет приштинского университета в 1988 г., бывший врач из приграничного села, работавший в 2000 г. в Скопье, в ходе войны был полевым хирургом ОНА. Начальник штаба ОНА Г. Острени, как и А. Ахмети – депутат парламента [3. 2002. 17 IX].

Напряженность в политической жизни страны не исчезла. 1 ноября 2003 г. после многочасового обсуждения депутаты македонского парламента утвердили новое правительство. По сообщению македонского телевидения, за новый кабинет проголосовали 72 депутата и 28 “против”. Кроме премьера Б. Цервенковского (СДСМ), в новом правительстве 18 министров, в том числе пять представителей албанского населения.

Сразу же после утверждения нового кабинета депутаты от ВМРО–ДПМНЕ и Либеральной партии заявили, что в знак протеста против включения депутатов от ДУИ в правительство не будут присутствовать на парламентских заседаниях до конца года и покинули заседание [7. 2003. 1 XI].

В ноябре 2003 г. в Македонии была проведена новая акция по добровольной сдаче оружия. Среди сданного за первые 10 дней ноября оружия – 314 винтовок, 7 668 патронов различного калибра, 157 снарядов, 15 мин, 10 гранат, 71 кг взрывчатки [7. 2003. 12 XI].

Министр обороны В. Бучковски 12 ноября 2003 г. заявил, что “Македония готова к вступлению в НАТО”, куда, по его словам, страна рассчитывает быть принятой в 2006 г. В тот же день на встрече президента, премьера и министра иностранных дел было принято решение подать заявку в ЕС с просьбой о принятии Македонии в члены этой организации [7. 2003. 12 XI].

Подводя итог, можно отметить, что так называемый албанский фактор, выступавший на протяжении длительного времени как катализатор происходящих на Балканах, в частности в Македонии, процессов, при видимой своей самостоятельности, никогда таковым не являлся.

Конфликт в Македонии, внешне имевший национальную окраску, по сути был противостоянием закона (в лице правительства Македонии) и беззакония (албанские террористы).

Объективно НАТО и ЕС выступили на стороне экстремистов, аналогичным образом они поступили и в Косово.

Босния и Герцеговина как целое может существовать только при условии присутствия там натовских войск. Теперь то же самое можно сказать и о Македонии.

Все это укладывается в рамки стратегии США, направленной на передислокацию основных сил НАТО с Запада Европы на Восток, в страны недавно вступившие в Северо-Атлантический Блок (в середине декабря 2003 г. парламент Болгарии согласился на размещение в стране баз НАТО). С какой целью это делается?.. Ответ, как представляется, очевиден.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
2. Степанова Е.А. Албанский фактор в македонском конфликте // Албанский фактор кризиса на Балканах. М., 2003.
3. Независимая Газета. 2001–2003.
4. Радио “Свобода”. 2001–2003. <http://www.svoboda.org / hotnews>.
5. Российская федерация сегодня. 2001. № 9.
6. Угеме. Веоград, 2001.
7. Македонска информативна агенција. 2001–2003. <http://www.mia.com.mk/> (Македонское информационное агентство).

Л. ВАСИЛЬЕВА. Штокавські літературні мови: Проблеми становлення, розвитку і сучасний стан. Львів, 2002. 341 С.

Л. ВАСИЛЬЕВА. Штокавские литературные языки. Проблемы становления, развития и современное состояние.

Хочу представить российскому читателю основательную, смелую, не лишённую дискуссионных положений книгу Л. Васильевой, изданную во Львове небольшим тиражом. Процессы, на которых сосредоточила свое внимание исследовательница, продолжаются, уловить их смысл не просто. Жизнь вносит свои коррективы в концепцию автора, но, очевидно, сущность происходящих процессов отмечена Л. Васильевой в основном верно. Как бы мы не оценивали языковую ситуацию на территории бывшей Югославии, следует признать: вместо одного сербскохорватского (или хорватскосербского) языка возникло четыре, каждый из которых пытается утвердить и утверждает свою самостоятельность, свою культуротворческую миссию, свою функцию в создании новых государственных образований, в обосновании национальной идентичности каждого из народов – носителей новых языков.

Процессы, о которых ведет речь Л. Васильева, сложны и неоднозначны. Они связаны с драматическими политическими событиями.

Известно положение М. Хайдеггера: язык – дом бытия, дом культуры. Обретая и строя свою государственность, свою культуру, народ утверждает и свой язык, способный выразить дух нации, ее стремления, ее право на независимое и

свободное развитие. Здесь уместно вспомнить слова Вильгельма фон Гумбольдта о роли языка в формировании национальной культуры: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидающий процесс... Язык есть не продукт деятельности (“Ergon”), а сама деятельность (“Energiea”)» [1. С. 69, 70].

Для Л. Васильевой язык – это именно деятельность, процесс неуклонного развития, определяемый как внутренними имманентными, так и разнообразными внешними факторами. Исследуя штокавские литературные языки, она выходит за рамки чисто лингвистического описания и исследования (отмечу ее основательные познания в сфере различных отраслей культурологии и языкознания). В монографии поставлены важные вопросы о взаимодействии языка и культурной традиции, языка и нации, языка и государства, точнее, связи государственного строительства и языковых процессов.

Подчеркну еще раз: нужно было проявить большую смелость и, вместе с тем, такт, научную объективность, чтобы обратиться к тому, что, по меткому выражению А. Франса, называется современной историей. Позиция ее исследователя осложняется тем, что ему нужно дистанцироваться от описываемых процессов, мысленно отойти на определенное расстояние. И автор успешно осуществляет

эту задачу, используя лингвистические методы. Л. Васильева не прибегает к все-сторонней политической оценке процессов, происходящих в бывшей Югославии. Она лишь замечает, что с распадом югославского государства и ликвидацией единого коммуникативного пространства, с одной стороны, и усилением выражения национального самосознания, с другой, к языку обратились как к способу выражения национальной идентичности, что стало причиной интереса к проблеме соотношения языка и культуры (С. 137).

Один из наиболее интересных параграфов книги называется “Национальная идентичность. Язык и культура”. Опираясь на положение норвежского лингвиста и социолога Е. Хагена, Л. Васильева оценивает языковую ситуацию в бывшей Югославии как результат предшествующего развития народов, пользовавшихся некоторое время единым сербскохорватским языком, но имевших отличные от него собственные языки.

Л. Васильева подчеркивает: “Деление сербскохорватского языка на четыре литературно-языковых стандарта является процессом совершенно естественным, закономерным, подготовленным всем предыдущим развитием языка” (С. 230). Однако, замечает автор, в понимании этих закономерностей возникает много вопросов. Они касаются уже самого названия новых языков.

Позволю себе заметить, что история, особенно история культуры, отнюдь не сводится к одним лишь закономерностям. Здесь наряду с закономерным, рациональным, объективным проявляет себя случайное, иррациональное, субъективное; в языкотворческих процессах важна роль отдельной личности. Но этот аспект проблемы Л. Васильевой не рассматривается.

Говоря об объективных причинах “возникновения” четырех языков, автор, как было сказано, учитывает исторические условия развития сербов, хорватов, боснийцев и черногорцев, особенности функционирования их культуры, в частности литературы. Один из методических принципов исследования состоит в том, что автор использует историю

как своеобразный инструмент осмысления современных процессов. Здесь невольно вспоминаешь слова современного философа Э. Соловьева, сказанные, правда, по иному поводу: “Прошлое толкует нас”. История югославянских народов свидетельствует не только о различных путях и тенденциях их развития, но и об их общности.

Второй момент, характеризующий исследовательскую методику Л. Васильевой, состоит в том, что она тщательно изучает свидетельства участников происходящего процесса.

Наконец, третий, весьма важный момент. В монографии Л. Васильева использовала также материал, полученный ею во время неоднократных экспедиций в республики бывшей Югославии: конкретные наблюдения над ситуацией, сделанные, так сказать, изнутри, записи разговоров с носителями языка. На “живом”, схваченном в динамике материале строит автор схему соотношения таких понятий, как “система”, “норма”, “стандарт”, “литературный язык”, “национальный язык”. При этом Л. Васильева творчески использует достижения современного языкознания, в частности работы Э. Кассирера.

Развивая положения современной лингвистики, Л. Васильева разграничивает понятие языка-системы и языка-стандарта: “Язык как система подпадает под действие только лингвистических (внутрилингвистических) факторов, а язык как стандарт претерпевает влияние и лингвистических, и нелингвистических закономерностей. Для языка как системы оценка его носителей не имеет никакого значения. Историческая, культурная, национальная идентичность не утверждаются и не подтверждаются языком как системой, это функция стандарта” (С. 239). Далее на конкретных примерах показаны отношения между системой и стандартом, которые взаимно обуславливают и обогащают друг друга.

История, литература, культура, цивилизация, религия – факторы, которые влияют на язык-стандарт и отражаются в нем.

Исходя из четко сформулированных теоретических положений, Л. Васильева тщательно характеризует каждый из четырех стандартов, возникших на основе штокавской языковой системы, с учетом особенностей их лексики, фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса. Отмечу основательность описаний, стремление как можно полнее охватить каждый уровень. Здесь проявляются и тонкое лингвистическое чутье, и умение сочетать скрупулезный анализ фактов с теоретическими обобщениями. Подчеркну еще раз, что речь идет о незавершенных процессах, о живой языковой действительности. Исследовательница тонко уловила диалектику генетической общности и функциональных различий четырех языков. Ее работа – еще одно доказательство того, что история языка – неотъемлемая часть истории народа.

Отмеченные Л. Васильевой функциональные отличия четырех языков-стандартов не исключают, а наоборот, в силу ряда факторов предполагают взаимодействие между ними. Возникает очень важный вопрос о дальнейших судьбах языков штокавской системы. И Л. Васильева много и точно говорит о национальных традициях народов – носителей сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков. Сейчас, в силу сложившихся обстоятельств, возобладали процессы дезинтеграции в штокавской языковой системе. Но можно с уверенностью сказать, что никогда не исчезавшее чувство общности южных славян возродится на новой основе и в новых формах. Как пишет Э. Кассирер, движение истории, культуры подтверждает известную истину: “То, что объединяет народы, сильнее того, что их разъединяет” [2. С. 180].

В конечном счете этот вопрос связан с проблемой славянской взаимности, и уже – югославянской общности. В монографии исследовательница касает-

ся этого вопроса, но мне кажется, ему следовало бы уделить больше внимания. Л. Васильева не всегда учитывает роль идеи славянского единства в формировании взглядов выдающихся представителей культуры и в их филологической деятельности.

В монографии показана роль Вука Караджича как реформатора и кодификатора языка, однако, с нашей точки зрения, нельзя рассматривать деятельность Вука-лингвиста в отрыве от других сторон его разносторонней деятельности – фольклориста, публициста, историка. Песенное собрание В. Караджича дает богатейший материал и для истории языка.

Книга Л. Васильевой – результат кропотливого и целеустремленного труда. Отдельные части книги печатались в виде статей, главным образом в украинских изданиях. Сравнивая эти публикации с монографией, видишь, как в процессе работы формировалась и уточнялась концепция автора, как углублялось понимание изучаемых процессов. В результате появилось исследование, которое вносит вклад не только в славистику, но и в общее языкознание, в социолингвистику. В наше время, когда вопрос о нациях и национальных языках приобретает особую остроту, эта книга является весьма актуальной. Разумеется, трудно в краткой рецензии дать ее полную характеристику, но если мне удалось пробудить интерес к монографии Людмилы Васильевой, считаю свою задачу выполненной.

© 2005 г. М. Я. Гольберг

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1989.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1995.

К юбилею Инны Ивановны Лещиловской

Отметила свой юбилей Инна Ивановна Лещиловская – видный историк-югославист, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Окончив в 1951 г. исторический факультет МГУ, И.И. Лещиловская в аспирантуре МГУ сосредоточилась на изучении социально-экономического развития Хорватии и Славонии в конце XVIII – первой половине XIX в. Ее кандидатская диссертация, выполненная под руководством В.Г. Карасева, была защищена в 1956 г. Прийдя в тот же год в Институт славяноведения АН СССР, И.И. Лещиловская вошла в авторский коллектив, приступивший к работе над двухтомной “Историей Югославии”, опубликованной в 1963 г. В центре внимания ее исследований 1960–1970-х годов находились проблемы хорватского национального движения в конце XVIII – первой половине XIX в., в том числе в контексте венгерской и австрийской революций 1848–1849 гг. За монографией “Иллиризм. К истории хорватского национального возрождения” (М., 1968) последовала другая – “Общественно-политическая борьба в Хорватии, 1848–1849 гг.” (М., 1977). Докторская диссертация “Проблемы национального движения и классовой борьбы в хорватских землях в период революции 1848–1849 гг.” была защищена И.И. Лещиловской в 1973 г.

С середины 1970-х годов в многочисленных статьях, опубликованных в “Вопросах истории”, “Советском славяноведении”, других журналах, а также в коллективных трудах Института славяноведения и балканистики (ИСБ) АН СССР, И.И. Лещиловская обращается к изучению общих закономерностей и специфических особенностей формирования идеологий и политических структур национальных движений в югославянских землях как в монархии Габсбургов, так и за ее пределами. Ряд ее статей был посвящен концепциям славянской общности в XIX в., конкретным планам объединения южных славян Австрийской империи в 1848 г., а также общим проблемам формирования наций в регионе. И.И. Лещиловская входила в авторский коллектив известного двухтомного труда ИСБ АН СССР “Освободительные движения народов Австрийской империи” под редакцией В.И. Фрейдзона (М., 1980–1981).

Наряду с идеологией и политическими аспектами национальных движений И.И. Лещиловская неизменно проявляла интерес к культуре национального возрождения югославянских народов и – шире – национальным культурам южных славян в XVIII–XIX вв. В течение ряда лет она работала в отделе, занимающемся историей культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, и входила в авторский коллектив многочисленных трудов (“Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения”. М., 1988; и др.). В 1994 г. была опубликована монография И.И. Лещиловской “Сербская культура XVIII века”, в 1996 г. под ее редакцией вышел двухтомный коллективный труд “Славянские матицы, XIX век” – первое в отечественной историографии сравнительно-историческое исследование институций, ставших базой формирования национальных культурных инфраструктур у южнославянских и западнославянских народов. В 1990-е годы на первый план в научных интересах И.И. Лещиловской выходят проблемы политических отношений и культурных контактов России с зарубежными славянскими (в первую очередь южнославянскими), а также балканскими народами в XVIII в. Под ее редакцией вышли коллективные труды “XVIII век: славянские и балканские народы и Россия” (М., 1998), “Век Екатерины II: Россия и Балканы” (М., 1999), за которыми последовала этапная в изучении международных отношений в XVIII веке коллективная монография “Век Екатерины II: Дела балканские” (М., 2000. Отв. редактор В.Н. Виноградов). В 2003 г. в издательстве “Наука” под редакцией И.И. Лещиловской была опубликована новая коллективная

монография “Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.”, уже успевшая вызвать отклик специалистов (см.: Славяноведение. 2004. № 5).

Одновременно И.И. Лещиловская продолжала много заниматься идеологией национальных движений славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, многообразием конкретных проявлений славянской идеи и их геополитическими проекциями, концепциями славянского (южнославянского) единства в сербском и хорватском национальном сознании. Глубокое знание И.И. Лещиловской истории межэтнических отношений на Балканах, и прежде всего сербско-хорватских противоречий, делает востребованными ее выступления по проблемам, по сей день сохраняющим свою политическую остроту. Так, в 1994 г., в разгар конфликта в бывшей Югославии, “Вопросы истории” опубликовали ее статью об исторических истоках этого конфликта. Свой юбилей И.И. Лещиловская встретила на подъеме творческих сил. Она участвует в осуществлении при поддержке РГНФ масштабного проекта по изучению истории Балкан в XVIII–XIX вв. Первый том – “История Балкан. Век восемнадцатый” подготовлен к печати. Одновременно под руководством И.И. Лещиловской готовится коллективный труд “Южнославянские и балканские народы в международной жизни конца XVIII – начала XX века”, в котором история межнациональных и международных отношений в регионе будет представлена в жанре исторических портретов. Продолжается также работа над индивидуальной монографией “Сербский народ и Россия в XVIII в.”

Редакция журнала “Славяноведение”, с которым И.И. Лещиловская активно сотрудничает с первых лет его основания, желает ей здоровья и новых творческих свершений.

© 2005 г. *Коллеги*

Славяноведение, № 3

К юбилею Виктора Ивановича Косика

В ноябре 2004 г. исполнилось 60 лет Виктору Ивановичу Косику – историку-балканисту широкого профиля, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН.

Выпускник исторического факультета МГУ, ученик Л.В. Гориной и В.Г. Карасева, В.И. Косик получил фундаментальное образование как историк-югославист, по окончании МГУ несколько лет проработал в Белграде в советском Культурном центре. Позже, придя в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР, он переключился на изучение политической истории Болгарии и международных отношений на Балканах в 70–80-е годы XIX в. Его кандидатская диссертация “Отношения Болгарского княжества с Османской империей, Сербией и Румынией (1879–1885 гг.)”, выполненная под руководством академика Ю.А. Писарева, была защищена в 1983 г. В дальнейшем он сконцентрировался на российской политике в отношении Болгарии. Его монографии “Русская политика в Болгарии, 1879–1886” (М., 1991) и “Время разрыва. Политика России в Болгарском вопросе, 1886–1894” (М., 1993) составили корпус докторской диссертации “Политика России в Болгарии, 1879–1894”, защищенной в 1993 г. Основательное изучение документов дипломатических архивов позволило В.И. Косику глубоко проанализировать расстановку сил на Балканах, сложившуюся после Берлинского конгресса, и выявить целый комплекс объективных причин и субъективных факторов (включая ошибки царской дипломатии), предопределивших кардинальный поворот во внешнеполитических ориентациях Болгарии – от союза с Россией к союзу с Германией и Австро-Венгрией. Занимаясь параллельно югославистикой, В.И. Косик участвовал в составлении сборника документов “Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия, 1865–1875” (М., 1988), подготовке других трудов.

В статьях начала 1990-х годов В.И. Косик обращается к новым для себя темам. Изучение им творчества выдающегося русского консервативного мыслителя К. Леонтьева нашло итоговое выражение в монографии “Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему” (М., 1997). С другой стороны, В.И. Косик много занимается историей русской эмиграции и особенно церкви в Болгарии и Югославии в межвоенный период, не избегая при этом постановки острых проблем – в частности, об отношении русской эмиграции к фашизму. Наряду с многочисленными статьями, в том числе на страницах журнала “Славяноведение”, им была опубликована в 2000 г. монография “Русская церковь в Югославии (20–40-е годы XX века)”, основанная на скрупулезном изучении документов из белградских архивов. Ближится к завершению монография об истории русской церкви в Болгарии в 1920–1960-е годы.

С конца 1990-х годов в отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в новое время осуществляется с участием В.И. Косика целый ряд проектов по изучению Сербии, других балканских государств, международных отношений на Балканах в XIX–XX вв. Особенно занимает Виктора Ивановича многогранная проблематика российско-сербских общественных и культурных связей. Его новая монография по этой тематике подготовлена к печати.

Своим участием в коллективном труде “Македония: проблемы истории и культуры” (М., 1999) В.И. Косик отдал также дань изучению чрезвычайно болезненного македонского вопроса, представляющего собой наиболее запутанный узел в отношениях народов, населяющих Балканы. В последнее время В.И. Косик все больше занимается острыми межэтническими отношениями в XX в. в другом многонациональном югославянском крае – Боснии и Герцеговине. Этой проблеме посвящена его статья, опубликованная в “Славяноведении” в 2004 г.

Научные исследования В.И. Косик сочетает с плодотворной работой в качестве члена редколлегии журнала “Славяноведение”, преподаванием в Православном Свято-Тихоновском богословском институте, научно-популяризаторской деятельностью в рамках Дней славянской письменности и культуры. В течение ряда лет он был членом редколлегии журнала “Педагогика”, представляя в педагогическом сообществе позицию профессионального историка.

Человек немалой эрудиции и легкого пера, внимательный, доброжелательный редактор и самобытный, увлеченный лектор, Виктор Иванович Косик снискал искреннее уважение знающих его коллег. Редакция журнала “Славяноведение”, поздравляя своего многолетнего постоянного автора, желает юбиляру новых творческих успехов.

© 2005 г. *Коллеги*

Славяноведение, № 3

К юбилею Галины Яковлевны Ильиной

24 января 2005 г. – знаменательная дата в жизни крупнейшего отечественного литературоведа-югославииста и историка литературы, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, доктора филологических наук, профессора Галины Яковлевны Ильиной. Научная жизнь Г.Я. Ильиной тесно связана с развитием российского славяноведения – полвека посвятила она исследованию литератур южных славян, внося существенный вклад в их систематическое изучение и популяризацию.

Выпускница славянского отделения филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1952), Г.Я. Ильина работает в Институте с 1956 г. За это время ее связь с высшей школой не прерывалась: она являлась членом специализированного диссертационного совета филологического факультета, читала спецкурсы на славянском отделении, участвовала в совместных с факультетом научных проектах.

С первых лет работы в Институте определились основные направления научных интересов Ильиной. Это история южнославянских литератур в XX в., сравнительное изучение литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы, теория и методология литературоведческих ис-

следований, русско-югославянские литературные связи. Особое внимание исследовательницы было обращено к истории и функционированию национальных литератур Болгарии и Югославии в межнациональном контексте. Г.Я. Ильина широко известна в литературоведческих кругах России, стран СНГ и за рубежом, в том числе благодаря своим выступлениям на многочисленных международных конгрессах и конференциях, съездах славистов, а также благодаря публикациям в совместных с учеными стран Восточной Европы трудах и в иностранной периодике (хорватские журналы “Umijetnost tjeci”, “Croatica”, “Kronika”).

Перу Г.Я. Ильиной принадлежат свыше ста двадцати работ, среди которых широкую известность получили монография “Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в.”, а также разделы, посвященные истории литератур народов Югославии в академических изданиях историй литератур: третий том “Истории литератур западных и южных славян” (2001), “История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны” (1995–2001). Она один из авторов учебника по истории зарубежной литературы для высшей школы (1989).

Галина Яковлевна Ильина – достойный пример ученого, думающего о перспективах развития славяноведческой науки, о научной смене. Под ее руководством в 1989–2004 гг. подготовлено и защищено шесть кандидатских диссертаций по сербской, хорватской, словенской, македонской литературам, а также по проблемам русско-югославянских литературных связей, она выступала как научный консультант, оппонент, рецензент нескольких десятков диссертационных работ. Ее ученики продолжают благородное дело изучения и пропаганды славянских литератур в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Минске, Белграде, Баку, Загребе. В лице Г.Я. Ильиной они нашли истинного Наставника, сумевшего увлечь, привить вкус к исследовательской работе, дать путевку в самостоятельную научную жизнь. С полным правом Галину Яковлевну можно назвать одним из корифеев российской школы литературоведческой югославистики.

Важное место в научной деятельности Г.Я. Ильиной занимает еще одно весьма трудоемкое направление – редакторская работа. В 1970–1980-е годы она была членом редколлегии реферативного журнала РАН по литературоведению, членом редколлегии “Библиотеки югославской литературы”, выступала в качестве ответственного редактора пяти монографий и члена редколлегии более сорока пяти коллективных трудов. В качестве ведущего специалиста по литературам Болгарии и Югославии XX в., она также выступала как составитель, автор предисловий и примечаний к ряду переводов известных славянских авторов, среди которых М. Крлежа, Й. Йовков, А. Константинов, А. Цесарец, В. Калев и многие другие. Благодаря ее рецензиям в журналах “Художественная литература за рубежом”, “Советское славяноведение” (“Славяноведение”), “Вопросы литературы” наша читательская аудитория знакомилась с новыми именами и явлениями в современных югославянских литературах.

Научная деятельность Г.Я. Ильиной тесно связана с работой Центра по изучению литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы после 1945 г., она участница всех научных проектов, осуществленных Центром за последние десять лет. Это, в первую очередь, исследования, в которых анализируется роль литературы региона в подготовке и осуществлении решительных перемен рубежа 1990-х годов: “Поэтика и политика” (М., 2000), переходного периода рубежа тысячелетий – “Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность – непрерывность литературного процесса” (М., 2002). Г.Я. Ильина проявила живой интерес к такому существенному и противоречивому явлению современного литературного процесса, как постмодернизм, став соавтором и членом редколлегии научного труда “Постмодернизм в славянских литературах” (М., 2004). В ближайшее время выйдет в свет подготовленная Центром коллективная монография “Литературные итоги XX века”, одним из инициаторов и авторов которой также выступила Г.Я. Ильина. Мы рады, что юбилей находится в отличной научной форме, полна энергии, для нас она – не только признанный научный авторитет, но и человек огромного личного обаяния. Присущие Г.Я. Ильиной жизнелюбие, доброжелательность, чувство справедливостинискали ей глубокое уважение и искреннюю любовь коллег.

Мы поздравляем Галину Яковлевну с днем рождения, желаем ей крепкого здоровья и душевного спокойствия, плодотворной работы и новых научных свершений.

Друзья, ученики, коллеги

Памяти Владимира Израилевича Фрейдзона (1922–2004)

23 декабря 2004 г. российскую историческую науку постигла тяжелая и невосполнимая утрата – скончался известный ученый, доктор исторических наук Владимир Израилевич Фрейдзон.

Жизненный путь В.И. Фрейдзона – это путь подавляющего большинства людей его поколения, которым выпало и с оружием в руках защищать мир от нацизма, и восстанавливать страну, и преодолевать последствия того, что в 1956 г. было названо “культом личности”.

В.И. Фрейдзон родился в 1922 г. в небольшом городке Освей Великолукской (ныне Витебской) области Белоруссии. Вскоре после его рождения семья переехала в Москву. Закончив обычную московскую школу, В.И. Фрейдзон в предгрозовом 1939 г. поступил на Исторический факультет МГУ.

В 1942 г. как и его товарищи по курсу, В.И. Фрейдзон был призван в армию и, окончив в артиллерийском училище за восемь месяцев курс обучения, рассчитанный на два года, оказался на фронте, в противотанковой артиллерии. В феврале 1944 г. он был тяжело ранен, лечился в госпитале, но в июле того же года возвратился не только в строй, но и на фронт. Ему выпало воевать на 1-м Прибалтийском. О том, как воевал В.И. Фрейдзон, свидетельствуют его боевые награды – ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Впоследствии, уже в мирное время В.И. Фрейдзон, участвовавший в боях на территории Литвы, получил звание Почетного гражданина Акмянского района Литвы.

После демобилизации В.И. Фрейдзон вернулся на Исторический факультет. Он выбрал кафедру истории южных и западных славян, где в то время преподавали такие известные советские слависты старшего поколения, как В.И. Пичета, З.Р. Неедлы. Его научным руководителем – сначала дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации был патриарх отечественной славистики С.А. Никитин. Окончив в 1948 г. университет, В.И. Фрейдзон поступает в аспирантуру, по окончании которой в 1952 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию “Положение крестьян в Хорватии в конце XIX – начале XX в. и Хорватская крестьянская партия А. и Ст. Радичей 1905–1914 гг.” Это исследование было выполнено в труднейших условиях начала 1950-х годов, когда свирепствовало идеологическое давление, когда многие архивы были практически недоступны, когда невозможны были научные поездки, тем более, в Югославию, название которой употреблялось только в сочетании с бранными эпитетами, когда к хорватскому национальному движению относились с подозрением из-за создания во время Второй мировой войны профашистского Независимого Государства Хорватии (НДХ), когда Австро-Венгрия рассматривалась как соперник России на Балканах и угнетатель славянских народов. Но именно эта работа и заложила основы современной отечественной научной кroatистики.

В 1956 г. В.И. Фрейдзон пришел работать в Институт славяноведения Академии наук. Именно тогда, под влиянием благотворных перемен в советско-югославских отношениях, там начиналась работа над “Историей Югославии”. Ему было поручено написание глав, посвященных истории Хорватии и Словении в конце XIX – начале XX в. Из-за практической неразработанности многих проблем, молодому ученому приходилось работать по четырнадцать часов в сутки. По многим параметрам написанное им тогда не утратило своего значения и поныне (двухтомник вышел в 1963 г.).

Научная деятельность В.И. Фрейдзона в последующие годы посвящена в основном истории Хорватии третьей четверти XIX в. Ее итогом стала вышедшая в 1970 г. монография “Борьба

хорватского народа за национальную свободу”, ставшая образцом для отечественных кроатистов и два года спустя защищенная автором в качестве докторской диссертации. Уже само название труда свидетельствует о смелости и принципиальности автора: именно на 1971 г. пришелся период “хорватской весны”, подвергшейся жесткой критике не только со стороны Тито, но и брежневского руководства в Москве.

В дальнейшем В.И. Фрейдзон перешел от конкретно-исторических к теоретическим исследованиям, от изучения проблем истории одного народа к осмыслению исторического опыта и закономерностей развития всего региона Средней и Юго-Восточной Европы. Наряду с отдельными статьями, опубликованными в сборниках Института славяноведения и балканистики и в различных журналах, этот переход выразился в издании двухтомника “Освободительные движения народов Австрийской империи” (1980, 1982). Эта книга, ответственным редактором которой был В.И. Фрейдзон, и по сей день остается единственным в отечественной историографии комплексным и сравнительно-историческим исследованием национальных проблем этого государства. С его именем, как и с именем его друга, единомышленника и коллеги Т.М. Исламова, неразрывно связан расцвет исторических исследований в Институте славяноведения в конце 1970-х – первой половине 1990-е годы.

Накопленный опыт позволил ученому заняться теоретическими аспектами формирования наций в центрально- и южноевропейском регионе в конце XVIII – начале XX в. Но В.И. Фрейдзон не утратил интереса и вкуса к собственно историческому исследованию. Об этом свидетельствуют написанные им в конце 80-х–90-х годах XX в. монографии “Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX в.” (1993), “Далмация в хорватском национальном возрождении в XIX в.” (1997), “Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в.” (1999). В них, как и в ряде статей, посвященных истории развития югославизма и его соотношения с узким этническим хорватским и сербским национализмом, ученый стремится переосмыслить исторический опыт южных славян, освободившихся после Первой мировой войны от инонационального гнета и создавших совместное государство, которое дважды в нашем столетии распалось трагическим и кровавым образом.

Выдающимся событием в не только в отечественной, но и в мировой кроатистике стал выход в 2001 г. “Истории Хорватии”, охватывающей все века и периоды развития хорватов как народа и Хорватии как государства.

Несмотря на недуги, В.И. Фрейдзон работал до самого последнего момента: подготовленная им статья выходит в этом номере журнала “Славяноведение” уже после его кончины.

В.И. Фрейдзон не ограничивается деятельностью в рамках Института. Его перу принадлежат соответствующие разделы и статьи в “Большой Советской” и “Исторической” энциклопедиях, во “Всемирной истории”, в различных учебниках для высшей школы. Его статьи с удовольствием и почтением печатали самые солидные отечественные и зарубежные журналы – “Вопросы истории”, “Новая и новейшая история”, “Славяноведение”, “Časopis za suvremenu povijest”, “Historijski zbornik” и др. Его труды известны во многих европейских странах, со многими видными зарубежными учеными его связывала многолетняя дружба.

В.И. Фрейдзон был историком не только по профессии, но и по призванию. Отличительными чертами его исследовательского стиля были основательность, стремление собрать максимально возможное количество источников, их доскональная обработка и тщательный анализ, всестороннее знание историографии, интеллектуальное изящество, потрясающая работоспособность. И, самое главное – внутренняя свобода и органическое неприятие любого агрессивного национализма, в какие бы одежды он ни облачался. Эти качества снижали ему глубокое уважение коллег. Эти качества он старался привить и своим аспирантам, и всем, кто с ним работал. Он никогда не навязывал своих взглядов и оценок, но любой текст оценивал и правил исходя из собственных высочайших критериев профессионализма. Как ученый, он был исключительно строг и требователен и к себе, и к другим. Как человек, он был исключительно добр, являя собой образец порядочности, интеллигентности, неподкупности, принципиальности и душевной щедрости.

Исследования В.И. Фрейдзона, его книги, статьи и публикации документов представляют собой золотой запас отечественной историографии. По ним будут учиться все, кто посвятит себя изучению сложнейших исторических коллизий в Средней и Юго-Восточной Европе. А те, кому выпало счастье знать Владимира Израилевича лично и работать вместе с ним, не забудут его никогда.

Памяти Тофика Муслимовича Исламова (1927–2004)

В ночь на 31 декабря, в канун Нового, 2005 года, скорпостижно скончался на 78-м году жизни Тофик Муслимович Исламов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Тонкий знаток истории Австрии и Венгрии, крупный специалист по проблемам международных и межнациональных отношений в Центральной Европе в Новое и новейшее время, своим высоким профессионализмом и громадной эрудицией он снискал уважение коллег-историков не только в России, но и далеко за ее пределами.

Тофик Муслим оглы Исламов (именно так было бы правильнее его называть) родился 1 мая 1927 г. в Баку в семье железнодорожного служащего. В 1946 г., по окончании средней школы, поступил в Азербайджанский университет. Незаурядные способности начинающего историка были замечены уже на первом курсе: по рекомендации преподавателей Тофик Исламов был направлен в Ленинград для продолжения образования в ЛГУ.

В юности Т.М. Исламову повезло с учителями. В Ленинграде это были Е.В. Тарле, О.Л. Вайнштейн, Н.П. Полетика. Позже, в Москве, он учился у Н.Е. Застенкера, А.С. Ерусалимского, Р.А. Авербух, Е.И. Рубинштейн, под руководством которой выполнил кандидатскую диссертацию, Б.Ф. Поршнева и А.З. Манфреда, рядом с которыми работал в Институте истории АН СССР, уже после окончания аспирантуры. Особенную роль в становлении молодого историка сыграл, пожалуй, В.М. Турок-Попов, человек удивительной биографии и незаурядного научного дарования (впоследствии Тофик Муслимович опубликовал на страницах “Славяноведения” воспоминания о Владимире Михайловиче: 1995. № 1).

В начале 1950-х годов, в условиях формирования советского лагеря, немало внимания стало уделяться изучению истории стран “народной демократии”. Молодому аспиранту Тофику Исламову была предложена тема по венгерской истории. В отличие от славистов, которые могли опереться на давнюю и богатую традицию в отечественной науке, начинающий специалист по Венгрии, прошедший хорошую подготовку по всеобщей истории, хотя и мог получить консультации страноведов-унгаристов (главным образом, выходцев из коммунистической эмиграции), все-таки в большей мере был вынужден полагаться на собственные силы и чаще шел по историографической целине (контакты с венгерскими коллегами, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже, со второй половины 1950-х годов). Из кандидатской диссертации Т. Исламова, защищенной в 1955 г., вырастает солидная по объему монография “Политическая борьба в Венгрии в начале XX века” (М., 1959). Ее логическим и хронологическим продолжением стала другая его монография, “Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906–1914” (М., 1972), защищенная в 1973 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в качестве докторской диссертации. Переведенная (в сокращении) на венгерский язык, она была опубликована также в Венгрии в 1976 г.

Уже в начале 1960-х годов круг научных интересов Т.М. Исламова распространяется на XIX в. и даже конец XVIII в., причем история Венгрии все больше занимает его в широком плане – как история земель венгерской короны в структуре монархии Габсбургов, а с другой стороны, как история венгерского этноса в его тесных и весьма непростых взаимоотношениях с соседними (немецким, славянскими, восточнороманским) этносами в регионе, где межэтнические и межгосударственные границы никогда не совпадали. В 1960-е годы сначала в недрах Института истории АН СССР, а после реорганизации 1968 г. в Институте славяноведения и балканистики АН ИСБ (куда приходил и Т.М. Исламов) готовились “История Венгрии” и “История Румынии”, каждая в нескольких томах. В “Истории Румынии. 1848–1917” (М., 1971) перу Т.М. Исламова принадлежат главы по истории Трансильвании, относившейся к землям венгерской короны. Будучи ответственным редактором второго тома трехтомной “Истории Венгрии” (М., 1972), он проделал также огромную авторскую работу. Над синтетическими страноведческими трудами Т.М. Исламов работал и позже – достаточно назвать “Краткую историю Венгрии. С древнейших времен до наших дней” (М., 1991, около 40 п.л.), написанную им совместно с В.П. Шушариным и А.И. Пушкашем. Вместе с тем с середины 1970-х годов главный акцент в деятельности Тофика Муслимовича постепенно перемещается со страноведческих на сравни-

тельно-исторические исследования. В это время в ИСБ АН СССР было предпринято издание многотомной серии “Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры”. Ее венцом стала двухтомная коллективная монография “Освободительные движения народов Австрийской империи” (М., 1980–1981 гг.), органично сочетавшая в себе разделы по истории отдельных земель и народов с проблемно-тематическими главами. Т.М. Исламову в ней принадлежат принципиально важные разделы, посвященные не только венгерскому национальному движению, но и внешней политике империи.

Т.М. Исламова интересовали проблемы этнической истории – формирования наций, национального сознания и самоопределения, возникновения и развития межэтнических конфликтов, а также теоретические аспекты национализма. В другом коллективном труде той же серии, “У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе” (М., 1984), он проследил длительную эволюцию венгерской политической нации (“*natio hungarica*”), включавшей в себя господствующий класс всех земель венгерской короны, к нации в современном понимании.

В 1978 г., после смерти И.С. Миллера, Т.М. Исламов возглавил в ИСБ АН СССР сектор (затем отдел) Новой истории стран Центральной Европы, которым руководил около двух десятилетий. Он попытался создать на базе сектора комплексный центр по изучению Австрийской империи. Стремление Тофика Муслимовича не всегда находило понимание коллег – слишком сильна была в отечественной историографии традиция рассматривать монархию Габсбургов почти исключительно как “тюрьму народов”, чей опыт организации многонационального пространства, по мнению многих, едва ли заслуживал (как априорно негативный) слишком внимательного изучения, а тем более переоценки. Т.М. Исламов, отнюдь не идеализируя габсбургские порядки, вместе с тем в своих работах пытался показать противоречивость исторического процесса, никогда не вписывающегося в заданные формулы. Особое внимание он уделял попыткам реформирования системы межнациональных отношений как в масштабе всей монархии, так и в отдельных ее частях, тщательно анализируя при этом причины неудач при реализации тех или иных федералистских проектов.

Сосредоточившись на общих проблемах истории Австро-Венгрии, ее внутренней и внешней политике, отношениях с Российской империей, Т.М. Исламов опубликовал ряд статей, главы в коллективных трудах (“Международные отношения на Балканах. 1856–1878”. М., 1986, и др.). С изучением им австро-венгерской истории в Новое время тесно связан его интерес к среднеевропейской идее и более широкой проблеме формирования историко-географических регионов Европы. Статьи по этому кругу проблем были опубликованы им в “Европейском альманахе”, журналах и сборниках.

Более двух десятилетий Т.М. Исламов по сути дела возглавлял научное направление по комплексному изучению формирования современных наций и национального самосознания у народов Центральной и Восточной Европы. Некоторые его замыслы были реализованы в коллективных трудах. Так, в 1990-е годы при активном участии Т.М. Исламова были подготовлены и вышли в свет проблемные сборники “Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века” (М., 1991), “Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.)” (М., 1991), “Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции” (М., 1994), “Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства” (М., 1995), “Центральная Европа как исторический регион” (М., 1996), “Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы)” (М., 1999) и др. Сборник “Центральная Европа в Новое и новейшее время” (М., 1998) коллеги и ученики посвятили 70-летию Тофика Муслимовича. Т.М. Исламов и его единомышленники последовательно отстаивали необходимость регионального подхода к центральноевропейской истории, где судьбы славянских и неславянских народов были тесно переплетены. К сожалению, усилия Т.М. Исламова по созданию на базе Института славяноведения центра австро-унгаристики и комплексных среднеевропейских исторических исследований были в значительной мере сведены на нет в конце 1990-х годов. На каком-то этапе в процессе реорганизации возникла вдруг даже идея вывести унгаристику из стен Института. Тофик Муслимович реагировал на это не только с болью, но и с иронией. Мадыяры, еще в IX в. вбившие клин между западным и южным славянством, настолько сплели свою судьбу с судьбами славянской общности, что игнорировать венгерский контекст при изучении славянского мира – пагубно для самой славистики.

На протяжении десятилетий Т.М. Исламов был постоянным автором журнала “Новая и новейшая история”, членом редколлегии которого он состоял с 1987 г. Его статьи публиковались также в журналах “Вопросы истории”, “Свободная мысль”, “Россия и современный мир”, “Обще-

ственные науки и современность” и др. Причем способность Т.М. Исламова к широким обобщениям позволяла ему на основе сопоставления опыта разных стран проводить типологические параллели между процессами исторического развития, формирования наций, модернизации общества в различных европейских регионах. С другой стороны, Т.М. Исламову приходилось выступать и в научно-популярных жанрах – его перу принадлежат предисловия и послесловия к произведениям венгерской исторической беллетристики (а также рассчитанным на широкую аудиторию книгам профессионалов-историков), опубликованным в русских переводах.

В последние десятилетия круг научных интересов Т.М. Исламова охватывал три столетия. Его статья о роли русско-прусско-австрийского альянса в первом разделе Польши (в сборнике “Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой”. М., 1999) являлась серьезным исследованием международных отношений в середине XVIII в., как и статья в сборнике “Век Екатерины II: Россия и Балканы”. О революции 1848–1849 гг. в Венгрии, сложных взаимоотношениях венгерского революционного движения с национальными движениями других народов монархии Габсбургов Т.М. Исламов писал в коллективном труде “Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии” (М., 2001). В 2001 г. журнал “Новая и новейшая история” (№ 2) опубликовал его обобщающую статью “Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв.”, опирающуюся на новейшие достижения в изучении многонациональной дунайской державы. Особенно много Тофик Муслимович продолжал заниматься внешней политикой Австрийской империи (затем Австро-Венгрии) в XIX – начале XX вв., а также проблемами Первой мировой войны. Статья об основных тенденциях во взаимоотношениях Российской и Габсбургской империй с конца XVIII в. была опубликована в сборнике “Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика” (М., 1997). О роли Австро-Венгрии в Первой мировой войне, роковым образом сказавшейся на судьбе этой многонациональной империи, о сараевском убийстве и австро-сербском конфликте Т.М. Исламов писал в разделах коллективных трудов “Первая мировая война и ее последствия” (М., 1996), “Первая мировая война: Пролог XX века” (М., 1998), первом томе известного четырехтомника “Мировые войны XX века” (М., 2002) и др. В 2001 г. в журнале “Новая и новейшая история” (№ 5) вышла его итоговая статья по этой тематике, ставшая плодом многолетних штудий – “Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи”.

Вместе с тем в 1990-е годы центр тяжести в исследованиях Т.М. Исламова все более перемещался с Новой истории на новейшую. Когда было снято табу с изучения национально-территориальных споров в Восточной Европе, он в числе первых обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них. Важным вкладом в науку явились опубликованные в России и Венгрии его подлинно новаторские работы (по большей части выполненные в соавторстве с Т.А. Покивайловой) о румыно-венгерском споре из-за Трансильвании в условиях Второй мировой войны и послевоенного формирования ялтинско-потсдамской системы международных отношений. Речь идет о ряде журнальных статей, а также главах в коллективных трудах “Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)” (М., 1994), “Война и политика. 1939–1941” (М., 1999), “Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.” (М., 1999) и др. Венцом многолетних архивных изысканий явился сборник документов “Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946” (М., 2000), вызвавший международную дискуссию, к которой подключился даже министр иностранных дел Румынии и бывший премьер-министр этой страны Петре Роман (см.: “Новая и новейшая история”. 2000. № 6). Статья Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой “СССР и трансильванский вопрос (1945–1946)” вышла в последние дни жизни Тофика Муслимовича. Подготовлена к печати монография двух авторов “Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1947 гг.” Т.М. Исламов участвовал также в публикации архивных документов по истории венгерских событий 1956 г., его статья по историографии венгерского восстания вызвала дискуссию (см.: “Вопросы истории”. 1997. № 11; 1998. № 10), как и другая его статья – о перспективах югославизма как программы политического объединения ряда балканских народов (“Вопросы истории”. 2001. № 5; 2002. № 1).

Ученый с международной известностью, Т.М. Исламов многократно представлял СССР и Россию на конференциях в разных странах мира. Еще в 1970-е годы он стал одним из основателей совместной комиссии историков СССР и Венгрии, долгие годы (до лета 2004 г.) возглавлял ее российскую часть. В конце 1990-х годов он стоял у истоков другой совместной комиссии историков – российско-австрийской и в последние годы жизни отдавал ей немало сил.

Тесные связи Тофик Муслимович поддерживал с американскими научными центрами, занимающимися историей Австро-Венгрии. В солидном ежегоднике “Austrian History Yearbook” (в редакционный совет которого Т.М. Исламов входил), других научных изданиях США опубликовано

несколько его статей. Работы Исламова многократно выходили в Венгрии, неоднократно в Австрии и ряде других среднеевропейских стран. Внимательно следя за современной зарубежной историографией, происходящими в ней дискуссиями по узловым проблемам истории Средней и Восточной Европы, общаясь с зарубежными учеными, Т.М. Исламов старался сделать результаты их исследований достоянием отечественной профессиональной аудитории. В этом смысле показательна его статья “Европейские историки о европейской истории” (“Новая и новейшая история”. 2003. № 5). Последнее публичное выступление Тофика Муслимовича состоялось в конце сентября 2004 г. на конференции в г. Черновцы. В течение нескольких часов украинские коллеги не отпускали с трибуны известного российского историка, выслушивая его мнение по острым проблемам межнациональных отношений в Средней Европе в прошлом и настоящем.

К сожалению, он уже не смог увидеть напечатанной свою принципиально важную статью “Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация”, вышедшую в сборнике “Модерн. Модернизм. Модернизация” (М., 2004) по итогам конференции, посвященной эпохе модерна в российской, австрийской, германской культуре.

Свою эрудицию и профессиональные навыки Т.М. Исламов передавал молодым поколениям историков – не только в России, но и за рубежом. С начала 1970-х годов он пишет разделы для учебных пособий по Новой истории и историографии Нового времени, с конца 1990-х годов читал курс истории славянских народов в Государственном университете гуманитарных наук в Москве. Неоднократно выступал с лекциями в Центрально-Европейском университете в Будапеште и в Венском университете. Три десятилетия руководил аспирантами, многие из которых защитили под его руководством кандидатские диссертации. Очень много консультировал молодых иностранных ученых, приезжавших в Москву для работы в архивах. В последние недели жизни, после перенесенного тяжелого инфаркта, он, находясь на больничной койке, писал, преодолевая боль, оппонентские отзывы на две диссертации, беспокоясь о том, что его неожиданная болезнь может отсрочить время защит...

С горечью можно заметить, что отзывчивость Тофика Муслимовича, его открытость поступавшим с разных сторон предложениям о сотрудничестве помешали ему реализовать некоторые собственные сокровенные замыслы. Остались незавершенными монографии о внешней политике Австро-Венгрии и российско-австрийских отношениях в эпоху дуализма, о деятельности Союзной Контрольной Комиссии в Австрии в 1945–1955 гг.

Т.М. Исламов был постоянным автором журнала “Славяноведение”, причем некоторые его выступления на страницах журнала носили дискуссионный характер (см. дискуссию по проблемам революции 1848 г.: 2003. № 5).

Вклад Т.М. Исламова в унгаристику был отмечен рядом венгерских правительственных наград. На его кончину отреагировали старейший венгерский исторический журнал “Századok”, Институт истории Венгерской Академии наук, бывший президент Венгерской Академии наук Ф. Глатц.

Дело Т.М. Исламова продолжают его ученики, которых он по-отечески пестовал, передавая им не только сугубо методологические навыки, но и свои представления о научной этике – в науке активно работают Е.К. Вяземская, А.Г. Айрапетов, А.И. Миллер, С.А. Романенко, О.В. Хаванова, О.В. Павленко, А.С. Стыкалин и др.

© 2005 г. А. Стыкалин

Славяноведение, № 3

Памяти Ирины Викентьевны Шабловской

Не стало Ирины Викентьевны Шабловской (12.12.1939–25.03. 2004) – самого крупного белорусского специалиста по чешской и другим литературам западных и южных славян. На протяжении всей своей творческой жизни она была тесно связана с нашим Институтом: в 1971 г. защитила здесь кандидатскую диссертацию по теме “Чешская литература периода Второй мировой войны”, в 1989 – докторскую: “Проза европейских социалистических стран 60–70-х годов о

Второй мировой войне. Общее и особенное”. И.В. Шабловской принадлежит также монография “Самой высокой мерой. Современная проза европейских социалистических стран о войне”, особую ценность которой придавало широкое использование богатого и оригинального белорусского материала по данной тематике и пристальное внимание к художественной специфике произведений.

Научные интересы И.В. Шабловской не ограничивались проблематикой войны и славянскими литературами. В списке ее работ – статьи, посвященные не только чешской и словацкой, но и в целом зарубежной литературе XX в., учебник “Зарубежная литература XX века. Первая половина”, труды по сравнительному литературоведению, переводы с чешского на русский и белорусский языки. Став профессором Белорусского государственного университета, Ирина Викентьевна два десятилетия возглавляла здесь кафедру зарубежной литературы, воспитывала молодых специалистов, организовала выпуск учебных пособий для студентов.

Шабловскую знали не только в Белоруссии и России. Она сотрудничала со славистами Украины, наладила прочные связи с рядом чешских университетов, в том числе обмен студентами и стажерами, два года читала курсы лекций по компаративистике в университете Гранады (Испания). Ирина Викентьевна принимала участие в многочисленных международных конференциях, с неизменным успехом выступала с докладами на Международных съездах славистов, на Всемирном конгрессе литературоведов-богемистов и т.д. Она умела говорить аргументированно, убедительно, ярко, была энергичной, жизнерадостной и красивой женщиной.

Ирина Викентьевна мужественно боролась с внезапно настигшей ее тяжелой болезнью, старалась скрыть свои страдания от родных, от самых близких людей, сумела не потерять интереса к жизни. Я разговаривала с ней по телефону из Москвы за два дня до ее кончины. Голос звучал глуше, чем прежде, чувствовалось, что говорить ей трудно, но она стремилась не выдать своего состояния, интересовалась делами нашего Института, который искренне любила, спрашивала о знакомых, просила передавать всем привет, который оказался прощальным...

В лице Ирины Викентьевны Шабловской зарубежное литературоведение Белоруссии потеряло вдумчивого исследователя, активного пропагандиста. Ее уход – большая утрата для славистики, и не только белорусской. Остается надеяться, что ученики И.В. Шабловской продолжат ее дело, что богемистика в Минске не зачахнет, как и наше сотрудничество.

© 2005 г. С. Шерлаимова

Новые книги Института славяноведения РАН

В 2002–2004 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- **Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период “холодной войны” (1945–1957). М., 2002.
- **Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- **Исследования по славянской диалектологии.* 8. М., 2002.
- Левкиевская Е.Е.* Славянский берег. Семантика и культура. М., 2002.
- **Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.
- Литература Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. М., 2002.
- Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- **Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков.* М., 2002.
- **Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре.* М., 2002.
- **Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.* М., 2002.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2: 1949–1953. М., 2002.
- **Софронова Л.А.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002.
- **Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы.* М., 2002.
- **Studia Polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева.* М., 2002.
- **Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы.* М., 2002.
- **Утопия и утопическое в славянском мире.* М., 2002.
- Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.
- Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002.
- **Шерлаимова С.А.* Литература “Пражской весны”: до и после. М., 2002.
- **Балканские чтения. 7. В поисках “ориентального” на Балканах. Тезисы и материалы.* М., 2003.
- **Болгария в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2003.
- **Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты.* М., 2003.
- **Грачев В.П.* Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003.
- **Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками.* М., 2003.
- **Коровицына Н.В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.
- **Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.
- **Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов (июнь 1924 – декабрь 1926).* М., 2003.
- **Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
- **Свешникова Т.Н.* Синтаксис румынского глагола. Конъюнктив и его трансформы. М., 2003.

**Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

**Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003.

*Славянская этнолингвистика. Библиография. М., 2003.

*Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.

*Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Справочник. М., 2003.

*Исследования по славянской диалектологии. 9. М., 2004.

*Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004.

**Куренная Н.М.* Социалистический реализм. Историко-культурный аспект. М., 2004.

*На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения. М., 2004.

*Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре. М., 2004.

*Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы. Публикацию подготовил д-р ист. наук И.И. Костюшко. М., 2004.

*Постмодернизм в славянских литературах. М., 2004.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

*Славянская этнолингвистика. Библиография. М., 2004.

*Славянский альманах 2003. М., 2004.

**Струкова К.П.* Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века. М., 2004.

**Тихомирова В.Я.* Польская проза о Второй мировой войне в социокультурном контексте. 1989–2000. М., 2004.

Фантастика и сатира в литературе славянских народов (в честь 80-летия С.В. Никольского). М., 2004.

*Человек на Балканах и процесс модернизации. М., 2004.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Raspopovich R., Bychkov Yu.E.</i> (Podgorica). Russian Consulate in Kotor. 1804–1806.....	3
<i>Labauri D.O.</i> (Ekaterinbourg). Ideology of Macedonism in 1886–1903.....	22

COMMUNICATIONS

<i>Freidson V.I.</i> (Moscow). Russian Consulate's Communications from Dubrovnik about the Situation in Dalmatia in 1860ies – Early 1870ies	38
<i>Islamov T.M.</i> (Moscow). The Count Istvan Tisa – “a Strong Man” of Hungary	47
Toward the XIV International Congress in Slavic Studies.....	54

* * *

Materials of the Conference “Policy and Politics on Balkans. National and International Context in XIX–XX Centuries”	59
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Golberg M.Ya.</i> Л. Васильева. Штокавські літературні мови: Проблеми становлення, розвитку і сучасний стан	112
--	-----

ANNIVERSARIES

Toward the Anniversary of Inna Ivanovna Leshchilovskaya.....	115
Toward the Anniversary of Victor Ivanovich Kosik.....	116
Toward the Anniversary of Galina Jakovlevna Iydina.....	117

OBITUARIES

In Memoriam of Vladimir Israilevich Freidson (1922–2004).....	119
In Memoriam of Tofik Muslimovich Islamov (1927–2004).....	121
In Memoriam of Irina Vikentjevna Shablovskaya	124
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	126

Сдано в набор 04.02.2005 Подписано в печать 29.03.2005 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆

Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,8 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0

Тираж 542 экз. Зак. 193

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: juslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

